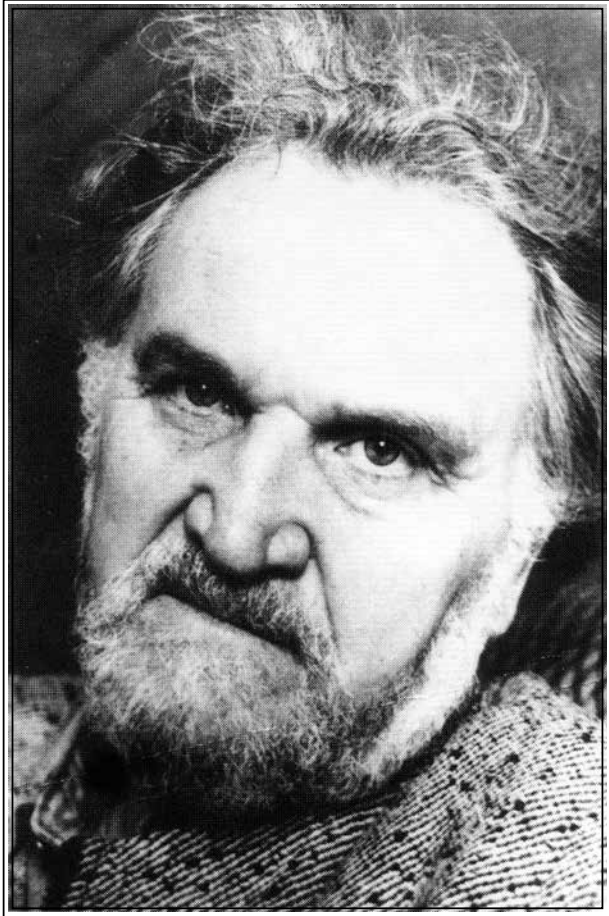

александр егоров
противостояние

александр егоров

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Волшебный фонарь

Москва

2015

о себе

Родился 28 апреля 1936 года в латышском селе Тимофеевка Венгеровского района Новосибирской области в семье вольного пимоката.

Одна ветвь нашей родословной идёт от ссыльных поляков, участников восстания 1863–1864 годов, другая от ссыльных староверов «веткинского» вывода 1735 года.

Бабушкина родня в 1918 году уехала в Польшу, а всю родню второй бабушки-староверки в 1930 году сплавили вниз по Оби. Все четырнадцать человек без вести пропали.

Папиного отца — моего дедушку — за отказ вступить в колхоз угнали за болото, а там вероломно расстреляли. А ещё раньше уполномоченный застрелил одного папиного брата, а другого угнали на Беломорканал, а бабушка-полячка, как говорят, умерла от голода и горя.

После чего вся наша родова разъехалась. Кто-то живёт в Москве, Новосибирске, Юрге, Омске, в Киргизии, в Украине. В 1948 году нашу семью занесло на Сахалин, где через пять месяцев умерла мама, а через полгода папа.

С тринадцати лет мне пришлось зарабатывать собственный хлеб. Работал в лесу, на стройках, в море. Общий трудовой стаж 52 года. В школе учиться не довелось, но всю жизнь занимался самообразованием. Трижды оканчивал различные курсы повышения квалификации. Кроме того, работал электромонтажником, замерщиком-проектировщиком, электрообмотчиком, мастером, чертёжником, геодезистом-строителем, энергетиком, библиотекарем, механиком, бойлерщиком.

Одно время был на доске почёта, о моих трудовых достижениях писали в газетах. В 1970 году за отказ поехать в колхоз на сельхозработы был поставлен под гласный надзор. В 1973 году в городе Туркестане был награждён

юбилейной ленинской медалью, которую не взял. Никогда не ходил на демонстрации, не был ни разу на военной переподготовке, не носил красных флагов и портретов вождей, никогда не голосовал за коммунистов, не ездил в колхоз, не ходил на дружину, не ходил в овощегноилице. Не был в партии и комсомоле, чем и горжусь. Уверенно называю себя: я русский. Отрицая конформизм, нажил себе лишних врагов. Можно сказать: штатных. Отрабатывая бонусы и подачки, особенно беснуются приставленные Конторой смотрящие, штатные культуртрегеры. Противостояние продолжается.

С 1988 года стал публиковаться в газетах и журналах.

Первая книга «Волчьи гоны» была напечатана в Новосибирске в 1992 году. Всего вышло 20 книг: «Сполох», «Треугольник», «Мосты», «Родова», «Времена», «Вёрсты», «Мы», «Камо?», «По стерне», поэма «Кому на Руси в наше время жить хорошо», «Вечная», «Календы», «Русский осторов» и другие.

За годы странствий по стране я девять раз проехал по Транссибу и девять раз побывал в Москве, но ни разу не посетил мавзолей врага России. Семь раз проехал по Турксибу, побывал во многих областях и районах Сибири, островах Курил, Сахалине, Камчатке, Чукотке, Кольском полуострове, Украине и Средней Азии.

В 1951 принимал участие в электрификации Северного Сахалина, в 1972–1975 годах участвовал в реставрации мечети-мавзолея Ходжи Ахмеда-Ясави в городе Туркестане. В 1991 году съездил на могилу родителей на Сахалин, а в 2002 году в Сибирь, на родину моих многострадальных родителей. Побывал в шести сёлах. С 1976 года живу во Владивостоке.

СМЕРТЬ СТАЛИНА

Встреча человека с коммунизмом происходит в два тура. В первом туре всегда выигрывает коммунизм; как дикий зверь, он прыгает на вас и отрокидывает. Но если есть второй тур, то тут уж почти всегда коммунизм проигрывает. У человека открываются глаза, и он замечает, что преклонялся перед обманом, нарисованным на рогоже. И получает прививку, навсегда.

Александр Солженицын

Сомнения невозможны: Сталин был чудовищем, и если существовал когда подлинный «враг народа», то именно он им и был. Память о его преступлениях сохранится до тех пор, пока существует История...

Игорь Шафаревич

5 марта 1953 года в рабочем посёлке Поронайского целлюлозно-бумажного комбината закончился обычный день. Наступил очередной промозглый вечер.

Тусклое освещение пустынных улиц, пронзительный ветер. Ни собак, ни кошек. Плодиться не успевают: в посёлке проживает несколько сотен корейских рабочих.

Н-образное общежитие переполнено до отказа. Холодную сутемь улиц разбавляют тусклые фонари. Поселковую площадь образует каре из двух магазинов и двух общежитий: нового, недавно построенного из добротного лиственничного бруса, и старого, ещё японской постройки, продуваемой всеми ветрами, фанерной. По всем четырём фронтонам зданий плакаты: «Слава КПСС!», «Слава народу-победителю!», «Выполним пятилетку досрочно!», «Слава Великому Сталину!» А Сталин сильно болен. Донимает радио. По несколько раз на дню, разрывая сердце, твердит одно и то же. Про самочувствие Вождя. А оно — без всякой надежды. И надо идти в третью смену на комбинат. К этому

времени я считался опытным электриком. Если кому-нибудь из товарищей случалось заболеть, то в смену выходил один. Энергетик доверял. Смешно, но никто не знает, что мне ещё нет и семнадцати. После смерти родителей, чтобы определить в ремесленное училище, по просьбе старших сестёр, сердобольное поселковое начальство тринадцатилетнему мальцу приписало два года. Через два года, то есть в пятнадцать лет, я получил четвёртый разряд электромонтёра промышленного оборудования. Хотя по правилам техники безопасности для самостоятельной работы нужны полные восемнадцать лет. А тут ещё и ночные смены. Вдруг узнают, — то-то будет переполоху!

Торцовая комната общежития выходит окнами на площадь, а там — «Слава» да «Слава»! Занавесок на окнах нет, тусклый свет уличного фонаря не даёт вздремнуть. Поразмыслив, решаю идти в цех, осмотреть оборудование, а там и прикорнуть. Дисциплина дисциплиной, но и телу можно подыграть. Вздремнуть часок-другой — святое дело. Сборы пару минут, молодым ногам пять минут до проходной и три минуты до цеха. Успеваю заметить: на фоне пасмурного неба, попыхивая дымом, поблескивают несколько рядов цветных навигационных огней. Это маячит самая высокая на Сахалине сташестидесятиметровая труба. С лесобиржи доносится скрежет цепей лесотасок, грохот окорочных барабанов, монотонный шум насосной станции; как бы прикуривая, пыхтит ТЭЦ.

Комбинат грохочет огромными цехами, сверкает огнями содовых и известковых печей сульфитного цеха. Сульфатный цех вздыхает горячим, стапятидесятиградусным паром варочных котлов. Всё оборудование иностранное. Кроме японских моторов, есть и немецкие, самой авторитетной фирмы «Сименс и Шуккерт», а весь привод называется «Вард-Леонард», с четырьмя вращающимися прессами и восемью парами огромных, четырёхметровых

в диаметре сушильных барабанов. Проходит бревно весь этот цикл, а на выходе машина выдаёт техническую бумагу... крафт-мешочную, качество которой обеспечивает японец Кананака, опытнейший наладчик бумажной машины.

Вот и древесный цех, захватанная масляными руками дверь дежурки. Нина Чешегорова уже одной ногой на пороге.

— Всё в порядке?

— Да.

— До свидания.

— До свидания.

Один... Бросил взгляд на японские электрические настенные часы: получается, что Нина ушла на полчаса раньше. Да и ладно. В ящике стола библиотечная книга «Военные произведения» Энгельса. А там — обидное про нашего прославленного генералиссимуса Александра Суворова. Все его громкие победы приписываются только русскому солдату, его бессрочной службе, а не лично полководческому гению. Я, конечно, уважаю Энгельса, но ещё больше уважаю Суворова. И с выводами марксистского классика категорически не согласен. Начитавшись различных книг, наперечёт знаю все сражения Суворова, все его победы, одна другой ярче и оглушительней. Я давно уверен, что все русские генералиссимусы — не чета иностранным! Тем более — Сталин! Болеет, но кто не болеет? Вот бы... изобрести самое лучшее в мире лекарство. Только жаль, на Сахалине совсем другие травы, слабые. В Сибири много крепче. А то бы в тот же день телеграфировал в Москву. Так и так, мол, я своё дело сделал, слово теперь, дорогие *эскулаты*, за вами. Это слово я совсем недавно записал в свою толстую тетрадку иностранных слов. Например, услышу новое слово по радио, пожалуйста, извини-подвинься — в тетрадь. А тетрадь толстая. Только беречь надо. Одну уже упёрли. Общежитие есть общежитие...

А если... сдать Вождю кровь для переливания? Я – первый! Пожалуйста. Ведь для него, освободителя братских народов Европы, победителя Гитлера и японских самураев, ничего не жалко. Любой советский человек отдаст свою кровь. Кто как, а я готов отдать хоть по капле. И не дрогну, не жалко. Да кому жалко? Разве что какому-нибудь паршивому бандеровцу или власовцу.

В Поронайске два лагеря, и там их, этих извергов, полным-полно. Иногда хожу мимо одного из них, вижу их сквозь колючку и, что характерно, лица обыкновенные: увидишь, сразу и не подумаешь, что это – матёрый враг народа, стрелял и убивал советских людей, быть может, даже пытал. Ужас...

Стены дежурки тонкие, рабочие бригады сделали пересменку. Начинает нарастать визг огромных циркулярных пил, лязг колунов и грохот прожорливых двухсоткиловаттных рубительных машин. Откуда-то прохватывает холодом. В таком случае лучше всего смена проходит в красном уголке: бильярд, шахматные задачи, то-сё. Пять шагов, вот и тёплый бетонный куб – красный уголок. Прямо у входа – бильярдный стол, направо – вперемежку длинные и короткие щербатые деревянные лавки и длинный, сделанный из вагонки стол. За ним обедают рабочие, а после полчаса забивают на нём козла. На сцене, в углу, стоит радиоприёмник «Балтика», а на столе президиума, покрытом кумачом, всегда лежат шахматы, шашки и домино. В углу переходящее Красное знамя, бахрома которого слегка прикрывает радиоприёмник...

Беру бильярдный кий, прицеливаюсь к шару. И вдруг – хлёткий удар под дых: «Сегодня ночью умер многолетний диктатор, кровавый тиран русского народа Иосиф Сталин...» Ясно. Чётко. Без хрипотцы, без глушилок. Что-что?! Это страшное в кумачовом углу изрыгает премиальный приёмник «Балтика». Бильярдный кий застывает в руке.

Ближе... ближе к приёмнику. И... понеслось... выступление за выступлением. Казак... русский писатель... лейб-гвардии полковник... художник... протоиерей... статистик... изобретатель... инженер-судостроитель... крестьянин...

И ни слова сожаления, а только бесконечная хула, гадливая, торжествующая радость. Нет конца и края позорной клевете, поклёпу на лучшего из лучших, любимого Вождя нашего народа! Тридцатилетняя диктатура... Пытки... Судебные процессы... Первый московский... Второй... Расстрелы заложников, соратников, вчерашних членов Политбюро, их жён и детей. Ссылка и переселение целых племён и народов. Немцы, эстонцы, латыши, литовцы, ингуши, чеченцы, татары, курды, турки, греки, корейцы, поляки, болгары, калмыки*. Миллионы выживших страдальцев, миллионы погибших, миллионы бежавших за границу рядовых граждан. Десятки и сотни бежавших несчастных жертв и кровавых сатрапов: Мальсагов, Бажанов, Агабеков, Орлов, Кривицкий, Порецки, Люшков... Соловки, Беломорканал, Волго-Дон, Печора, Карлаг, Озерлаг, Решёты, Ванино, Погиби, Находка. Магадан, Анадырь, Певеки, каторжные тюрьмы, лагеря и каналы, многочисленные советские Бухенвальды и Освенцимы.

Стоп-стоп! В лагерях-то сидят власовцы! Чего их жалеть, так им и надо, предателям. Но вот говорит какой-то чудом избежавший возмездия власовец... и он оглушает меня окончательно. Не мешкая, в цех! Пусть ещё кто-нибудь услышит. Между двумя транспортёрными потоками мелькнула карикатурная фигура тридцатилетнего сменного мастера Игоря Октябрьского. К нему — и сходу:

* Потом в Казахстане (в этом Ноевом ковчеге) я бок о бок шесть лет буду жить с этими людьми, дружить с греками, курдами, евреями, татарами, корейцами, поляками и немцами. Чего только от них не услышу...

– Игорь! Сталин умер!
Тот, испепеляя взглядом, чётко расставляя слова и буквы, шепчет:

– Тише! Не ори!

– Правда-правда!

– За-мол-чи! Не-е хо-чу-у слу-ша-ать!

– Но это правда, я сам слышал по радио.

– Какому ещё радио?

– По радио сказали, что сегодня умер кровавый тиран русского народа Иосиф Сталин.

Вздрогнув, худосочный, двухметровый Игорь, ужасаясь, переломился пополам, стеклянные глаза покрываются ледяной полудой, вибрируя всем телом, складным метром наклоняется к моему уху и грозно выдыхает:

– Ты-ы, что-о, мать твою горемычную перемать! В ла-а-герь за-хо-те-ел?!

О чём говорить с этой трусливой жердиной?!

С рабочими не поговоришь, заняты. Надо найти помощника мастера Толю Крылова, моего ежедневного напарника по шахматам. Вот и он в полувоенной тужурке и в ленинской кепке, яловых сапогах, коренастый, побульдожь и прогонистый, но всегда по-товарищески настроенный на доверительный разговор. Уж он-то выслушает. Обращаюсь к азартному Крылову как к приятелю:

– Толя, Сталин умер!

Тот, не теряя хладнокровия, пулемётной скороговоркой выпалил:

– Я тебя сегодня не видел, ничего не слышал. Ты мне *ни-че-го* не говорил! Понял?! Иди!

Привычно, по-волчьи заглянул во все углы, прошёлся тренированным глазом по цеху и стал таким же каменночёрным, ледяным, как и мастер с чудной фамилией Октябрьский.

Чёрт с вами!.. Пойду к косому на один глаз бригадиру Ивану Демьяновичу Бобову. Он, крепко пьющий, по пьяни,

судорожно захлёбываясь, часто присказывает: «Ти-ти» — дескать, ты мне можешь не говорить... ну, и назвали Тимьян. Наш Тимьян всегда пьян. Он стоит у первого колуна, железным крючком снимает с бегущей транспортёрной ленты и ловко подставляет под удар механического колуна кряжистые листовничные сутунки, потом эти же половинки-четвертинки возвращает на ленточный транспортёр. Дождавшись паузы, выкладываю ему:

— Тимьян, слышал? Сталин умер!

Бедолага, дёрнувшись, отшатнулся и чуть было не угодил под колун.

— Ти-ти, ври больше, да не завирайся. Уходи, а то под колун подставлю! Он не умрёт, все грузины живут до ста лет и больше, так и знай, вот увидишь!

И ухватился за ещё более увесистый чурбан. Колун зачистил: хряп, хряп... только щепки летят.

И этот не верит. Почему?! Оглянулся, а к нечаянному вестовому всечеловеческого горя с двух сторон, точно сговорившись, нервно, почти вприпрыжку вышагивают мастер и помощник мастера, оба в мою сторону грозно машут кулаками, из-за грохота машин не слышно, но что-то выговаривают. А что тут скажешь? Умер! Умереть-то Вождь умер, но и начальники — от неведомого страха! — чуть было не окоурились, наложили в штаны. Не к чему дожидаться мастеров, в азарте через пожарный выход ускользаю на первый этаж цеха. Заглядываю в каптёрку к смазчику Косте Белову. Нелепо заигрывая, почти юродствуя, с лёгким холодком в голосе спрашиваю:

— Костя, Костя, можно в гости? — и, захлопнув за собой дверь, едва передохнув, оглушаю, — знаешь, Костя, Сталин умер!

И с тем чуть ли не кондрат! На моих глазах он вдвое меньше становится ростом. Бледно-серое лицо, трясущиеся руки, хриплый голос:

— Кто тебе сказал?
— Радио!
— Какое радио?
— Что в красном уголке.
— Не может быть!
— Видно, может. Ты же знаешь, раз сильно хворал, вот и умер. Что такого? Лишь какие-то дураки радуются, обызывают — тираном.

Костя в полуобморочном состоянии спрашивает:

— Каким тираном?

Пулемётной скороговоркой выпаливаю:

— Кровавым!

Костю больше не держат отмороженные на фронте ноги, не глядя, садится в ковш с солидолом, шепчет:

— Во имя... святых, уходи. Тебя жареный петух ещё не клевал, а у меня сироты, и... я знаю... наше радио не может так сказать. Это враги устроили провокацию, вот ты и попался. Хоть меня не тяни за собой, прошу, уходи... Групповщиной... 58-й пахнет, не хочу в потюремщики*... не хочу! Уходи!..

То и осталось мне, что хлопнуть дверью.

В азартном помрачении думаю: к кому ещё можно пойти? Да к шорнику Семёну! Тот смелый, озорной, бывалый фронтовик, с орденами и шеvronами за ранения, пьяница и матерщинник. Одним словом, из штрафников, радуется, что выжил, оторви-голова, ничего не боится. К кому, как не к нему! Пойду-ка да позову его в красный уголок. Сюрпризом. У шорника самая большая подсобка, а в ней горы невиданной длины и ширины ремней. Ясно, и японские ремни, бывает, рвутся. Для того и держат сменных шорников. Семён из них старший, всегда в работе, на любое

* Потюремщик — старинное название преступника-рецидивиста. Очень ёмкое и точное определение, намного сочнее, чем абстрактное — рецидивист.

предложение компанейская его душа легко соглашается. Тот, что-то прочтя на моём лице, с полуслова соглашается. Тихо, без разговоров идём, а красный уголок закрыт на замок. Не беда, в дежурке электриков есть запасной ключ. Берём, открываем. Но... приёмник молчит. Включаем, крутим ручки. А-а, понятно! Кто-то с мясом выдернул шнур из приёмника, запах горелой изолянты ещё висит в воздухе...

И только утром, идя со смены в общагу, на дороге увижу встречных, сумрачно-странных и непонятных, с траурными чёрно-красными повязками, навзрыд плачущих людей, но сам заплакать не смогу... С тех пор наши вожди для меня — все на одно лицо... я так и не смогу ходить на демонстрации, носить портреты вождей и транспаранты, кричать хвалебные здравицы, бездумно голосовать.

Кто вырвал шнур, более-менее понятно, но кто включил приёмник и настроил его на волну «Голоса Америки»? Крылов? Октябрьский? Но и это ещё не такая мудрёная загадка. Самая заковыристая такая: до старости хорошо помню начало ночной смены — ноль часов с **5** на **6** марта. Приём смены, чтение книги. Всё это — не более двух часов. Получается, что в красный уголок я вошёл в два часа ночи **6** марта. Значит, какой-то смельчак заранее включил приёмник. И ровно в два заговорил диктор «Голоса Америки»: «Сегодня в ночь умер кровавый тиран...» Это таинственное сообщение я услышал на Сахалине на четыре часа раньше, чем все советские люди... Разве это не загадка?! Рядовой народ остаётся в неведении, а жрецы серпа и молота, их наследники, до сих пор скрывают обстоятельства самой загадочной смерти XX века.

пращурь

XX век оказался для русских веком поражения, таким же, как XIII.

Игорь Шафаревич

Мы не любим называть вещи своими именами, никогда и нигде о них не упоминаем. Боимся ли мы коснуться этих язв?

Надежда Мандельштам. «Воспоминания»

Если сплюсовать число лиц, умерших не своей смертью, покинувших родину, а также число детей, которые могли бы родиться у этих людей, то общий людской ущерб составит 156 млн человек. Таким образом, при ином стечении исторических событий в нашей стране могло бы жить не 280 млн человек, как в середине 1970-х, а не менее 400–430 млн.

Олег Платонов. «Русский труд»

А по расчётам Дмитрия Ивановича Менделеева — даже 500–600 млн человек!

Вся мамина родова из староверов трагического «веткинского» вывода 1735 года. В тот год воинской командой киевского генерал-губернатора генерал-аншефа Вейсбаха из-за пограничной реки Ветки Польского королевства насильно были выведены крестьяне-старобрядцы, бежавшие от притеснения веры и тяжёлой руки лихоимных властей. Население бежало не только в христианскую Польшу, за Урал, в Саяны и в Забайкалье, но и в мусульманскую Турцию, лишь бы не жить под начальством царских чиновников.

На этом вольная жизнь моих пращуров и закончилась. Под крепким воинским караулом беглые исповедники православной веры в лютую стужу, зной и дождь, преодолев

более четырёх тысяч вёрст, были доставлены с семьями в Сибирь, где надолго были ограничены в передвижении, но постепенно привыкли к медвежьему углу и полуарестантскому состоянию.

Результаты вероломного погрома Веткинского монастыря, последнего духовного центра старообрядцев, были таковы, что, узнав об этом, в тот же самый год умер обер-прокурор Сената Анисим Маслов, тайно сочувствующий старообрядцам.

К времени этого погрома несколько поколений наших родичей за рекой Веткой были свободными землепашцами. Однако после громких побед Петра сила русского оружия была хорошо известна всей Европе. Речь Посполитая, до первого раздела которой оставалось менее сорока лет, вела себя кротко. Вероломное вторжение русских войск на чужую территорию прошло без шума и пыли. Пиар-технологий Европа ещё не знала, ближние соседи шуметь не осмелились, а дальние промолчали. Чтобы отбить охоту к бегству, основную часть «вывода» поселили в болотистой местности на глинистые земли, где проезжими дороги были только в зимнее время. Летом даже после небольшого дождя они становились непроезжими, как, собственно, и по сей день...

Минуло два с половиной века, а в сёлах Кузьминки и Шипицыно до сих пор существуют по два кладбища. Мирское – для всех мирян – и отдельно старой веры, хотя над кладбищенскими могилами то там, то сям вперемежку с крестами красуются богоборческие звёзды.

В 2002 году я побывал на могиле дяди Кузьмы (папиного брата), увенчанной жестяной звездой, за которой ещё есть кое-какой присмотр. А вот могилы папиной сестры тётки Полины так и не нашёл. Подобрал какой-то обгоревший крест (предположительно её) и поставил его в ограду дяди Кузьмы. Дети её, по слухам, живут в Киргизии, поставить на могилку новый крест некому. Брат и сестра,

надеюсь, там не поссорятся. По периметру всего старобрядческого кладбища видны следы ежегодных весенне-осенних палов, как в былые времена, сухостойную траву не окашивают. Вперемежку с лиственничными кондовыми крестами сверкают облезлые, вырезанные из кровельной жести, давно проржавевшие красные звёздочки. Так сильно обмирились мои земляки-староверы.

Помня рассказы отца о гостеприимстве латышей, еду в Тимофеевку, село, где я родился. Остановились у конторы колхозного отделения. Над крышей домика, похожего на курятник, полощутся побитые дождями и ветрами кумачово-белесоватые опшётки флага. А село поразило убогими домишками, вековой тишиной и безлюдьем. Мои спутники пошли на разведку, а я спустился к реке Тартас, на берегу которой прошли детство, юность и трудовое возмужание моего отца. Корытообразная, с обрывистыми глинистыми берегами, шириной всего в каких-то десять метров река с мутной, почти коричневой водой, не внушала доверия, но я всё-таки ополоснул лицо и руки. С противоположного берега рясная черёмуха протягивала ветви. Посмотрел на ту сторону, мысленно заглянул на заимку дедушки Димы... После долгих поисков выяснилось, что все жители ушли на кладбище.

По дороге узнаю, что самому старшему жителю Тимофеевки 79 лет. Фронтовик, горел в танке. Младшему 47 лет, холост. К тому же парень, больной на голову, потомства не оставит. Он польского роду-племени. Почему в латышском селе остался польский осколок, никто не помнит. Может быть, от безысходной тоски и свихнулся, в разговор ни с кем не вступает, молчит. Раз остались только такие насельники, то через 10–15 лет и этот последний десяток дворов вымрет. В селе давно не слышно детских голосов, не играют в лапту, прятки, чижа или пристенок, только отмечают дни рождения да похороны. Если

«металлисты» снимут со столбов «люминий», то опустошение постигнет это село и того раньше.

Прорвавшись через грязевые капканы, подъезжаем к кладбищу и попадаем... на сельские поминки.

Коротко знакомимся. Рассказываю о себе, каким ветром занесло к ним. Удивляются, но встречают не менее радушно, чем когда-то встретили моего отца. Но, конечно же, в их памяти лишь смутно сохранился облик пришлого пимоката, который и прожил-то здесь менее года. В память родителей, друзей и сватов поднимаем не одну чарку пшеничного, цвета крепкого заваренного чая, самогона, закусываем салом, варёными яйцами и вкусным, домашнего приготовления, сыром. На такую закуску и самогона мало.

Извинившись, иду смотреть кладбище ингерманландцев, как они сами себя называют. Их могилы — не в пример староверческим — все ухожены. И хотя село более чем наполовину опустевшее, кто-то незримый обихаживает могилки. Чистые, посыпанные гравием дорожки, в каждой оградке столы и лавки, всё кладбище огорожено железной изгородью, и в помине нет следов пала или коровьего помёта, как на кладбище села Кузьминки. На сварных крестах и металлических тумбах вразумительные надписи: Краваль Алексей Осипович 1898–1972, Вылцан Франц Францевич 1905–1992.

Как выяснилось в разговоре, именно Франц выучился у моего отца пимокатному ремеслу и после нашего отъезда самостоятельно катал валенки. Помянули всех, в том числе и моего отца. Особо «помянули» разорителей деревни, а коммунисты по-прежнему рассказывают о счастливой колхозной жизни.

Константин Краваль и его жена Виктория семнадцатилетней девчушкой по мобилизации несколько лет отмантулила в угольных забоях Кузбасса. Она после кладбища и пригласила в гости.

Заезжаем в ветхий, но хлебосольный дом, выпиваем на посошок, хозяева вручают мне в дорогу изрядный кусок самодельного сыра, который я постараюсь сохранить до Владивостока. Наше время исчерпано. Сердечно прощаемся с добрыми людьми, последним островком навсегда исчезающей крестьянской Атлантиды: здесь больше никогда не будет свадебных песен, крика младенцев. Только тихие похороны да скупые старческие слёзы. Улыбаемся, бодримся, но всё понимаем. Садимся в машину.

Поворот, другой – и моё родное село навсегда остаётся позади. Я никогда в жизни не видел своих дедушек и бабушек, не видел папиных братьев. Не ездил с ними в поле, не пробовал бабушкиных пирогов и оладий, ни разу не потрогал жёсткой бороды деда; от своих многочисленных дядьёв не получил в подарок самодельной ивовой или глиняной свистульки, ни разу не сходил ни с одним из них на рыбалку; не сходил в лес по грибы, не съездил в ночное... Из этих духовных нитей и формируется личность...

Прощай, дважды и трижды разорённая безумцами, забытая, забытая и за грехи наши казнямая Богом родина.

Полагаю, одним из основателей села Шипицыно был кто-то из моих предков. Дедушка по маминой линии Андриан Шипицын был церковным старостой, значит, человеком грамотным, самодостаточным.

Семейная артель Шипицыных весь год трудилась, не покладая рук, а потом всё добро готовила на продажу. Цены на все товары были естественными, а поездка на ярмарку для всей семьи – праздником. Кроме повсеместного льна, из которого ткали будничную одежду, во всех сёлах было льняное и конопляное море, в каждом дворе давили масло, из стеблей ткали полотно, шили рабочую одежду, мешки и половики, но никто и слыхом не слыхивал, что эту траву

можно курить. Да и не было времени губительно-праздному курению.

Гончарили, скорняжили, сапожничали, пимокатничали, плотничали, шили сбрую, ладили упряжь, и ни одна отрасль при этом не была убыточной, всё приносило доход. Бандитских поборов на дорогах и ярмарках не было и в помине, полицейский урядник на весь уезд, а это десятки деревень, был один. Да и само слово — урядник (ряд, рядить) чуткому уху скажет о многом. Кстати, как и нынешнее слово мент. Очень ёмкое и точное словцо, комментировать которое даже и не хочется.

Кстати, все старoverы были грамотными, в том числе и женщины. Моя мама Маремьяна Андриановна Шишцына с 1919 по 1920 год училась в губернском городе Томске, но всю жизнь вынуждена была скрывать трагическую участь семьи, свою грамотность, и до самой смерти мантулила чернорабочей.

Злодырей, неработи, перекаати-поле среди старoverов и вовсе не было. Помню, в нашем доме всегда помимо церковных книг водились и светские. Появление таких книг даже в эти годы мне не совсем понятно. Это были «В лесах» и «На горах», «Угрюм-река», «Тихий Дон», незабвенной музыкальности «Конёк-горбунок» Ершова и обязательно томик русских народных песен: «Ох, болит да щемит ретиво сердечко, / Всё о нём, о моём, о милом дружочке...» Если водились такие экзотические книги, то как же без Пушкина, Гоголя и Некрасова, Кольцова?

Стоит напомнить, именно на Ветке, вновь оправившейся после погрома генерала Вейсбаха, набирался сил и вынашивал планы Емельян Пугачёв: явиться на Яик со своей «императорской» ли, злодейской ли идеей. А как же не злодейской? В год начала пугачёвского восстания Россия вела кровопролитную войну с Турцией, и до Кючук-Кайнарджийского мирного договора ещё было целых

два года. Не правда ли, очень похоже на предательское поведение большевиков в войне с Японией в 1904–1905 и в войне с Германией 1914–1918 годы? Тогда Япония врагам России выделила двухмиллионный гранш. Один миллион долларов получили поляки во главе с Юзефом Пилсудским, а второй миллион был поделён между эсерами, большевиками, меньшевиками, финнами, дашнаками и мусаватистами.

Сталин в тридцатые годы корчевал мифическую пятую колонну! Следовало бы спросить нынешних адвокатов коммунизма: какую роль выполняли большевики последние двадцать лет перед переворотом? Не роль той самой пятой колонны?! Навсегда уведшей Россию с торной дороги цивилизации. А что делают сегодня записные патриоты, вывозя капиталы за кордон? Укрепляют российскую государственность? Как бы не так! Это плоть от плоти дети всё тех же погромщиков страны, профессиональных краснобаев, называющих себя патриотами. А на самом деле — несунуны.

Мой папа — Егоров Афанасий Дмитриевич (1901–1949), статный и красивый мужчина, первый плясун и песенник — родом из ссыльных поляков, участников восстания 1863–1864 годов. Его мама (моя бабушка) носила фамилию Василевская-Шимановская, вопреки воле родителей вышла замуж за русского. Её семья родом из мелких разночинцев, к крестьянскому труду непривычных, потому в ссылке жили бедно. Родился мой отец в селе Кузьминки, в котором было свыше ста дворов и которого с 2001 года уже не существует.

А в селе Шипицыне в 2002 году числилось всего 600 жителей, 160 коров и с десятков лошадей. Здесь я встретил последнего жителя разорённых Кузьминок — шестипятилетнего Фёдора Матвеевича Шипицына. И как его ни расспрашивал, в родственных связях он не признался.

Ссылные поляки, живя мечтой о родине, на скудной сибирской земле основательных корней не пустили. Ожидая неизбежных перемен, более полувека жили «на чемоданах». Сразу после революции польская колония засобиралась домой. Вскоре (в 1918 году) вся бабушкина родня по папиной линии уехала в Польшу, больше мы о судьбе родных ничего не знаем. Разве, что бабушка (папина мама) в тридцатом умерла, как говорили мои сёстры, «от горя и голода...» Если бы только от голода...

1929 год. Как снег на голову, бесстыжее заявление Сталина в газете «Правда»: «Год великого перелома». Теперь уже можно смело сказать: перелома станового хребта российского крестьянства, извечного кормильца, поильца, самого верного и стойкого защитника праотческих рубежей.

С потерей корневой структуры наша страна вступила в полосу обвальная агонии своей государственности. Что хорошо показала пиррова победа нашей страны во Второй мировой войне. Никогда ещё в истории войн воюющая страна не теряла столько своей территории; никогда не сдавала такого количества в плен, как это случилось с солдатами, командирами и генералами Красной армии в 1941 и в 1942 годах.

Мыслимое ли дело — восемьдесят генералов Красной армии попали в плен к немцам! Двенадцать из них перешли на сторону Гитлера и стали сотрудничать с ним. Восемь миллионов без вести пропавших и восемь миллионов калек, после войны зачищенных, а потом и сосланных Великим Вождём в резервации Соловецкого архипелага.

Помимо репрессий и «гениального» руководства при подготовке к войне, причиной колоссальных поражений и окружения таких войсковых масс, на мой взгляд, была коллективная память солдата-крестьянина, загнанного

в колхозное ярмо. Не случись чудовищной коллективизации, сломавшей становой хребет русского мужика и всего крестьянского мира, Гитлер никогда не отважился бы напасть на Россию. И, конечно же, никто супостата хлебом-солью встречать бы не стал, и шесть миллионов пленных он никогда бы не взял. А не помоги нам союзники хлебом и оружием,* Красная армия не смогла бы освободить даже Минска, Вильнюса и Риги, не говоря уже о взятии Варшавы, Будапешта и Берлина. Эти освободители Европы погибли бы, защищая своих тиранов, под Вологдой, Куйбышевом, Ярославлем, Свердловском. Даже штурмовать Ржев было бы некому...

Папу в 1919 году мобилизовали в армию Колчака, но он и дня не успел повоевать. Сразу же слёг в тифозный лазарет. Чудом выжил. Через полгода, в 1920 г. был призван в Красную армию, в которой служил до 1923 г. Отслужив, бедняку с чего-то надо было начинать. Нанялся в ученики пимоката. То есть пошёл в батраки. Через два года освоил профессию. Скопил денег, в 1925 году, первый плясун и песенник на деревне, женился на моей маме. К 1929 году в семье уже было пять едоков. Кроме родителей, дети 1927, 1928 и 1929 года рождения.

Но грянула беда, всех насильно загнали в колхоз «Имени III Интернационала». Папа, скрепя сердце, «добровольно» отвёл на колхозный двор двух коров, двух лошадей, десяток овец, по два десятка гусей и кур, весь остальной сельскохозяйственный инвентарь. Даже лес на новую избу отдал. Ведь он был лесоруб и плотогон. А как было не отвести и не отдать? К тому времени его отца (моего дедушку Диму) в числе других несчастных группа колхозных

* Солдатам в зиму с сорок первого на сорок второй год в качестве сухого пайка выдавали сухой картофельный и капустный концентрат! Вот повоюй с таким пайком на тридцатиградусном морозе!

активистов увела за болото. Приведя несчастных на место, объявили: «Мужики, мы своё дело сделали. Можете разбегаться!» А когда те, поверив им, побежали, то их всех, как зайцев, в спину и перестреляли.*

Так погиб папин отец, мой дедушка Дима. Как водится, помародёрничали землячки: у мёртвых забрали куржумы, потники, пимы и полушубки, обшарили карманы. Об этом мне поведала в 2002 году невестка тётки Дарьи (1912–1997) Зина, учительница английского языка шипицынской средней школы. Сперва все эти подробности душегубы растрепали жёнам, те — своей родне, а потом, по пьяни, исповедовались и своим собутыльникам. А кто-то, шибко и не стесняясь, стал щеголять в полушубках своих односельчан. Так, редкой работы азиатских мастеров ремень с серебряными позументами, что купил дедушка на ярмарке в Омске, стал носить один из деревенских активистов.

А бесстыжего стыдить, – что воду в проруби студить.

Ещё до расправы с дедушкой одного из папиных братьев прямо на сельской сходке, не стесняясь, из куража ли, для острастки ли, застрелил уполномоченный. Другого дядю угнали на строительство Беломорканала. Остальные разъехались кто куда: в Москву, Юргу, Омск, Киргизию, Новосибирск.

Раньше на хозяина можно было работать (батрачить) по уговору хоть два дня, две недели, два года, а в колхозе — пожизненно, безвыездно и бесприсветно, чаще всего — за мифические трудодни-«палочки» да похвальную грамоту. Но папа так и не смирился с тем, что результатом его

* Спустя восемьдесят лет хотелось бы спросить адвокатов каннибальской Системы: «Вошли ли эти несчастные, павшие от рук науськанных колхозных активистов, в общее число жертв?». Уверен, не вошли.

ломового шестилетнего, двадцатичасового труда в сутки, стала на равных пользоваться сельская пьянь и неработь, лежебоки и злодыри. Кстати, это слово появилось в коллективизацию и поясняет сущность гибрида неискоренимого российского порока от соития — злодея и лодыря: получился — злодырь.

Мама — Маремьяна Андриановна Шипицына (1903–1948) была из зажиточной крестьянской семьи. В их избе было не семеро по лавкам, а много больше — тринадцать собственных детей да ещё приёмный сирота-племянник. И на всю ораву из шестнадцати ртов во дворе было всего-навсего двенадцать коров, двенадцать лошадей да весь подобающий такому поголовью инвентарь и добротное подворье: вместительный погреб, в котором стояло несколько сорокаведерных бочек с рыжиками, груздями, капустой и огурцами, амбар, рига, овин, стайка, конюшня.

Вот за ломовое трудолюбие, этот самый достаток, который определял мощь России, в 1930 году всю мамину родовую сплавили вниз по Оби, в неизвестные ямы. Ходили мутные слухи про Назину казнь, но, что это такое, толком никто ничего не знал. Больше мы ничего об их судьбе не узнали.

Наша матушка до конца дней своих оставалась верующей, держала икону в сундуке, но молилась всегда крадучись. И сколько себя помню, вечно видел её плачущей. На мой вопрос:

— Что случилось?

Всегда отвечала:

— Не сегодня случилось, сынок, давно... плачу по своим родителям, безвестно сгинувшим братьям и сёстрам.

Вместе с родителями всегда поминала сестёр и братьев. Крепь. Основа. Родовая память целебней любого бальзама. Особенно плакатно-приказного.

В Сибири, особенно по нашим сенокосным местам, такое количество скота — двенадцать коров и двенадцать

лошадей — было повсеместным явлением. Об этом можно прочитать у многих авторов, например, у Вячеслава Шишкова в романе «Емельян Пугачёв». Там речь идёт про сто-двести коров, Анатолий Рыбаков в романе «Дети Арбата» упоминает хозяйства середняков в тридцать-сорок коров, а в очерке Бориса Черныха «Родники и колодцы», опубликованном в журнале «Сибирские огни» № 7–8 за 1989 г., их примерно столько же. Те же цифры и в воспоминаниях академика Дмитрия Прянишникова. Зажиточным крестьянином вкруговую в Сибири считался лишь тот, у кого было по тридцать-сорок голов коров и лошадей.

А папа был из бедной семьи. И все последующие годы зимой работал на лесозаготовках, весной гонял плоты по реке Тартас, в которой, кстати говоря, и погиб покоритель Сибири Ермак, а вовсе не в Иртыше, как поётся в известной песне. Гонял плоты, опять же (как в поздние советские годы) не за похвальные грамоты, а получал деньги. С весны и до поздней осени хлебопашествовал, осенью, после уборочной страды, ходил в далёкий урман* шишковать, чтобы добыть копейку, а с наступлением зимы опять на лесозаготовки. И всё для семьи, а не в трактир. Напрашивается вывод: если у крестьянина есть перспектива — он никогда не променяет её на пьянство. Пьют от безысходности, водка — прибежище бедных и обездоленных.

В такой заболотной глухомани советская власть в двадцатые годы была номинальной. Отпусков у крестьян не было, физически телом отдыхали только в престольные праздники. Работали не из-под палки, безо всяких стахановских обязательств и встречных планов, добровольно. Вот откуда у трудящихся брался достаток, сила и здоровье.

* Урман (местное название) — тайга, таёжные дебри.

Постепенно к 1929 году папа обзавёлся своим домом, скотиной, инвентарём, поставил амбар, стайку, кошару, сеновал, конюшню, вырыл погреб, колодец, поставил баню, прикупил весь остальной инвентарь и обзавёлся всем необходимым домашним скарбом, но к этому времени и в семье уже было пять едоков.

Но грянул гром... Всё нажитое непосильным трудом сгуртовали в колхоз. Весь 1930 год крестьяне в спешном порядке доедали свой скот, а по пятам уже шествовал голод. Власти вскоре законодательно запретили забой скота, но, по сути, опоздали. Наступил тотальный голод. И тогда была ликвидирована свободная торговля. Так, говоря языком тинэйджеров, случились непонятки...

Революцию делали под лозунгами: «Мир — народам! Война — дворцам!» А получили:

«Миф — народам! Казна — творцам!»

Творцам революции, их детям, внукам и правнукам. Нынче кремешные силовики-опричники стали красным дворянством. Потомственным... с тысячекратными привилегиями, «заслугами», вероломным беззаконием и беззастенчивым цинизмом, превзошедшим царских сатрапов.

ЖИЗНЬ НАША

*У зимних вечеров особая печать,
Они к раздумью грустному зывают.
Не хочется ни петь, ни говорить, – молчать
Да слушать, как огонь в печи зевает*

*Да как крадётсямышь. Простуженный чулан
Оставлен ей хозяйкою в наследство
Без круп и сухарей. Горит в печи топчан.
Огонь холодный освещает детство...
«Огонь холодный 1967 г.» – стихи автора*

В марте 1930 года газета «Правда» напечатала фари-
сейскую статью Сталина «Головокружение от успе-
хов». Папа, воспользовавшись временной растерян-
ностью начальства, набрался смелости и пришёл
в сельсовет. Так и так, мол: «Раз насильно загнали, прошу
отпустить из колхоза». Не зная, как поступить со стро-
птивным колхозником, опешившие устроители счастливой
жизни и отпустили, но всё нажитое имущество осталось
потомственным коноводам и горлопанам. Только так
и можно было вырваться из крепостной неволи – ценой
потери имущества. И пришлось нам всю жизнь, подобно
цыганам, скитаться по родной стране. Так мы стали воль-
ными пимокатами, вернее говоря, добровольными катор-
жанами.

Труд хорошего пимоката – труд каторжника. И не
только его самого, но и всей семьи. Для хорошего пимо-
ката требуется большое количество дров, следовательно,
добротный дровяной сарай, большая ёмкость для воды,
большой котёл для варки пимов, много различного ин-
струмента и колодок всех размеров, добротный верстак
и надёжный слив отработанной воды. В одной избе про-
исходит подготовка шерсти, затем закладка «чулка», его
формовка, многочасовая варка в котле с порцией серной

кислоты (H_2SO_4), которую хороший пимокат всегда кладёт ровно столько, чтобы не испортить качество валенка: сочетание срока носки, гибкости, крепости и тепла. Затем стирка, усадка, насадка на колодки, сушка в печи, после сушки — обработка валенка пемзой и т.д. и т.п.

И всё это в одной избе, где готовят пищу, едят, кормят младенцев, дети делают уроки и спит семья из восьми человек. Какой папа был пимокат, говорит такой факт: до приезда в Петрухино на селе работало три пимоката, а как только сельчане увидели папины катанки, то в тот зимний сезон никто из местных мастеров не стал принимать заказы.

Своё появление на свет не помню. Про регистрацию в сельсовете знаю со слов старших сестёр. Родился я в латышском селе Тимофеевка Венгеровского района (старинное село Спасское, переименованное в честь какого-то смутьяна-революционера) Новосибирской области 26 апреля 1936 года. Года принятия Великой Сталинской Конституции, самой справедливой конституции в мире.

Мама, по известной причине, пойти не смогла, и 28 апреля сёстры, проделав десятикилометровый путь, пришли в Шипицынский сельсовет для регистрации мя, грешного. Тут чиновник возьми да и прояви свой пролетарский норов. Дескать, в какой день пришли, таким днём и зарегистрируем появление на свет вашего брата. Так в двухдневном возрасте произошло моё первое столкновение с произволом, повседневной советской действительностью. А как говорят астрологи, для всех рождённых важны не только день, время суток, а даже — один час.

1939 год. Первые картинки детства: солнце, в избе светло и теплым-тепло. Голопузым выхожу на высокое крыльцо. Навстречу на четвереньках ползёт матушка, во рту закушена прядь тёмных (ясачных) волос, синюшное,

перекошенное от боли лицо неузнаваемо. Переходящий на крик испуг. А матушка уже на крыльце, чуть приподняв голову, успокаивая меня, тихо шепчет:

— Беги, сынок, зови бабку Малу.

Так на селе звали повитуху Меланью. Ничего не понимая, бросаюсь на улицу. Бегу и кричу лишь одно: «Маа-маа!», да и кто там поймёт — Мала или мама?.. А в деревне ни души, никто не слышит. Ничего не вижу: ни лающих на меня собак, ни стремительно вылетающих из-под ног кур, шарахающихся, вездесущих коз и свиней. Только много, до небес, пахучего, бьющего по щекам белого черёмухового цвета. Почему много черёмухи? Все деревни Венгеровского района расположены вдоль реки Тартас, и везде в то время было много черёмухи, а по-над рекой и дорога. Заготовленная впрок черёмуха — хорошая начинка для пирогов, кроме того — снадобье от расстройства желудка. Пробежав из конца в конец деревню, возвращаюсь в избу. Матушка лежит в кровати, а рядом с нею что-то гукает и кувывает. Сразу сильно похудевшая матушка, чуть покачивая тёплый и мокрый свёрток, подзывает меня, даёт маленькую мокрую тряпицу.

— Сынок, положи на подолок печки.

Так вспоминаются первые два поручения мамы. А в тряпице была пуповина моего братика. Крестьянское поверье гласит: «*Человек жив до тех пор, пока в доме хранится его пуповина*». Не сохранилось ни того, ни другого, ни третьего: ни дома, ни печки, ни пуповины...

Чёрная замять многократно прошла по просторам России, раскидала по дальним углам и щелям непокорных её насельников, а покорных, боязливых да безъязыких подмяла под чугунную пята. Свидетелем появления на свет брата я стал в три года. На подволоке какой русской печки хранится моя пуповина? Одним словом, я из рода — перекаати-поле. Почти цыган...

Мы цыгане. У нас нет крыши над головой. Беспашенные, безземельные, безлошадные, по-цыгански бредём за телегой. Ровная бескрайняя степь, наверное, на юге Хакасии, жара. Солоноватая, раскалённая солнцем почва. Серая неказистая лошадка беспрерывно, в такт своим шагам, помахивает сивой гривой. Я сижу верхом на неустойчивых узлах домашнего скарба, рядом со скрипучей крестьянской телегой идут папа и мама, чуть поодаль, по другую сторону воза, мои сёстры. В глубине бездонного неба – широкие, захватывающе-торжественные круги какой-то парящей птицы. Жажда, хочется пить. Запрокинув голову, заморожено смотрю на вольную птицу. Пьём воду из берёзового туюска и всё время видим всё того же коршуна ли, ястреба. Едем долго, вот и переезд через железную дорогу. Въезжаем на полотно, но передние колёса телеги безнадежно застревают между рельсами. У лошадки недостаёт сил выдернуть колёса телеги из трагической западни, железный обод колеса скользит по стальному рельсу. Папа вожжами бьёт доходягу, раз, второй, третий – безуспешно. И вдруг начинается суматоха, крики, визг сестёр, истерика мамы. Все куда-то смотрят, оглядываюсь и я. Сигналя паровозным свистком, на большой скорости неудержимо накатывает железнодорожный состав. Все усилия прилагаются к телеге, про меня забыли. В самый последний момент лошадь отчаянным усилием вырывается из смертельного капкана. Я, потеряв равновесие, с саженой высоты воза кулём сваливаюсь между рельс. Папа, рискуя жизнью, в последнюю секунду выхватывает меня из-под колёс чугунной махины... Коршун ли, спасительный ангел летал надо мной? Когда собрался написать, уже не у кого спросить: в какое время года это было, откуда и куда мы переезжали? И чья нас везла лошадка? И только детская память да зыбкая ткань семейных преданий, подав еле видимую нить повествования, диктует мне эти строки.

1940 год. Голодно. Мы живём в Красноярском крае. Хакасия. Шахтёрский городок Черногорка. Мрачное барачное жильё. Почти каждый день всей семьёй ходим в степь, собираем сухой кизяк. Именно сухой, его ещё надо научиться отличать от влажного по цвету, весу и запаху. У меня не всегда получается. Но я быстро учусь этой премудрости, сёстры охотно берут меня в помощники, всё-таки лишняя пара рук и глаз. В степи попеременно то солнце, то пыльные бури. Папа работает под землёй проходчиком, но вскоре попадает в нештучный завал, сломаны рёбра, лишается нескольких передних зубов. Он лежит в больнице, а мы ждём результата.

Готовим пищу и отапливаемся кизяками, уголь начальство тратить не разрешает. Хозяйственных построек ни у кого из шахтёров нет, прятать негде, поэтому никто с шахты уголь не носит. Боятся. Явление несунув расцветёт и окрепнет только после смерти Сталина, а точнее говоря, в «застольные» годы, когда чуть-чуть ослабнет звериная лапа коммунизма, который из повседневной митингово-расстрельной фазы постепенно станет переходить в плакатно-рекламную, глухую, бездумно-железобетонную, правда, повсеместно гниющую, но всё ещё фарисейскую. Беспредметно гордую. Или тупоумную? Да разве они в этом признаются!

После выздоровления папы мы уезжаем из пыльной Черногорки. Крепостное право для вольных крестьян, ставших счастливыми колхозниками, уже в силе целых десять лет, а для рабочих будет объявлено через несколько месяцев. После чего ни один человек без разрешения начальства не сможет оставить работу. А пока мы вольные цыгане, можем уехать. И успеваем. Куда? Где лучше. А где лучше, никто не знает. «Широка страна моя родная! Где так вольно дышит человек». В очередной раз едем — на хлебный слух...

Папа вербуетя в Норильск. Мы всей семьёй сидим на узлах на речном вокзале Красноярска, как всегда, впроголодь, ждём попутную баржу. Не дождались, наверное, потому, что рабочие вербовались с семьями. После месяца ожиданий договор с нами расторгли. Власть к этому времени пришла к выводу: нехватку рабочей силы кардинально можно решить только за счёт заключённых. Поэтому вербовали только необходимых вольных специалистов, нас не взяли.

А потом власть наловчилась улавливать в сети даже крупных специалистов, профессоров. В Дудинку и в Норильск многими тысячами погнали заключённых, а чуть позже весь Север наводнили заключёнными, а позже бесправными ссыльными. Так проще и дешевле.

Сидим на вокзале и ждём, когда удобный, не продуваемый сквозняками угол освободят цыгане. Только их табор двинулся на выход, папа тут же обращается к нам:

— Не зевай, ромалы! Живо занимайте угол!

И правда, так безопаснее спать и легче сторожить ночью вещи. В результате многолетней Гражданской войны воришек в стране с избытком. Профессионалы больше работают артелью — с наводчиком, разводящим и смотрящим, а начинающие чаще берут на рывок. Не зевай, лапоть!

Мне четыре года, наверное, я от голода хныкал. Папа повёл только одного меня в вокзальный ресторан и заказал порцию холодца. Хорошо помню, что есть я его не стал. Холодец показался подозрительным. Дрожал. К вечеру вернулся папа с заработков, поужинали экзотическим арбузом. Экономили на хлебе.

Грохочущий железнодорожный поезд, и вдруг вижу испуганных сестёр, какую-то суету, охающую больную маму, какие-то странные люди в белых халатах куда-то уводят её из вагона. Звучит паровозный свисток, поезд тронулся, и мы поехали дальше, но у нас продолжается какая-то

паника. Проехав в бесконечной тревоге несколько часов, всей семьёй сходим на станции Канск. Тревожная ночёвка на вокзале. Позади Нижнеудинск и Тайшет, место рождения брата Вити 15 июня 1940 г.

Нужно как-то кормиться. Папа устроился в сплавную контору в леспромхоз, а через неделю со свёртком в руках приедет и матушка. А в свёртке — братик Витя.

Леспромхоз в Сереброве. Помню значительно больше и яснее. Посёлок на большой сплавной реке. Боны — бревенчатые тротуары на воде, баня, конечно, женская. Я — зритель, от которого, повизгивая, прячутся девочки. Тринадцатилетняя сестра Валя уже помощница в семье, работает в сплавной конторе таксировщицей. При помощи деревянной мерной рейки с металлическим крючком на конце, химического карандаша и разграфлённой деревянной дощечки-рапорттики, часто по колену в осенней воде, замеряет толщину брёвен в затоне. Её трудовая копейка — посильный вклад в семейный бюджет. Мы живём в бараке, папа работает на лесоповале. Через неделю у нас появляется человек со страшно изъеденным комарами лицом, с чудовищно опухшими, ничего не видящими, опущенными, как у Вия, веками, в котором мы лишь по голосу, с трудом узнаем нашего папу. Это результат того, что загнали его на лесозаготовки без накомарника. Оказывается, накомарники надо покупать за свой счёт, но наш «счёт» пуст, нет даже на хлеб.

Живём, бедуем дальше. Братик оказался очень слабым, болезненным. Лежит в большой корзине. Никто не верит, что он выживет. Голодно. Нет керосина, мы без света проводим вечера у печки, сквозь щели просвечивает огонь, с ним теплей и чуточку веселее, световые блики летают по потолку. Меня то и дело посылают посмотреть Витю:

жив, дышит ли братик? Кожей ощущаю что-то жуткое, иду к нему на цыпочках, подхожу, слушаю и, так же, на цыпочках, тихо возвращаюсь к родителям. Сообщаю:

— Жив... дышит...

И так по несколько раз за вечер. Ужинаем солёными зелёными помидорами, без хлеба. Никаких других продуктов в ОРСе (отдел рабочего снабжения) нет. Сказывается колхозное изобилие. Все говорят, что у партийных хмырей еда другая.

Барак. Тёмный без окон коридор, налево и направо двери, не понимаю, как люди ходят и не разбивают свои лбы. Весь лишний скарб жильцы хранят в коридоре около своих комнат. Здесь впервые во мне пробуждается крестьянское начало. Увидев у соседей новорождённого пушистого щенка, заинтересованно вступаю с ним в контакт, а затем и прошу подарить мне. Но такие же, вечно голодные, соседи учат попросить у мамы денег и купить себе тёплого и преданного друга. Мама, не зная, как свести концы с концами, не имея денег на хлеб к ужину, в покупке щенка отказывает. И... на долгие годы отбивает у меня тягу ко всему живому.

И только на пенсии я, уступая настойчивым просьбам жены, подарю ей щенка, который окажется таким умницей и бесконечным источником нашей радости. И лишь тогда я открою простую для себя истину: сироты не могут быть полноценными людьми. Сколько тепла недополучает ребёнок (а потом и взрослый) без общения с матерью-природой и её милыми тварями, а, недополучив человеческого тепла и любви в своём детстве, он и сам не может поделиться этим теплом с окружающим его миром.

Из моих наблюдений: все барачные дети легко возбудимы, драчливы, с ограниченным кругозором и, к сожалению,

склонны к примитивным радостям жизни, единственной радости — алкоголю, азартным играм, бесцельному времяпровождению, зубоскальству, хулиганству и дракам. А насколько увечной становится их психика, знает только наш Создатель. Да вот беда, наши слуги народа (думцы-делопуты) и чиновничья саранча ничего не хотят сделать для оздоровления нации. Но многое делается для дебилизации и криминализации. Об этом красноречиво свидетельствует новояз: распилить, отбить, отжать, отмыть, порешать, заказать, замочить...*

Помню загадочную, на то время не совсем понятную для меня сцену. Комната, два небольших окна, в простенке стоит стол, над столом бумажный плакат (ГИЗовский портрет Сталина). Сёстры делают домашние уроки. В комнату вихрем врывается папа, ни слова не говоря, хватает этот плакат, рвёт и комкает его, бросает на пол, топчет, растирает ногами, а потом бросает портрет вождя в огонь печки. И всё это происходит в считанные секунды. Без истерики, молча. Оцепенев, сёстры в ужасе смотрят на папу, только тут он понимает всю меру случившегося, охватывает руками голову, долго сидит в такой позе, а потом, с перевёрнутым лицом мертвеца, просит дочерей никому ничего не говорить о портрете.

Долгие годы у нашего поколения был на слуху «подвиг» Павлика Морозова. Обо мне и вовсе забыли. Откуда причина такой ярости — мне неизвестно. Но со слов сестёр знаю, что наш папа был от природы интеллигентным человеком, никогда не ругался матерными словами. И в семье все дети звали его папой, а вовсе не тятей, как в большинстве сибирских семей. И вот такая картина...

Спасло, видимо, то, что сёстры только-только, не больше пары дней назад, принесли этот портрет, и никто из

* И уже не первый год с таким лексиконом издаются словари.

соседей его не видел. И настучать было некому. А судили даже за то, что кто-то в спешке завернул в газету с портретом Сталина селёдку ли, банную мочалку ли, галоши ли, что считалось большим преступлением.

Вот, наверное, из-за подобных случаев мы так часто и меняли место жительства. Из-за болезненно-слабого брата мы тогда далеко не могли уехать, хотя место работы папа всё-таки сменил на другой участок этого же леспрохоза. И как раз приехали на суд, который был в те времена для всех обязательным зрелищем. По этим признакам и определяли: свой – чужой.

А судят виновато улыбающегося молодого лесоруба. Будучи мертвецки пьяным, из последних сил стоя на ногах, перед началом сеанса кино, шатаясь, кочевряжился перед публикой. А когда вспотел, снял свою кепку и, даже не оглянувшись, нахлобучил на гипсовый бюст Сталина. Как водится, вместо рояля в кустах, нашёлся свой Павлик Морозов.

Лесорубу не довелось дожидаться кино, пришёл милиционер и увел в каталажку. Это всё из воспоминаний сестёр, хранительниц семейных предааний.

Но кое-что врезалось и в мою память. Помимо дымного зала клуба, бестолкового любопытства детей и подростков – строгий взгляд Вождя в спину уходившего под конвоем молодого «фулигана». У нас в семье так не говорили. В доме много чего не было, зато водились книги, а мама и сёстры были усердными читательницами. Генетически тянулись к знаниям и книге, источнику знаний.

Жизнь – только свяжись.

ВОЙНА

*Мог одолеть сильного противника лишь тот,
кто прежде всего победил свой собственный народ.*

Шан Ян, IV век до Р.Х.

Хорошо помню тот вечер. Крохотная комната в бараке. Вся семья спит на полу. Только что, спасаясь от полчищ прожорливых клопов, успели вокруг постели настелить принесённый из леса папоротник, в дополнение — вокруг постели полить водой, как вдруг в крошечной темноте кто-то из бригадиров-десятников настойчиво, громко стучит в нашу дверь.

Помня о вездесущих воронках, папа вздрагивает, но произносится спасительное в данном случае для нашей семьи, хотя и леденяще-жуткое, роковое слово: «Война!» Посыльный требует — всем идти в контору на собрание.

Папа уходит, а я впадаю в провидческий, трансцендентальный сон: вижу, как непрерывным потоком идут на нас чёрные невиданно-страшные звери, непрерывно рыча, всех теснят и кусают, идёт страшная драка, а потом на этих чёрных зверей пошли белые звери. Радио у нас не было, про телевидение ещё и не слышали. Все коммуникационные связи заменяли утренние рассказы и пересказы ночных снов. На следующее утро я говорю маме о своём сне. И мама, как помню, растолковала мой сон так: сначала звери будут теснить наших, а потом наши погонят их обратно. И всё будет хорошо. Мы победим. Как ни странно, этот сон я помню уже свыше семидесяти лет, в деталях...

К этому времени народ окончательно завоёван и поработён, а рабочий на долгие годы закован в невиданной крепости цепи. Добровольно уйти с работы невозможно, а в войну и подавно. Так мы надолго задержались

в леспромхозе, отсюда папа в первых числах ноября срок первого уйдёт на фронт. Помня уроки гражданской войны и коллективизации, в силу своего особенного характера, умения находить подход к людям, папа выпросил у военкома отсрочку, увёз нашу семью в Тайшетский район и устроил маму в совхоз. Там, возле свиней и коров (на жмыхах, соломе, лебеде, крапиве, отрубях и клевере), мы все выживем.

Сёстры всю войну будут ходить зимой и летом в деревянных колодках, покрытых брезентом (сабо), в юбчках из мешковины, а потом всю жизнь страдать различными простудными заболеваниями. Зимы в тех местах почти всегда были морозными, температура нередко достигала пятидесяти пяти градусов. Переболею и я, пытаюсь до глубокой осени босиком ходить по снегу в школу, которая была в соседнем селе.

Обрекая себя на каторжный труд, понимая, что дочерям надо дать хоть какое-то образование, мама устраивает Валю в тайшетский районный узел связи ученицей на телеграф, а через год определяет туда же и Капу ученицей телефонистки. А сама все четыре года войны станет работать по 20 часов в сутки. Свинаркой, дояркой, грузчицей и возницей на лошадях.

Очистки. Пожалуй, в самом начале нашего совхозного житья-бытья помню такой случай. Увидела мама в окне нищих, суёт мне в руки три картофелины и говорит:

— Иди, подай...

Выхожу на крыльцо и отдаю. Стемнело, наступил ужин. Едим, а на зубах скрипят очистки, по детскому разумению спрашиваю маму:

— Мама, мы, что едим очистки?

— Очистки.

— А где же картошка?

— Так мы её отдали странникам.

И тут я, философски замечаю:

— Мама! Мы сами странники, у нас ничего нет. Знал бы, так не отдал. Надо было отдать им очистки, а не картошку.

На что мама замечает:

— Сынок, у нас есть крыша над головой, возможность помыть очистки, а им негде, к тому же — грех подавать очистки, если в доме оставить картошку. В трудный час и тебе подадут, если не люди, то сам Создатель.

И подавали, и не раз... Иногда — совершенно неожиданные люди. Я пишу эти строки спустя семьдесят лет, вспоминаю умерших от голода, сердце даёт крен, и заливаюсь горькими слезами...

Prolapsus recti. Лето 1942 года, второе отделение совхоза, очередной барак. В шесть-семь лет я уже во всю домовничал. Мама уходила на ферму в четыре-пять утра. На моём попечении брат 1940 года рождения. Я умело, ещё с вечера строгал для растопки лучины, раскладывал у печи для просушки, а утром в золе отыскивал искры, подкладывал мелких щепочек, изо всех сил раздувал тлеющие угли и растапливал печь.

Мамы не было ни утром, ни вечером. Если была картошка, чистил, варил её в чугушке на плите, кормил своего младшего брата. Никаких детсадов в совхозе нет и в помине, живём-существуем в естественном виде, голодные, но спим, сколько хотим.

Однажды сквозь сон слышу многослойные полёты и монотонное жужжание мух. Просыпаюсь, на моё лицо падает яркий сноп летнего солнечного света, в косых его лучах медленно плавают, перемещаются вверх-вниз мириады пылинки. Их так много, что я понимаю: если и научусь считать, то мне всё равно никогда их не сосчитать, а смотреть интересно. Сквозь столб света регулярно про-

носятся чёрные мушиные молнии. А сверх того — звенящая тишина и тихое-претихое сопение сидящего на полу брата.

Я смотрю на него, на то, как он опять стащил на грязный пол атласную подушку. Меня, как старшего, за всякий беспорядок сильно ругает мама. Но тут же соображаю, что он сидит не на подушке, а на чём-то, страшно подумать, другом!.. Поднимаю его с пола и... о, ужас! За ним тянется огромный живой кусок красно-бордовой плоти! Потрясённый, бросаю его на пол, вылетаю на улицу, мчусь к маме на ферму, но её там нет. Бегу, разбивая в кровь свои босые ноги, ещё куда-то, нет и там, нет и в поле. Нигде. Возвращаюсь домой. Брат сидит как ни в чём не бывало. Спокойно продолжает сопеть и ползать в пределах своих сил и возможностей, он ещё ходить не научился.

Лишь через полвека, читая колымского страстотерпца Варлама Шаламова, узнаю об этой страшной болезни — *prolapsus recti* — вследствие голода, выпадение прямой кишки. Брат, из-за предельного истощения, пойдёт только в три года, и его коленки от лишнего ползания на всю жизнь останутся плоскими, а когда выпадут молочные зубы, то постоянные не вырастут. Когда я пишу эти строки, то знаю, что ему все мои откровения сильно не нравятся. Он стесняется своей былой физической немощи. И мне очень жаль, что он не понимает того, что я пишу обо всём этом из любви к нему и своим многострадальным родителям. Из сострадания и любви к своему несчастному, многократно ограбленному и обманутому народу, велеречиво названному — электоратом.

1943 год. Третье отделение свиносовхоза. У нас нет красина, а ужинать в войну и многие послевоенные годы при лучине вошло в обычай. А чтобы что-то есть, ранней весной помогаю маме в устройстве огорода. На болотной

пятине рубим гибкий тальник, колья и жерди, а после носим охапками к избе. Забив по всему периметру парные колья, закрепив в них жерди, мама показывает, как нужно из тальника плести городьбу, и уходит на свою работу.

Я с трудом, но что-то к вечеру успеваю сделать. По-муравьиному, постепенно, с грехом пополам огораживаем свободный клочок земли, вскапываем примерно шесть-семь соток целины, сажаем всякую огородную всячину и главный сибирский фрукт — картошку. Сторожить огород от соседских кур, поливать огурцы, капусту, свёклу, «моркошку» и лук — на всё лето ляжет на мои плечи.

В предгорье Саян колодцы очень глубокие, иногда глубиной в десять–двадцать и более метров. Мне по силам доставать только полведра, но я всё-таки поливаю. Осенью накопаем тридцать пять мешков картошки, мама радуется: в этот год хватит на всю зиму. Не хватило, к весне всю съели. С первыми признаками тепла на поля пошли собирать мёрзлую. Сёстры в городе, брат совсем маленький — я основной помощник мамы и нянька брату. И так все военные годы. А помогал из любви к маме и, наверное, из прирождённого крестьянского трудолюбия. Бесплатно.

О какой плате речь? А вот о какой. Однажды, помогая маме сгребать в коровнике жидкий навоз, услышал, что мама тихонько подзывает меня к себе, знаками показывает на кружку. Подбегая к ней, я поскользнулся, и влетел руками в жидкий навоз. Кое-как соскрёб о прясла. Крадучись — Боже упаси, кто увидит! — мама протянула мне кружку парного молока, я впервые попробовал, но руки сильно пахли навозом, пить не смог. Сказались неискоренимые гены староверов. С тех пор и до глубокой старости я не могу пить парное молоко. Даже из рук чистоплотной хозяйки.

За тонкой перегородкой в соседней комнате живёт одна-одинёшенька красивая, ослепительно беловолосая

девушка. Чья она, откуда родом? Никто не знает. Говорит с каким-то странным акцентом, и по всем ухваткам — городская. Работает свинаркой, и вдруг разносится страшная новость: племенной хряк (через полвека узнаю, что такие племенные боровы доходили до 650 килограммов веса) зубами выхватил из её ноги кусок икроножной плоти. И проглотил. Был голодный. После этого случая начальство ужесточило наблюдение за кормами. Кусок жмыха унести из свинарника стало почти невозможно. Девушку спасли, и вскоре она куда-то уехала. А женщины ещё долго судачили: дескать, сама виновата, не убыло бы с неё. Начальник отделения долго и настойчиво её домогался, в обмен на ласки предлагал лёгкую работу. А та, глупая, отказалась.

Помню многое. Ледяные слёзы мамы. Она только что вернулась из двухдневного похода по дальним сёлам. К Новому году её премировали двумя печатками хозяйственного мыла. Сами моемся и стираем одежду золой. Особенно хороша зола из стержней подсолнухов. А мыло мама поменяла на хороший кусок свиного сала. А этот поход по сёлам в крещенские морозы (в 55 градусов) чуть было не обернулся для всех нас трагедией. Юбчонка из мешковины и такая же кофта, старая телогрейка на все случаи жизни не для рождественских и крещенских морозов. Спаслась мама только тем, что всю обратную дорогу домой она проделала бегом. И всю дорогу, в полуобморочном состоянии, просила Бога, чтобы хватило сил не поскользнуться и не упасть. Тогда бы уже не встала. И весь этот мамин рассказ до сих пор в моих ушах, а её ледяные слёзы стоят в моих глазах.

И ещё — незабываема на тридцатиградусном морозе пилка дров по вечерам. Потому что толстенные кряжи,

как правило, из лесу успевали привозить только к вечеру. И нам с сестрой Капой старой и ржавой, без развода, пилой приходилось до глубокой ночи пилить огромные, крученные, перекрученные лиственничные ли, сосновые брёвна. Прямые брёвна разбирали более опытные люди, а нам доставались самые толстые и сучковатые. Поэтому уже под звёздным небом, на пределе сил кололи чурки и заносили дрова в выстуженную избу. Делалось это в свободные от её дежурства дни.

Уборка огорода, засолка капусты, первые походы в лес по ягоды, первая встреча с медведем, открытие странной, заброшенной в лесу деревни, первые детские набеги на колхозные поля за огурцами, подсолнухами, горохом. Объездчики-охранники полей беспощадно секли нас, мелюзгу, плетями, а вот взрослые — даже и не помышляли себе подобного. Боялись закона от седьмого августа 1932 года (в быту называемого: семь восьмых — 7/8), по которому было столько пересажено и даже расстреляно народа. Расстреливали даже двенадцатилетних, и нашими коноводами всегда были огольцы только на два-три года старше нас самих. А пацаны постарше боялись рисковать. Да и не было таких пацанов, всех их давно замели на лесозаготовки, в шахты, ФЗО и ФЗУ. Страх попасть под этот указ (в просторечии — за колоски) сдерживал и маму.

Однажды заметил, как она, вернувшись с работы и постелив какую-то тряпицу на пол, усиленно хлопает себя по бокам, трясет свою одежду, а на тряпице появляется пригоршня нечищеного овса, который, тихо, крадучись, лущили, пестиком дробили в ступке, а потом варили кисель. Так было на моих глазах раз-другой, тогда и говорю:

— Мама, ты всё носишь и носишь за пазухой, и всё по-маленьку, пришей себе карман, так будет лучше.

А в ответ:

— Э-эх, сынок, за карман срок дают! Как тётке Лизке ли, Настасье. Если законопатят, вы, голуби милые, без меня погибнете.

А что такое законопатить, узнаю позже.

Огород огородом, но, чтобы выжить, все вёсны 43–44–45 годов с первыми мартовскими оттепелями мы выходим на совхозные поля собирать мёрзлую картошку. На каждом из нас рваные, десятого срока фуфайки, на ногах старая обувь отцов или рваное сабо сестёр, а у кого нет такой обуви, и вовсе сиди дома. Голодный. Пока не потеплеет. Чуть пригреет солнце, мы без усталости ходим по картофельному полю. По-грачиному громко перекликаемся, хвастаемся друг перед дружкой каждой удачной находкой особенно крупной картофелины. И величиной с яйцо считалась крупной. Вечером мама из них приготовит draniki. А соседи доказывают, что жаренные на солидоле намного вкуснее.

Мокрые и промёрзшие, мы радуемся и прошлогодней сухой картофельной кожуре, в которой обязательно находится один-два грамма крахмала. Из него мама сварит чёрный, земляного цвета кисель и на другой день накормит нас с братом. С нетерпением ждём солнца, когда оно хоть как-то подсушит землю, и на болотах появится первая черемша, наше основное подспорье весной. Что-то будем, есть сами, а что-то удастся продать в городе. На что потребуется преодолеть двенадцать километров до станции Тайшет. Эти копеечные деньги нужны сёстрам и маме на тапочки. Справлялись женские наряды во время войны в основном из американских мешков из-под муки, а потом красили обновы в отваре из древесной коры... Юбки, платки и кофты, всё из мешков. Так что мешки в нашей среде были почти валютой.

Штаны, рубашку, школьную сумку, и всё ручную, мне также пошили из мешка. Только обувь купить не за что, а пошить не из чего, да и некому. В совхозе был лишь один мужчина — завхоз Иванников, которого все боялись и даже прятались от него. «В штанах, кроме вони, нет ничего, а боязно», — говорили о завхозе женщины.

Разгар лета. Мама попадает под шквальный ураган и невиданный по этим местам градобой. Отдельные градины в размере до крупного куриного яйца. По периметру посёлка ураган валит несколько столетних сосен, но весь урон жителям составил лишь одну овцу, несколько гусей да кур, не успевших спрятаться под навес. Зато мама наша вся избита градинами. А поваленные сосны такой толщины, что не любая пила могла её распилить. И лишь к концу лета кое-как сумели с ними справиться. Не мы, а местные жители, у нас такой пилы быть не могло. Нам от ураганного лесоповала, кроме мелких сучьев и щепок, ничего не досталось.

Штаны, рубашка и ученическая сумка — из крашеной лиственничной корой мешковины, но обуви нет, поэтому в первый класс я ходил два года подряд лишь до второго-третьего снега. Иней на дороге только обжигает ступни, мы всё равно идём в школу. Ученические чернила делаем из обожжённой молнией берёзы, а домашние уроки все делают на листках старых книг.

С нетерпением ждём весну. И вот в лесу появляются сосновые побеги, затем спасительная черемша, а чуть позже медвежьи дудки — наше лакомство и забава. И только потом — земляника. У нас нет отцов, и нет самых простых игрушек. Учимся друг у дружки, делаем самопалы, играем в войну. В разгар лета из отвердевших медвежьих дудок делаем насосы и в жару, гоняясь, друг за дружкой, брызгаем-

ся холодной колодезной водой. А потом созревают саранки, костяника, черника, смородина, малина и черёмуха, чуть позже кедровые орехи, а ближе к осени — брусника, клюква и, на всю зиму заготовленная впрок, наша зимняя забава — лиственничная сера. Загадка: даже сегодня такая жизнь кажется счастливым детством.

1944 год. Со старшими ребятами несколько раз сходил в лес за кедровыми орехами. Сколько принёс, не помню, скорей всего, только из детского любопытства. И несколько раз сам водил городских женщин-ягодниц в лес по чернику, самую, по нашим местам, востребованную ягоду. И однажды водил, вернее, провожал в лес на машине какое-то городское начальство с красивыми женщинами. Все в белом, при оружии, они дружно, с неподдельным весельем палили по деревьям. Озорная компания обедала с диковинным для нас белым хлебом и сливочным маслом. Маленьким кусочком угостили и меня.

Но всё равно мы дети, больше всего нас занимают игры. Восьмилетним огольцом, играя с другом в казаков-разбойников, забегаем в только что построенный из свежих, истекающих лиственничной смолой брёвен концентрационный лагерь. Красная армия возвращала оккупированные области, и местные власти, загодя строили зверинцы. Кто бы мог предвидеть, что через двадцать лет тень лагерной вышки накроет и мою судьбу.

Столько километров колючей проволоки я увижу лишь в 1951 году, во время производственной практики на Сахалине, где на строительстве тоннеля под Татарским проливом, который, как и дорога Салехард — порт Игарка, Дудинка, так никогда и не будет построен, было занято двести тысяч «путеармейцев». Эти зловещие лагерные вышки, колючка и заборы начинались от последней, построенной ещё японцами, а победителями названной станцией

Победино, и через Оноры, Палевы высоты, Тымовск и Адатымово уходили в глубину Северного Сахалина, пересекая таёжные и болотные пространства, с Восточного побережья Сахалина на Западное.

Деликатес. В совхоз приехал ветеринар вылушивать (кастрировать) молодых боровков. Видно, с разрешения мамы, ветеринар после трудов праведных принёс к нам несколько штук кабаньих достоинств, чтобы по заведённому обычаю поджарить на сковородке и съесть.

Мы с братом с любопытством смотрим на всю эту процедуру. Ветеринар пожарил, хорошо поел, что-то оставил на сковородке и нам. Захлопнулась дверь, мы лишь потыкали вилками в жаркое, но есть срамное не стали. Пообедали медвежьими дудками, они не пахнут. Есть не стала и матушка, остатки отдала уличным собакам. Мыла у нас нет, поэтому долго скребла песком и отмывала глиной сковородку. А запах свиных яиц в комнате висел больше недели.

Через несколько лет на Сахалине мама также не даст папе посуду, чтобы сварить огромного «срамного» краба. Что тут поделать — староверка. Эти привычки долго сидели и во мне, а кое-какие остались и поныне. Есть крабов я стал только тогда, когда их и вовсе не стало в свободной продаже. Вернее, они всегда были под прилавком, да не про нашу честь. Полно крабов сейчас, да не у всех бывает на столе хлеб.

Своя десятина — первая пайка хлеба. Сёстры живут в Тайшете, работают ученицами телеграфистки и телефонистки на районном узле связи. Им надо платить за жильё, одеваться, обуваться. Матушка за счёт нашей с братом хлебной пайки (двести граммов плюс двести) подкармливает дочерей. А мы едим только картошку.

Однажды летом матушка мне предлагает попасть в совхозных свиней. Видно, зная, чем можно соблазнить, произносит сказочные слова:

— А завтра тебе, как настоящему рабочему, выдадут пятьсот граммов хлеба! Соглашайся!

И я соглашаюсь. А свиньи непростые. Это племенные хряки, весом по пятьсот, шестьсот и более килограммов, упорные и вёрткие, как танки. Их невозможно остановить, они прут и прут в восковой спелости горох и овёс. И сколько я ни забегал с прутом в руках вперёд стада, остановить мне их так и не удавалось. Хотя их в стаде всего-то одиннадцать голов, но справиться восьмилетнему ребёнку — сверх всяких сил. Я кое-как справился. Но, видя вечером моё состояние, мама на другое утро будить не стала. А когда я выспался, ласковыми словами отправила меня в магазин за «моим» хлебом. И мне выдали (к законным иждивенческим двумстам граммам) ещё целых триста граммов «рабочих». И, конечно же, с довеском — чёрного-пречёрного, крахмально-мякинно-ржаного хлеба, что вкуснее всякого сегодняшнего «наполеона»! Даже с двумя довесками, граммов по десять и двадцать — не больше... Два эти кусочка, к ужасу мамы, я по дороге домой съел. Тридцать граммов, наверное, самого вкусного в жизни хлеба! Первую в жизни свою трудовую десятину.

Май 1945 года — победа! Мы взяли Берлин, победили фашистов. Пацанва в восторге. Мы салютуем из своих самопалов. Кто больше и громче. В моей руке взрывается поджига, чуть не лишаюсь пальцев, травму от мамы скрываю. Лето пролетело незаметно.

И вот вторая половина октября. В нашей тёмной избе светлая радость — с фронта вернулся папа. Красивый, целый и невредимый. Ему сорок четыре года, мне девять. На его груди две яркие медали — «За победу над Японией»

и «За победу над Германией». Наивные, рассуждаем: золотые ли?

Ещё привёз и похвальную грамоту от командующего Забайкальским фронтом. Она давно куда-то подевалась, но одну из подписей под грамотой до сих пор помню: *член военного Совета Забайкальского фронта генерал-майор Сорокин*. Но... не привёз ни одной серебряной медали «За отвагу» или какой другой. И ни одного ордена. А на погонах нет ни лычек, ни звёздочек. Почему-то не привёз и трофеев, а только жёлтые (оглядываясь, интригующим шёпотом: английские!) ботинки — сталинский подарок, который дали всем солдатам. А шёпотом потому, что прямо из вагона одного солдата снял «Смерш» — и с концами. Похвалил демобилизованный защитник отечества диковинные ботинки: «Не то что наши... Этим сносу не будет!..» И в вагон больше не вернулся. И вернулся ли он домой? Оказалось, что *чужое хвалить — себе вредить*.

Многие привезли трофеи. Хотя у папы нет трофеев, но моей мальчишеской гордости нет предела. Он, заходя во фланг и тыл противника, участвовал в многодневном пешем походе по безводной монгольской пустыне, даже слышал артиллерийскую канонаду, но дело до боя не дошло. Япония сдалась. Рассуждаю: наверное, трусили япошки! А ещё папа рассказывал, как перед выступлением всем солдатам дали по фляжке воды, а после накормили селёдкой. Кто обхитрил ротного старшину и не съел селёдку, в походе от жажды сходил с ума.

Позже пойму: служба в Монголии была не мёд. Многие рядовые и даже офицеры просились на фронт, а некоторые солдаты от голода и тягот решались на самострел, а это прямая дорога в штрафной батальон — на фронт.

Про ужас службы в маршевых батальонах правдиво написали русский классик Виктор Петрович Астафьев в ро-

мане «Прокляты и убиты» и приморский писатель Родион Фёдорович Гаврилов в своей 1900-страничной тетралогии «Временем реабилитированные».

Нашему папе повезло: он организовал пимокатную бригаду и все четыре сезона катал для начальства валенки, а в строю оказался только с весны сорок пятого, когда весь полк стал готовиться к победному наступлению на японцев.

По счастью, мы не колхозники, а вольнонаёмные, из совхоза мама сразу уволилась. Папа нашёл работу в районном «сельпо». Собрав скарб, ещё по октябрьскому теплу, выпросив у совхозного начальства пугливую лошадь-монголку, семья на скрипучей телеге переехала на узловую станцию Тайшет.

Жильё и работа в центре города, на улице Кирова, 68, в бывшем купеческом подворье. Все постройки из кондового леса. Даже забор, на несколько вершков вросший в землю, из лиственничных брёвен. По периметру двора две конюшни, склады, дровяной сарай, два погреба, два сеновала, скобяная лавка, а во второй половине избы — наше жильё.

Торговые точки района обслуживаются гужевым транспортом, во дворе колодец и колода для водопоя лошадей, а дальше — пимокатная мастерская, где папа будет катать катанки. Ещё их часто называют валенками, а особой выделки — чёсанками. Он быстро сооружает верстак, полки, делает необходимый инструмент, всю недостающую оснастку, меня учит немудрёному делу: теревить шерсть и взбивать её катеринкой* на лучке. Валенки он катает

* Катеринка — деревянная рукоятка с зубом для удара по струне из бараньей кишки, для взбивки шерсти на деревянном лучке.

только в зимнее время, а летом заготавливает для конторы дрова, косит сено для сельповских коней. И во всех этих работах я папе первый помощник: сторож шалаша, добытчик дров, воды, кашевар.

Сразу же после переезда в Тайшет мне из папиной шинели шьют детскую шинель, заказывают в долг сапоги и в третий раз отправляют в первый класс.

Всё шьётся, по-крестьянски, с запасом, на вырост. Первые две попытки были неудачными, ходил я в школу босиком до второго-третьего снега, а первый снег и вовсе не снег.

Теперь я переросток, но, в отличие от других переростков, учусь охотно, только на четыре и пять, запоем читаю всякие взрослые книги. Чем можно похвалиться? Во втором классе я не пропустил ни одного дня и закончил учебный год на четыре и пять.

Учиться на круглые пятёрки мешает моя непоседливость, разносторонность интересов. Жажда поскорей узнать городскую жизнь: кино, мороженое, железнодорожная станция, загадочная тащплощадка.

Как только закончился учебный год, я самостоятельно записался в городскую библиотеку. На летних каникулах в свободное от крестьянских работ время запоем читаю книги и покупаю свои. Конечно, самые тоненькие, дешёвые.

Мне исполнилось десять лет. Я по-настоящему знакомлюсь с папой. Он учит меня выбирать место для стана, строить из жердей, прутьев, веток и прошлогодней травы тёплый шалаш, заготавливать на всю ночь дрова, у входа в шалаш разводить костёр и до утра поддерживать в нём огонь, и всё обустроить так, чтобы — Боже упаси! — ночью не загорелся шалаш.

По еле заметным приметам с вечера обустроить родник, а холодным утром умываться, чистить пальцем зубы,

из скудных припасов готовить завтрак, из остатков на кустах листьев и ягод заваривать бодрящий чай.

Я охотно учусь запрягать лошадь, водить её на водопой, боронить пашню, валить ручной пилой деревья на дрова, а потом их раскряжёвывать, пилить, колотить. С вечера оставлять в костре кряжистые дрова так, чтобы утром легко можно было снова разжечь огонь.

На выделенной начальством земле ранней весной мы с папой пашем для всех сотрудников сельпо пашню, бороним, заготавливаем для конторы (и для себя) на зиму дрова. А потом наступало время сенокоса с его трудовыми буднями: жарой, мошкой, комарами, оводами, дождями, по два-три раза на день купанием в реке. Опять же с постройкой шалаша, устройством стана, навеса для инвентаря и инструмента, заготовкой ивовых прутьев для плетения мордушки, её установкой в тихой заводи озера-старицы, а потом самое радостное и главное — извлечение рыбы.

Вечером, после трудового дня, неспешное щербанье ухи, с её умопомрачительно-сытным запахом. Несколько раз за день купание в озере с опасными отвесными берегами. Но среди рабочих буден есть у меня и праздничные дни — чтение взрослых книг: «Поднятая целина», «В лесах» и «На горах», «Мир», как позже узнаю — украинского классика и идейного противника Ленина — Владимира Винниченко.

Откуда взялась эта странная книга в нашем доме — не знаю. Писатель после гражданской войны оказался в эмиграции, и книги его были под запретом. Такие книги в доме были не из фронды, а, наверное, от незнания, — какой опасности подвергается семья.

Тайшет – узловая станция, сердцевина арестантской Сибири, ГУЛага. Группа лагерей имеет название Озерлаг – особо закрытый лагерь.

Здесь перед отправкой на Колыму маялся печальник российской деревни, замечательный русский поэт, автор исповедальной повести «Чёрные камни», потомок декабристов Анатолий Жигулин.

Пока переезжали, обустроивались и справляли одежку, мне в школу пришлось пойти со второй половины октября, но учусь охотно, только на четыре и пять, запоем читаю всякие взрослые книги, например: «Угрюм-река», «Преступление и наказание», «Тихий Дон», незабвенные «Вечера на хуторе близ Диканьки».

А по вечерам при свете керосиновой лампы мы, помогая папе, как муравьи, всей семьёй теребим овечью шерсть для валенок.

В один из крещенских вечеров сорок шестого года в нашу дверь тихо постучали. Папа, не боясь бандитской кошки,** открывает дверь. Вместе с клубами морозного воздуха и радостными возгласами в избу входит поздний гость. В неопределённой одежде, в солдатской шапке, в заиндевелом башлыке, с сосульками на бровях, невысокого роста лысый человек обнимается с папой, трижды целуются. Гость снял заплечный мешок, положил его на лавку, снял очки и протёр тряпицей. Осмотрев избу и не найдя по углам образов, всё-таки уверенно перекрестился.

– Жив, цел, Пётр Яковлевич?

* Иов – библейский персонаж.

** Кошки – в послевоенные годы повсеместные бандитские шайки, грабившие несчастных обывателей.

— Жив и цел, Афанасий Дмитриевич!

— Здоров ли?

— Здоров, на своих ногах, а что шкуру поцарапали — так без того, сам знаешь, ни одна летняя страда не обходится. Ещё трудней без потерь обойтись на войне. Вот и пришлось трижды побывать в госпиталях. Сначала ты, Афанасий Дмитриевич, в Монголии спас, выдернул из строя доходяг, взял к себе в мастерскую, а на фронте — Господь уберёт.

Думая, что это мой дядя, о котором иногда шепчутся родители, порываюсь к гостю, но нас с младшим братом сразу отправляют за печку. Мама что-то ставит на стол, горестно вздыхает и уходит за перегородку. Слышу, клацает замочная клямка: наверное, молится. С внутренней стороны крышки тяжёлого семейного сундука у мамы прилажен Николай-угодник.

К сёстрам ходят гости, и они, стесняясь, верующей мамы, упростили её спрятать икону. Обе работают в районном узле связи: одна телеграфистка, другая телефонистка. Интеллигенция, однако.

А станция Тайшет — узловая. Строят железнодорожную ветку на Братск. В городе и за городом сплошная стена колючей проволоки, полным-полно лагерей, а в них враги народа, японцы да диковинные власовцы. О существовании других врагов мы не подозреваем.

Тем временем папа помогает гостю раздеться. Гимнастёрка его, к моей радости, совсем без орденов и медалей. Мужчина достаёт из вещмешка заиндевелую бутылку водки и газетный сверток, основательно располагается за столом. Из своего угла пробираюсь на печку, из-за занавески хорошо виден стол. Картошка, капуста, хлеб — наши, бутылка и селёдка — гостя. В стаканы льётся тяжёлая, почти свинцовая, замёрзшая жидкость. Мужчины возбуждены: вздохи, охи и ахи, междометия, фамилии, звания

сослуживцев, кто, куда, когда, а тут и внезапный детский сон... Просыпаюсь от гнетущей тишины и потаённо-звнящего шёпота гостя:

– Как на грех, в тот год не завезли ни одного куска, а уполномоченный требует: дай да дай. Я и без того – отдаю ему всё самое дефицитное, все свои запасы. Мало! Снова дай! Спрашиваю – откуда? Нет у меня. Тот с угрозой: «Смотри, нагрянет на прииск тиф, заведу дело, только и загремишь!»

Обидно то, что он этим мылом сам приторговывал с якутами и тунгусами, менял на пушнину, золотишко, кость, то, сё. Премировал своих звонарей, баб. Все знали – матёрый жеребец, и девок за ласки одаривал. Да и мне понятно: полящика земляничного оставалось у него ещё с прошлого завоза. А он своё – дай! В последнем нашем разговоре тяжело бросил: «Запомни, паря, саботаж – дело серьёзное!»

А чё помнить, чё смотреть? Нет мыла. И он знает, – не завезли. Да и супротивником самодуру ни с какого боку я не был, не резон. И на тебе... Как назло, один из сезонных старателей заболел. Сплавил его по Витиму в Бодайбо, в больницу.

А на другое утро, выглянув в окно, хозяйка моя объявляет: «Петя, беда! По твою душу!» Да как села на лавку, так больше и не встала. Отказали ноги. Так эти варнаки* после отправки больного, не откладывая в долгий ящик, прямо на другой день и нагрянули с обыском.

Лихая, скажу тебе, тройка. Наш уполномоченный, председатель сельсовета Зыков и его полюбовница, заведующая чайной, вечно мокрохвостая Засукина. Похоже, не зря злословили, что она переделала свою фамилию,

* Варнаки – (сибирск.) – преступники-душегубы.

а была просто Сукина. Сам знаешь, не зря старики ругаются: сукина дочь!

Известно, бранное слово — не имечко Христово, но чаще всего фамилия шла от прозвища, а это крепче гербовой печати, зря в деревне не назовут. Те, нехристи, открыли лавку, шасть по углам — нет мыла. Больше трёх минут и искать не стали, сразу ввалились в избу.

Опыта не занимать, именно такие активисты-неработь в тридцатом ходили и описывали у мужика нажитое, иногда снимали с несчастного последний полушубок. Эти злодыри моментально находят два куска хозяйственного. Оно для стирки удобное, а на земляничное, зная его запросы, я и не посягал.

Кромешник, повеселев, торжествующе обращается к своим: «Видели?» — заединщики дружно: «Видели!» Бесцеремонно, как у себя дома, садятся за стол, составляют протокол обыска, нате — распишитесь. Я ему: «Как вам, товарищ Потехин, не стыдно, ведь это не ящик, и не пол-ящика, а для личных нужд. Видите, один кусок даже замылен. Что мне, по-вашему, за прилавком с немытой рожей стоять?» А тот в ответ с наглой ухмылкой: «Знаа-е-ем, знаа-е-ем, сколько сумел на сторону замылить». «Да нисколько, товарищ Потехин, спросите соседей, сами через раз ходим в баню, только моемся мылом, а, экономя, давно стираем щёлочью, вот те крест истинный!»

Не уговорил, не сумел. Так и приобщили к протоколу это злосчастное мыло.

Тут же и арестовали, а через месяц попутной баржой доставили в Бодайбо. А там следователь поставил на конвейер: день-ночь, ночь-день. Не выдюжил, признался, подписал 206-ю, а вместе с ней и 58-ю статью — про свой умысел: мол, хотел в этом сезоне сорвать добычу металла. Да и какая вера нашему брату, ссыльному? Суд проштамповал обычную пайку — червонец.

Наскоро отправили по этапу: Бодайбо–Киренск–Усть-Кут, а дальше – под Иркутск, в Александровский централ. А там в те годы – ад крошечный, камеры переполнены, спим по очереди, деревянная параша весом в полтора центнера, опорожняем её только раз в сутки, смертная духота. Молюсь, но Господь, видимо, за грехи наши – не слышит. Однако, кто его знает, может, и услышал. Сохранил. Встретил я там нашего больного. Оказывается, чтобы понадежней обезопасить себя от любопытных глаз, облегчить вывоз с прииска утаённого ли, украденного ли золотишка, наелся варнак мыла, притворился больным. А в больнице, сказавшись здоровым, сразу был отпущен, и уже через пару дней в картёжном притоне Бодайбо, рассчитываясь песком, попался с поличным. И даже не с поличным. Когда с облавой нагрянула милиция, в его поясе только пыльца и осталась. Залётный варнак, выигравший у него золото, бежал, а может, предположительно, и откупился, а этот симулянт отвертеться не сумел, сел за пыльцу. Попадись они с золотом – обоим крышка. И тут выясняется: мой посадчик – известный потюремщик. Слышу, все в камере заискивающе величают его: кто Коляном, кто Колей, а кто Рашпилем. Во рту золотая фикса, вес авторитетный – пудов на семь, рожа угристо-бугристая, видно, по роже и кличка. Я к нему: «Христом Богом молю, Николай Батькович, скажи начальству, что невинный я, что никакой болезнью ты не хворал, никакого умысла-саботажа с моей стороны не было, что меня надо отпустить».

Да куда там. Как только умеют блатары, подмигнул он мне, от ушей подальше заманил под нары, а там в два счёта на пальцах растолковал: «Заявишь следователю, мою пыльцу и твоё мыло – сошьют в одно дело. Им так даже выгоднее: сразу саботаж и хищение. Заруби себе на носу: ребята в хромовых прохарях работают не за идею, а за награды. Выбирай, Пётр Яковлевич: в розницу по

червонцу, а за групповщину – вышка. Обоим. Помни, золотишко тянет на вышку».

А в тридцать седьмом, восьмом, Афанасий Дмитриевич, сам знаешь, разговор был крутым и коротким. Да к этому времени и я уже кое-что понимал. Убедил меня варнак. И счёл я за благо промолчать...

С комом в горле, еле подавляя слезы, пошёл Иов многотрадальный через пересыльные этапы на край света, в страну вечной мерзлоты и горючих слёз – на Колыму. Обидно, Афанасий Дмитриевич, ни за что... во второй раз оторвали от жены, детей, родителей...

Лежу я, причастный к трагической тайне мальчишка, на печи и вижу, – посреди стола четыре сжатые в тихом рукопожатии мужские руки, а на стене две трепещущие, уткнувшиеся лбом друг в друга тени. И тихие, на грани надрыва вздохи... моего папы и ночного гостя.

– И то, ладно, не окажись в «столыпине» Рашпиля, не знаю, сумел ли бы я выжить, доехать до владивостокской пересылки? Обледенелые телятники, забайкальские трескучие морозы. Холод, голод, ежедневная картёжная игра, поножовщина. Блатари день через день отбирают у мужиков пайки. Подсаживались и ко мне, но, видно, в искупление своего греха, всякий раз ограждал Рашпиль. Так и добрались до пересылки – Второй Речки, а там у него оказалось полно своих забот: встречи с друзьями, карты, водка, марухи. Обо мне, видно, забыл. А шпана тут как тут, играют на чужое. Проиграв, жертву беспощадно трясут, обдирают. Обувку, тёплую одежду, мешки – подчистую. А пайку готовы выдрать вместе с зубами. У многих и выдирали, не зевай. Беда, если золотые...

Так вот, ранней весной тридцать девятого из зловонного трюма «Индиگیرки» на магаданский берег я сошёл

форменным доходягой. Невзирая на состояние, попал на строительство нового лагеря, поэтому с первых дней — лесоповал. Живём в палатках третьего срока, да и робу выдали третьего срока, под ногами слякоть.

Норма для меня оказалась неподъёмная, а раз нет нормы, то и пайка неполная. Из доходяги скатился в разряд фитилей. В строю хожу последним, а по рассказам опытных людей знаю: последним быть опасно, любой придурок-конвоир может отыграться. Но в середину пробиться не могу, отстаю, шатаюсь. А вскоре и споткнулся о корягу. Конвоир тут как тут и, как любили они выражаться, «взбодрил» штыком. До вечера кое-как дотянул, о норме пришлось забыть. Ближе к съёму снимаю штаны, вижу — на бедре след трехгранного штыка. Крови нет, но обозначилась тревожная краснота. И ногу тянет. Спрашиваю опытных сидельцев: «Что делать?» Советуют покрепче промыть мочой, а потом идти к лепиле, но что и как — не говорить. Дойдёт до начальства — тебе крышка. Те, для острастки, конвоира пожурят, может быть, для вида, накажут. А тот, затаив злобу, не простит: при первой возможности, не раздумывая, шлёпнет. Рядовое дело. Спишут на побег. Их за побегушников всегда поощряют, дают отпуска. Перечу: какой же я побегушник, еле на ногах держусь! А мне опять эта добрая душа втолковывает: «У тебя только один выход: сказать, что упал на сук. Иначе нельзя. Помни: „Колыма, как сума, прибавляет всем ума“».

Правда, к этому времени на Колыме, по рассказам старых сидельцев, как раз в этот период стали играть в законность, жизнь арестантов чуток полегчала. Ходила легенда, что был разоблачён и расстрелян враг народа, начальник «Дальстроя», изувер Степан Гаранин. И лагерное начальство какое-то время вынуждено было соблюдать какую-никакую законность.

В санчасти я устоял, сколько ни мурыжил, как ни напирал на меня доктор: «Что и как? Дескать, Сучков и на сучок?! Зря темнишь, говори!» Как ни жаждал я справедливости, а на конвоира не показал. И вынужден был доктор на неделю дать освобождение от работы. Но тут новая беда. Пришли бригадники с работы, мне один, другой, третий передают: конвоир грозит пристрелить. «За что?» «За ябеду». «Как так? Ведь я не выдал живодёра, промолчал». А мне говорят, прослышало, мол, как-то начальство, грозит и всё... На другой день, как намыленный, откуда ни возьмись, Рашпиль. Уже много дней в лагере, а до этого с ним — ни словом. Однако вижу, он и здесь свой своим, верховодит несчастными. Без околичностей, так и так, мол, Петруха, слышал, плохи твои дела. Хочешь жить? Не спи, шевели рогом. Из любого положения есть выход. «Какой?» — спрашиваю в отчаянии. «Рисковый, но есть. Разуй глаза, паря!» — сияя, обнадеживает варнак. «Так какой?» — переспрашиваю, выигрывая время на раздумье. «Выход один: когти рвать... идти в побег!» — торжествующе привычно сообщает Рашпиль. «В какую сторону? Позади солёное море, впереди море тайги», — тяну своё. «А мы в тайгу», — и развесёлым голосом: — «Укрой тайга его густая, бродяга хочет улизнуть! Небось слышал: закон — тайга, прокурор — медведь! С ним и дело нам иметь!» «Да она, милая, непроходима!» — с надеждой отговориться, но и уступая красно речивому напору. «Для нас, братка, если я с тобой, проходима! Решайся, Петруха! Ты — пятый гаврик. С такой артелью сам чёрт не брат!» «А когда?» — почти соглашаясь, тяну волюнку. «Вот по окончании твоей больнички и рванём, а пока — затырь, прикопи несколько паяк хлеба. Короче, сколько сможешь. Запасы у каждого свои. Помни, ни с кем ни слова! Встречаемся только по крайнему делу. Бывай...»

Хотя и нехорошо на душе, и не верю ни во что, всё же половину хлебной пайки оставляю. Понимаю, что он считает меня в своей кампании, раньше звал по имени-отчеству, а сейчас перешёл на кличку: Петруха. Через два-три дня моё сумрачное поведение заметил сосед по нарам, тот, что присоветовал не говорить доктору про конвоирский штык, может, и с пайкой увидел, сообразил. Трудно скрыть, лагерь есть лагерь, всё на просвет. Тянуть не стал, отведя вечером к отхожему месту, говорит: «Зря, Пётр Яковлевич, Рашпилю доверились, опасный для вас человек!» «А что такое?» «Откажитесь, пусть шпаняты берёт...» И такое сказанул, что и через столько страшных лет, и через столько смертей — по спине холодком тянет, говорить не хочется. Одно слово — берёт на мясо. Да-да, то самое! А воспользовался моей простотой потому, что много раз ограждал от молодых шакалов. А теперь сам хочет стать росомахой. Что делать? Голова кругом, спрашиваю соседа: «Как быть?» Он мне и объявляет: «Конвоир снова открыто грозился. Значит, душегуб, твёрдо решил съездить в отпуск и своё не упустит, да и авансом на других страха нагонит. Тем сильна и жива власть, что питается нашей робкой покорностью да неизбывным страхом».

Назад взять слово нельзя — блатные пришьют. Крепко помолвившись всем земным ангелам, решил я отдаться силам небесным — идти в побег. Конвойный грозитя, Рашпиль торопит: «Петруха, шевелись! Пока запретка в один кол, надо уходить. В тайге полно лечебных трав, подлечим в дороге». Прикинулся я овцой, что не боюсь, во всём ему доверяю, вида не показываю, а в голове держу свою задумку. И вскоре твёрдо отвечаю коноводу: «Готов!». И призвал в свидетели своего ангела-спасителя.

А опытный варнак дождался первого хорошего ночного дождя, растолкал нашу артель беглецов, в тревож-

ной тишине выманил на плац. Рядом, бок о бок, сопят напарники, а кто они – не знаю. Ночь, проливной дождь, собаки спрятались, не чувят. Живо подкопали жидкую землю, чтобы не зацепиться нашей рваниной за проволоку, подставили припасённые деревянные колышки и поползли мы через запретную полосу в неизвестное. Примерно через сотню шагов спустились к реке, чтобы сбить собак со следа, прошли с полкилометра вверх по течению, перешли вброд на другой берег. Там каждому, чтобы на скользких камнях не падать, из гибкого тальника вырезали «лыжные» палки.

Тут я только окончательно сообразил, с кем имею дело. У каждого из них в руках ножи. А у меня, кроме двух-трёх пригоршней гороха, выменянных у дневального за тетрадку, щепотки соли да нескольких огрызков пайки, больше ничего нет.

Ещё с километр по мелководью, и только затем пошли по каменным отмелям. К утру свернули в тайгу. Звериное чутьё подсказывает направление, прём встреч ручьёв и речек, без совещаний, без остановок, чтобы меньше оставить следов, только по камням. Дождь замыкает следы, остановки по команде, припасённые куски каждый съедает свои. У Рашпиля самый большой куржум*, а в нём не менее десятка полноценных паек. Он ни с кем не делится, ест сам. Я и свой горох не ем, терплю, помалкиваю, вида не показываю. Умысел есть умысел. На него вся надежда. Именно надежда рождает силы и уверенность в благополучном исходе. Как ни мокро и холодно, костра не разводим. Хотя, оказывается, у каждого блатаря припасены трут и кресало, порываются развести костёр, но опытный Рашпиль всех держит в руках, не даёт... Через перевал-другой запомнил клички

* Куржум – (тюрск.) кожаный заплечный мешок.

напарников: Лис, Мытый, Хава. И действительно: один пронырливый и хитроватый, другой грязный, третий с огромным, наводящим ужас звериным ртом, хайлом. Все тёртые калачи-заединчики, разговоры только в рот-перерот и в мать-перемать! А в тайге ещё ни ягод, ни грибов, питаемся только переросшей черемшой, медвежьими дудками да саранками, зорим, если попадают под ноги, птичьи гнёзда. Вскоре стали ночевать при свете костра, это намного теплее, но и опаснее. Стал лихорадочно размышлять: как отстать? Но... замечаю, что за мной цепко присматривают три пары волчьих, голодных глаз. И тут я понял: главное — не выдать себя, чтоб не заметили моего страха, а видели только лапотную мою неопытность, полную покорность судьбе и беспечность. Пытаясь отдалить неизбежное, на каждом отдыхе рассказываю о своих богатых шурфах, продуктовых припасах на заимках, где полно вяленого и сушёного мяса, якобы известных только мне от таких-то и таких фартовых старателей. Что непременно придём в те богатые места, обустроимся, станем «стараться», озолотимся, а там и рванём на юг. Смотрю, заинтересовались. Но примерно через две недели пути в глазах моих потюремщиков появился нехороший блеск и полная апатия к золотым рассказам.

Не испытывая больше судьбу, в ту же ночь катком-катом, в минуту по сантиметру стал я отворачивать от ухарей, отползать от беды. На локтях, ползком, ужом, на четвереньках, под шум ветра и шорох тайги, добрался до ручья, соскользнул в чёрную воду и, помня совместный опыт первой ночи побега, боясь, что бросятся по следу, будут искать, пройдя по ручью всего ничего, пошёл строго на запад. От страха и радости, что избежал разделочного стола... пасти Хавы, совсем забыл о своём горхе. Вспомнил только в первую вольную ночёвку, съел за ночь десять горошин. И впервые за долгое время

в трепетной молитве помянув Богородицу и всех известных мне святых, вздохнув полной грудью, без опаски посмотрел вверх. А там, в бездонном небе, тысячи и тысячи пригоршней золотых горошин, всё торжественно мироустроено, никаких тебе забот, ни печалей, ни горестей, ни насилия, ни страдания, а только непостижимая человеческому уму Божья красота. А над всеми вольными и невольными грешниками, заблудшими и палачами, стражниками и насильниками, жертвами и страстотерпцами, святыми и странниками, клеветниками и сатрапами, судьями и узниками, над всеми зверями и птицами, ядовитыми гадами, самыми ничтожными тварями и насекомыми — всё видящий и всё понимающий, воздающий всем по делам нашим — один Высший Судия. И вековая таёжная тишина... И родилась во мне такая духоподъёмная сила, такая неистребимая и путеводительная вера во спасение, что стали обходить меня все звери, а духи лесные стали подсказывать более лёгкие пути через шивера и осыпи, на реках выходить на мелководье да перекаты, а через глубины — подсовывать удобные сухие лесины, посылные, чтобы столкнуть в воду и плыть дальше... Ей-ей... кто-то вёл и спасал меня ежедневно...

В следующие дни стал съедать по три горошины утром, в полдень и на ночь. А ещё через неделю пути стали на речках попадаться остатки кострища. Обрадовался, думал выйти на каких-нибудь охотников, назвавшись геологом, пожаловаться, что заблудился, попросить помощи. Однако из-за слабости догнать не могу, пытался даже кричать, пока не набрёл на следы отчаянной борьбы... А на останки вывели всеядные птицы, а что за останки, думаю, легко догадаться. Что делать? Идти по руслам рек легче. Но, оказалось, и много опаснее. Пришлось взять круче от рек. Тут и греховное пришло на ум: а если бы, не приведи Господи, Рашиль поверил моим «золотым» рассказам да не отдал

бы меня первым Хаве, а начали бы с Мытого или Лиса? Вот где истинное испытание для человека. Если он человек... Поощаил Создатель, миновала меня чаша сия. Да и не смог бы я преступить человеческие и Божьи заповеди, приобрести звериные черты. Точно знаю, не смог бы. Значит, иди сам на жертвенный камень. К тому времени пошли полуспелые ягоды, первые грибы. Чтобы не заслабил желудок, вместе с корой жую лиственничную серу, ем по три горошины, потом по две, одной... и вконец... отоштал. Остатки крови допивает гнус. Несколько дней, отупев от голода, шатаясь, иду полупьяным. Черемша, саранки, дудки, птичьи гнёзда давно отошли, уже и птенцы стали становиться на крыло. Хотел, было одного съесть, да, видно, Господь уберёт, не выдержал писка матери, вернул Божью птаху в гнездо. А грибы без соли и огня, скажу тебе, и вовсе не еда, но, во спасение, пошла ягода. Спелая — значит, вовсю идёт вторая половина лета, но через несколько дней зубы доконала оскоми́на. А по речушкам и рекам полным-полно смородины, которую пришлось глотать, не жуя. Нажимаю больше на черёмуху, а сладкую и питательную малину ещё поискать надо, но искать некогда, надо идти. Вот, наконец, кончились встречные ручьи и речки, затостали попадаться другие, всё больше северным и реже с западным уклоном течения. И тут заметил обильный рыбный нерест, посидел у реки в надежде поживиться рыбкой. Сколько ни бил палкой по воде — поест так и не удалось.

Побрёл дальше. В таком вот полуобморочном состоянии вышел к следующей реке, вижу, — медведь ловит рыбу. Зачерпнёт лапой по воде, бросит её на берег и — цап другую. А первая, трепеща по камням, по камням, раз-раз и ускользает в воду. Одна, другая — и всё в воду да в воду. Уже и со счёта сбился. Одна, другая, третья... Обидно. Потемнело в глазах. Выбора нет, обезумев от

голода, почти над ухом медведя из последних сил заорал я и, в надежде успеть схватить бьющуюся на камнях рыбину, кинулся на матёрого зверя. А как поведёт себя хозяин тайги, я знал по рассказам бывалых людей, так и случилось. Ещё с большим рёвом, чем кричал я, обозначив за собой навозный след, оставил свою добычу и, сокрушая мелкий валежник, бежал хозяин тайги. Изловчившись, хватаю и с безумной жадностью съедаю сырую рыбину. И... через десяток шагов... ослабило меня, грешного, запоносил я, да так, что не приведи Господи. Взятая про запас щепоть соли давно кончилась, вот и случилась беда, от еды сил не прибавилось, каждый шаг — только потеря сил. А реки стали попадаться всё полноводней и полноводней. Решаюсь на последний шаг. Вскоре нашёлся посильный мне обломок соснового ствола, столкнул его в воду и поплыл вниз по реке. Всё равно не ходок, будь что будет. Но, боясь угодить в затор, каждый очередной вечер ночевал на берегу, спасаясь от комаров, натеребив сухого мха, зарывался в него с головой, а весь световой день, иногда теряя сознание, плыл.

Иногда думалось, не к Ледовитому ли океану вынесет? Разве что — белому медведю в лапы. Да и в заломы попадал, спасаясь, бросал свою лесину, чудом выгребал к берегу, отдыхал, шатаясь, теряя силы, обходил очередной залом, снова искал посильную лесину, сталкивал в воду и плыл дальше. В неизвестность. К одному концу. А ночью боязно плыть, сам знаешь, ночью по северам — ни огонька. Потому что можно легко проскочить редкие поселения, заимки и стойбища промысловых людей, дальше — белый медведь. Через несколько дней безумного сплава повстречал рыбака. Тот и спас. Сперва как утопленника, а затем, хорошенько рассмотрев мою рванину, сообразил, что к чему. Что было делать? Дни всё короче, росы обильнее, туманы холоднее, через неделю и осень.

Пришлось во всём признаться. Однако мне повезло, спаситель оказался из бывших дворян, после отбытия ссылки добровольно остался в этих местах. По-христиански обогрел, выходил и вразумил. Без его знаний и житейского опыта мне бы не выжить. Одно то, что он присоветовал сдать местным властям, многого стоит. Скажу точнее — самой жизни.

Подсказал спаситель назваться вымышленным именем, а там, может, где-нибудь и людоедская машина пробуксует, система даст сбой, а где и сам Господь Бог поможет, убережёт. Главное — предупредил: по многим речным сёлам стоят солдатские секреты, ловят беглецов. В тайге поджидает гибель не столь от голодной смерти или зверя, сколько от рук охотников-якутов, а потом тунгусов, которые отстреливают беглецов, отрубая им кисти рук, сдают их в пушные фактории, заготконторы, за это их отоваривают свинцом, порохом, чаем, сахаром, водкой, одеколоном, консервами и прочим ассортиментом. Но и солдатам не хочется себя утруждать: бегать, ловить, стеречь, этапировать. А так по сёлам живут у солдаток в примачах, помогают им по хозяйству, по очереди дежурят на шиверах и отмелях, стреляют беглецов, соблюдая инструкции, как и охотники, рубят им кисти рук и, выслуживаясь перед начальством, сдают эти трофеи своим командирам. По всем северам эта технология давным-давно и крепко-накрепко освоена. Как тут устоять? Аборигенам-якутам — известная отоварка, а служивым — заслуженный отпуск.

Несколько дней лечил меня спаситель, поучал, отогревал, отпаивал кореньями, отпаривал травами, ставил желудок, осторожно кормил, кое-чём из одежки мы в четыре руки подлатали. Кое-чем оделил из своей рухляди. А что-то добыл в соседнем селе. Мою одежку почти подчистую съела тайга, остальное — размочалила вода. Из реки я, почитай, испытый комарами, вышел нагишом.

И лишь через неделю, подкормив и подлечив, оставив все свои круглолетние дела, за целое днище* на углой лодчонке повёз спаситель в промысловый посёлок и сдал меня в сельсовет. Там — честь по чести составили акт. Назвался я новым именем, придумал себе новую статью и небольшой срок. А поселковым властям, видно, не впервой. Заперли меня в кондовый купеческий амбар, правда, не забывая регулярно кормить, тут же сообщили районным властям, а те прислали солдат. Вся разница в том, что из беглого стал я пойманным, а таких уже не стреляют, не с руки, видите ли, соблюдают закон. О чём мне несколько дней и втолковывал спаситель. Всю зиму с тридцать девятого на сороковой, изображая из себя бывалого человека, отсидел под следствием, а там и лето сорокового промелькнуло.

И ещё, как на духу, признаюсь тебе, Афанасий Дмитриевич: Богу молился, — пришлось скрывать, на людях молиться перестал, разве что ночью, да и то кратко и шёпотом. Скрывался не только от начальства, но, что обидно, от таких же несчастных, как сам. Не курил — стал курящим, не ругался, но чтобы соответствовать шпане — стал искусным матерщинником. А смышлённый следователь ни одному слову не верит, смеётся над моей лихой побывальщиной, подъеддыкивает: «Гони гусей, паря, шибче, гони, получается!». Но, спасибо ему, по тем временам вёл себя по-человечески, не бил, не истязал, на выстойку не ставил, почти не ругался. Это они с нашим братом, что идут по пятьдесят восьмой, не церемонятся, а с социально близкими даже частенько заигрывают. Пока на выдуманную фамилию послали отпечатки пальцев, пока в МУРе сверяли по картотеке, сличали фото, то-сё, пока пришёл ответ и начали раскручивать на

* Днище — расстояние в один день пути в Древней Руси.

новый срок, — грянула война. Не раздумывая, попросился на фронт, да не тут-то было...

Как водится, покантовали, помурыжили, но, видно, плохи у них на фронете были дела, взяли. Сам знаешь, сначала фильтрационный лагерь, затем пересыльный, маршевый лагерь, а через полгода — Забайкальский фронт. В Монголию пришёл уже форменным доходягой, вот тут ещё раз укрыл Господь своей дланью. Повезло, встретил твою, Афанасий Дмитриевич, помощь, а с ней и спасение. Откормился я на твоих пимокатных харчах, а в строю бы — в дырявой шинельке да в чунях на сорокаградусном морозе — не сдюжить. После повторной фильтрации попал в мясорубку — под Сталинград. Если б не ранило, то бы не уцелел. На Днепре зацепило вторично. Правда, чуток легче. Хоть уже и не в штрафниках, да всё равно в первых окопах. Под Кёнигсбергом садануло в третий раз, и покрепче. Восемь месяцев собирали кости, кроили, шивали и многократно перешивали шкуру.

Уберёт Господь, и сохранили ангелы, очухался. Только что из госпиталя — и прямо к тебе. Хорошо, что твой адрес дали в военкомате. А вот куда ехать дальше? Не могу придумать. К семье? Или в ещё большую глухомань? Да где найдёшь такое засуземье,* тихое, безначальное да безглазое? Как обойти многочисленные ловитвы,** расставленные силки и капканы? Боюсь снова навлечь беду: дети стали взрослыми, за отца пострадают. На фронте ни одного подвига совершить не довелось. И ведомо — гордиться нечем... Родину мы сообща спасли — и больше мы ей не нужны. Самое время вспомнить голубым мундирам все наши невины, что беглый я, бесфамильный перекаати-поле. Трижды меченый потюремщик...

* Засуземье — далёкие, недоступные потаённые земли.

** Ловитва — деревянная охотничья ловушка на зверя.

ВЛАСОВЦЫ

Власовцы — это на 90% несчастные люди, попавшие по сталинскому головетяпству в гитлеровский капкан, и лишь на 10% — отпетые негодяи и карьеристы.

Из разговора в электричке

1946 год. Тайшет. Повсеместно тарахтят самодельные тележки инвалидов. Это деревянная доска на четырёх шарикоподшипниках. Инвалидов столько, что ими заполнены базар, вокзал, вагоны поездов дальнего следования, почта, магазины и улицы.

Особенно много их летом, тогда они, не стыдясь глаз обывателя, выставляют свои конечности напоказ. Как правило, это человеческие обрубки, без ног, часто с изуродованными или обгоревшими лицами, иногда всего лишь с одной рукой. Мимо таких страшилищ стараемся — бегом-бегом.

Почти ежедневно с друзьями бегаем на железнодорожную станцию за соей, диковинным для нас «трофейным» горохом, который по праву победителя мы забираем из маньчжурских закромов и везём в западные, голодные области страны.

В 1946–1947 гг. урожай зерновых в СССР два года подряд составлял по 12,3 млн и 17 млн тонн. Чтобы скрыть достижения колхозного строительства, правительство выпускает секретную директиву: овёс, бобы, горох и подсолнечник — считать зерновыми. В пропагандистских целях отменяются продовольственные карточки. На чёрном рынке появляется жареная соя, вполне вкусный, а главное — сытный продукт. По всему Транссибу, вопреки

военизированной охране, вечно голодная безотцовщина самодельными свёрлами сверлит в деревянной обшивке вагонов дырки, а после только успевай подставлять карманы. А потом мы бежим с пацанами на окраину города смотреть на голодных «власовцев».

За городом вереница лагерей, в них десятки тысяч заключённых, свезённых на строительство дороги Тайшет–Братск. Видно, что и они хотят есть, только бросишь им сквозь колючую проволоку горсть сои, они воробьями налетают на это место и старательно, до последнего зёрнышка выискивают добычу. За такое кормление несчастных через годы и расстояния сегодня стыдно. Очень. Но и попутно делаю открытие: власовцы вовсе не какие-то страшилища, а обыкновенные люди. Когда сообщу вечером за ужином, что видел власовцев, папа, перекрестившись, заметит: несчастные. Отложит свою ложку в сторону и выйдет из-за стола.

Но в эти же годы я впервые с папой поеду на сенокос. Наш покос очень далеко, где-то за железнодорожной станцией Суетихой, ныне город Бирюсинск, за рекой Бирюсой, через которую надо переправляться на пароме. Через две недели, после банного дня, по этой же самой дороге, мимо бесконечных лагерей, я поеду один. Эта поездка описана мной в поэме «Дорога на Суетиху»*.

* См. книгу: Александр Егоров. Родова. Владивосток, Полиграфкомбинат, 2006.

Маленькие, ловкие и дружные, почти игрушечные солдатики. Их странная, цвета хаки, балахонисто-экзотическая одежда подбита собачьим мехом. На такого же цвета шапках-ушанках устроены слуховые клапаны. Мы потешаемся над их меховыми рукавицами: как же они стреляли бы из своих винтовок? Нашему детскому уму недоступна их вчерашняя героическая отвага, почти механическая дисциплинированность, готовность к самопожертвованию за родину и императора.

Как много их в плену, мы не знаем, не сильно-то и жалеем, но, вероятно, через свой голод, сочувствуем их голоду. Когда у нас есть лишняя горсть сои, бросаем им. Если рядом нет японских офицеров, то они охотно подбирают эти драгоценные горошинки. Но чаще всего горошины наполовину остаются в запретке.

И всего один раз я, догадавшись, вложил в газетный кулёк камешек и лёгко добросил по назначению. Помню их ответно-суетливую, благодарную радость. Хорошо помню одного японского офицера, который частенько заходил в наш дом. Видно, его подкармливала мама, и он подарил мне из хрустящей рисовой бумаги блокнот и красную печатку с иероглифами, очень похожую на губную помаду моих сестёр.

Мы охотно с ним общались, а на каком языке — не помню. И действительно, на каком? Если никто из нас не знал больше десятка слов, и то — немецких, да и то окопной лексики. А он столько же русских.

на родину!

*У птицы есть гнездо,
у зверя есть нора...*

Иван Бунин

К сожалению, не у каждого советского человека есть нора. Многие миллионы живут в общежитиях, в тёмных бараках, балках и землянках, без воды и света, с большими проблемами с топливом. Процветает проблема несунув. Начальство в противовес явлению выпускает телогрейки с одним карманом. Советский человек не менее изобретателен, вскоре к телогрейке пришивает внутренний карман, а то и два.

В дополнение ко всем бедам — 1947 год по всей стране неурожайный. В закромах страны пусто, по американскому ленд-лизу больше ничего не получаем, а под ружьём у Сталина десятиmillionная армия, её надо кормить, а кормить нечем. Во многих регионах голод, переходящий в людоедство. Полно страшных слухов.

Папин оклад триста рублей минус месячный оклад займа восстановления и развития народного хозяйства. На руки получает двести семьдесят. Булка хлеба на базаре стоит сто рублей, ровно столько же ведро картошки. Понимает ли современный читатель эту арифметику? Как можно жить, получая зарплату на три булки хлеба? И не за один день или рабочую смену, а за целый месяц! И не на одного человека, а на всю семью! Семью из восьми человек... А ведь жили.

Угроза ли голода, тяга ли к земле, родным местам, тоска ли по родителям, предчувствие болезни снимают нашу семью с места. Папа никак не может смириться с рабской долей, одержим поиском лучшего места. Решено ехать на родину. Продаём кое-какой скарб, корову, которую в цен-

тре города держать очень трудно, за два лета она съела всего две-три охапки зелёной травы, какое уж тут молоко, в общем, всё громоздкое. И перебираемся на железнодорожный вокзал. Сидим сутки, вторые, третьи. Всё никак не можем уехать.

На вокзалах столпотворение. Кажется, вся страна на колёсах, все куда-то едут. На колёсах и безногие инвалиды, их доски-коляски, оснащённые шарикоподшипниковыми роликами, гремят так, что, кажется, достают до нутра. И вот под этот нескончаемый аккомпанемент мы уже неделю спим на каменном полу. У мамы на руках двое маленьких. Здесь же на вокзале знакомлюсь с каким-то странным человеком, который дарит мне книгу рассказов. На серой обложке чёрными буквами: Давид Бергельсон. Знакомится и папа с этим человеком. О чём они говорили, никто не знает.

И вдруг, как обухом по голове, неожиданное решение: на родину мы не поедём! Нельзя! Но почему? Мы не понимаем.* Через неделю ночёвки на холодном полу дежурный по станции помогает погрузиться в вагон. В нашем цыганском таборе восемь душ. Грудных детей впихивают через окно, а взрослые, — с помощью кондуктора и знакомого (за хороший бакшиш) дежурного жандарма-милиционера, по головам, — пробиваются через тамбур.

Что удивляться? Тогда форма милиционеров была копией формы царских жандармов. Так что взятки жандармов-полицейских, идущие из глубины веков, — генетическая предрасположенность советских и нынешних ментов. Ментальность, мент, момент или менталитет? Литет мента и вора! Эквилибристика, однако!

* Лишь много позже мы узнаем, что наш папа категорически не хотел идти в колхоз, а возвращение в родное село могло обернуться несчастьем для всей семьи.

И всё-таки папа рискованный человек. Семья в составе восьми человек, из них только трое трудоспособных, двое грудничков и двое школьного возраста (первый и третий класс), предварительно побывав в нескольких сёлах Купинского и Карасукского районов, осенью приехала в деревню Петрухино Баганского района Новосибирской области.

Подгоняла осенняя погода, надо было браться за любую работу, на любых условиях. И несмотря на то, что было уже 23 сентября, а мы никакого огорода не сажали, урожая не собирали, живности завести не успели, нас всё-таки обложили натуральным налогом.

В обязательном порядке надо было сдать: 6 килограммов шерсти, 100 кг картошки, 40 кг мяса, 100 штук яиц. Вспомнив через двадцать лет отчаянное положение нашей семьи, я написал: «А когда мы этот налог последними деньгами, что оставались от продажи коровы, выплатили (о чём папа потом сильно пожалел), то нам преподнесли ещё и денежный налог в сумме 1500 рублей.

Этот поражающий нас смертельный удар совпал с денежной реформой 14 декабря 1947 года. Деньги в десять раз вздорожали, а семья работала только за еду. Денег у колхозников нет. Нет их и у нас. Над семьёй нависли грабли налоговых подзаконных актов и постановлений, а в конечном итоге, — топор советского правосудия. Не можешь заплатить грабительский налог — пожалуйста, садись в лагерь, трудись даром...

На Сахалин

У новой родины посулы сладкие, а привкус — горький.
Пословица

Наш папа, беззаветный труженик, до того не любил колхозный труд, что пошёл на крайность — завербовался на только что освобождённый от японцев Сахалин (вот где пригодилась личная свобода!), получил от прожжённого вербовщика «подъёмные», за гроши деревенским жителям продал всё с себя, с нас, рассчитался с налогом. Под пронизывающим степным ветром (в сорокаградусный мороз) погрузились мы на станции Баган Новосибирской области в обледеневший телятник и поехали через всю Сибирь-матушку на Сахалин.

Едем холодные и голодные по обледенелой голодной стране. Завтракаем, обедаем и ужинаем кружкой кипятка да куском чёрного хлеба, часто мороженого. Конечно, все от сквозняков быстро простыли, а всё лечение — горячий кипяток. Ещё перед отъездом схоронили маленького брата Гену, по дороге (в Хабаровске) сестру Любу, во Владивостоке и я с отцом попаду в больницу.

Чтобы добраться до места, кое-как подлечимся и поедем дальше, к месту назначения-вербовки. Я в адрес вербовщика сказал: «прожжённый», так и получилось, обманул. На Сахалине ничегошеньки мы не получили. Ни второй половины обещанной денежной суммы, ни трофейной материи, ни обуви, ни одежды.

А из бумажного посула штаны не сошьёшь. В пустых картонных домишках японцев, депортированных в Японию, для нас уже ничегошеньки не осталось, разве что битая фарфоровая посуда, поломанные диковинные топоры да одноручковые пилы. Всё давно подобрали первоприезжие переселенцы, а ещё ранее того — освободители

военные. Несчастные японцы уезжали на родину только с лёгкой ручной кладью. Так что военным не надо было и мародёрствовать, весь скарб оставался в брошенных домах.

Залив Терпения, посёлок Гастелло. В посёлке большой аэродром, на котором базируются три авиационных полка. Рыболовецкий колхоз и аэродром — это вся инфраструктура, больше работать негде. Вербованные — значит, подневольные. Папу определили в рыболовецкую бригаду, посадили на вёсла безмоторного вёсельного кунгаса и послали в море ставными неводами ловить рыбу.

Я с первых дней стал носить в гарнизон и менять у офицерских жён свежую селёдку на миску пшена. И это весь суточный рацион нашей семьи. Ведь денег колхозникам нигде и никогда не платили. Я между делом включился в серьёзную работу. Стал сплавливать по реке брёвна, вытаскивать на берег, пилить на чурки и сугунки, а после с восьмилетним братом по частям, катком доставлять к дому. Попутно стали с матушкой готовить себе участок земли, а после посадки огорода она отведёт меня к местному богачу Рогову, и я стану пасти двух его коров.

Но... я повторно переболею сильной формой малярии. А вылечит меня стоящая одной ногой в могиле мама. После очередного жестокого приступа она с трудом уговорит, умолит меня выпить мою собственную мочу. И, о чудо! Я тут же пойду на поправку. Но сама вскоре ляжет в постель и больше не встанет. Уже осенью, 11 октября 1948 года в ненастный, дождливый день на краю света мы спрячем многострадальную матушку в чужую суглинистую землю. А вскоре папа слёг в больницу, где через полгода и умер. Мы с братом стали жить одни.

Разорена семья. Но ведь в таком состоянии и вся страна. Нас у мамы было — тринадцать. Все родились в разных ме-

стах и похоронены также в разных местах. Бабушка — в Кузьминках, дедушка погиб в Васюганском Заболотье. Другой дедушка с бабушкой и вся их многочисленная семья, по слухам, была сплавлена на баржах в необитаемые приобские хляби. А сплавливали несчастных без продовольствия и даже часто без скарба, без необходимого инвентаря и инструмента. Известны всего несколько случаев удачных побегов из ссылки. Это побег семьи поэта Александра Твардовского да зимний побег отважной женщины Ксении Керсновской, автора трагической «Наскальной живописи».

Только представьте, в сибирской тайге — без пил и топоров! В летний период иногда в одной рубашке и в тапочках на босую ногу. Определённо — на смерть. Там навечно и осталась лучшая часть трудовой России, чудом уцелели и вернулись к созидательному труду — единицы.

Для ледовых просторов северной тундры совсем не нужны газовые камеры и крематории, подобные Освенциму и Дахау. Эта роль отводилась волкам и песцам зимой, а летом их дополняли прожорливые комары.

А где были рабочие командировки, там невозбранно свирепствовала палочная и пайковая дисциплина. Тайга была валютным цехом страны. Невыход на работу расценивался как саботаж со всеми вытекающими из этого последствиями. Вплоть до раскрутки на второй срок, а чтобы люди реально боялись этих угроз, то такие дела регулярно и штамповались. Не было пощады даже больным и немощным.

Поселенец получал лагерный срок. Согласно внутриведомственному циркуляру, его приписывали к этой же командировке, и он становился ещё более бесправным, уже зависимым от прихоти и произвола конвоя. Беспощадные коменданты и оперуполномоченные неотступно требовали ежедневную норму выработки. Нет нормы — нет тебе и хлебной пайки. Даже мизерной.

Сразу же после смерти матушки заболел папа, сёстры, одна за другой, вышли замуж. Одна — за пьяницу офицера, другая — за пьяницу сержанта. В истерзанной многолетними репрессиями и страшной войной стране, кроме увечных, контуженных и калек с подорванной психикой да горьких пьяниц, — других женихов не было. Таков, к сожалению, генетический фундамент нашей многострадальной страны.*

Мы с братом от государства пенсии никакой не получили. Ни копейки. Сёстры законов не знали и, как видно, были заняты только своими семьями. К нам с братом приходили редко, приносили килограмм-другой пшена, изредка булку хлеба — и всё. Не интересовались и моей учёбой, что мне, глупому, было на руку.

На весь посёлок только на нашем дворе были заготовлены дрова. Мы думали, что этого запаса хватит года на два, но к Новому году они все «улетучились», и, как видно, не только через нашу печную трубу. Алчные соседи двух малолетних сирот не боялись, огромная поленница дров катастрофически растаяла. С января 1949 года пришлось из старых солдатских лыж и досок сделать санки и регулярно ездить в лес по дрова, а после леса, голодному и мокрому, мне было не до школы. И это был конец всей моей школьной учёбы.

* Вот почему коммунисты более семидесяти лет скрывали от народа книгу всемирно известного социолога Питирима Сорокина «Современное состояние России», написанную ещё в 1920 году, в которой было сказано о печальном будущем российского генофонда. Война, террор и репрессии унесут лучшую часть населения, выживут трусы и хлюпики, а ловкие циники — на долгие годы и десятилетия станут эталоном для подражания подрастающего поколения...

Однако, зная мои способности, что я никогда не делал домашних заданий, а уроки отвечал на 4 и 5, учителя в мае месяце прислали посылного и пригласили на экзамены. Идти в школу было не в чем.

Пришлось надеть папины галифе и папины же 43 размера ботинки, а моя нога в то время была 37 размера, рост — всего 158 сантиметров. Идти в такой сбруе было стыдно, от голода кружилась голова. Но все четыре экзамена я сдал на 4 и 5.

Получается, что без пропусков я закончил только второй класс, в третьем классе учился только в третьей четверти, а в четвёртом учился только в первом полугодии.

Сёстрам было в ту пору по двадцать одному и двадцать два года. Каждой надо было создавать свои семьи, а за ними такое приданное. Старшая берёт меня к себе, а младшая сестра — восьмилетнего Витю. С горечью понимаю, мы — нахлебники.

Осенью 1949 года с багажом в четыре класса я поступлю в городе Долинск в РУ-2. А чтобы я мог поступить туда, мне сёстры справили фальшивые метрики: в сельсовете за магарыч приписали два года и отдали в ремесленное училище, а вскоре сдали в детдом брата.

С детства во мне было два начала — бесшабашная смелость и уничижительная стеснительность, которая во мне не изжита и по сей день.

А какой я был «пробивной», говорит такой факт: 31 августа сдали экзамены в РУ, я зачислен в училище. Но не готово общежитие, и нас всех отправляют домой. Занятия должны начаться 1 октября. Всей массой в сто с лишним гавриков, конечно же, без билетов, садимся в пассажирский поезд Корсаков-Победино. Проехали ровно одну остановку, в вагоне появляется человек в железнодорожной форме. Раздаётся резкая команда:

— Всем зайцам немедленно покинуть вагон!

И я, уличённый заяц, стораю от стыда, выхожу из вагона. Ту-ту! И поезд ушёл.

Оглянулся — один, как перст, больше никто из вагонов не вышел. И я пошёл по шпалам на север Сахалина домой, где меня никто не ждал. И так четверо суток, ночуя в тамбурах холодных станций, на лесоскладах, зарываясь в древесную кору, которая чуток спасала от холода, но не от дождя... Моя шинель набухла, тяжёлая, как мешок, а бросить нельзя. Она за день высохнуть не успевала, да и ночную росу притягивала, как магнит. По ночам холодно. Сентябрь.

Для курьёза добавлю, станция эта называлась — Ай. Много станций носили фамилии погибших бойцов-освободителей: Марково, Матросово, Леонидово, Фирсово, Смирново, Кошевой, Буюклы, а эта злосчастная станция — Ай. И всё. Четверо суток — голодный.

СОЛНЦЕ В МЕШКЕ

*Страна мечтателей, страна учёных.
Слова советской песни*

*Платон написал «Государство»,
а Андрей Платонов — «Котлован».*

1949 — юбилейный год. Вождю и учителю всего передового человечества исполняется семьдесят лет. Система на подъёме. По второму, десятому кругу идут репрессии, великую страну зарывают в котлован. Повсюду величественные портреты генералиссимуса, красочные плакаты и стенды.

В числе других мечтателей попадаю в первый вольный набор, ещё год назад в школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища брали по призыву. Приходит повестка, — не отвертись. За всякую попытку улизнуть от набора беспощадно судили. Правда, давали всего четыре месяца исправительно-трудовых лагерей, но ты для закона навсегда оставался клеймённым. И это в четырнадцать лет! В училище кормят гнилой мороженой картошкой и гречневой мулькой, называемой кашей. Я это есть не могу. И каждый раз свою порцию «каши» меняю на чай. Не учёба, а мука. Мне тринадцать лет, а в группе некоторым оболтусам по восемнадцать–девятнадцать, многие норовят обидеть. Самое распространённое издевательство над маленькими — мытьё полов в комнатах «старичков»*.

Тут-то, по-видимому, и произошло становление моего характера. За весь первый год обучения я ни разу не помыл в чужой комнате пола.

* Старички — ученики второго года обучения в РУ. Предтеча дощины.

Сколько бы меня ни шпыняли, сколько бы ни давали пинков и подзатыльников, — я всё равно мыть пол не приступал. И вскоре от меня отступились. Интуитивно, но я в такой обстановке нашёл правильное поведение.

А некоторым ученикам и по тридцать лет! Почему? А после войны в ходу были такие «документы»-справки. И всем всё сходило за чистую монету.

Кирзовые ботинки мне дали 43 размера, шинель мою скоро украли, а за ней — «парадные» брюки, рубашку и носки. В училище процветала картёжная игра, в голодной и оборванной России на базаре продавались даже тряпки, а куклы-отрезы были любимым развлечением и средством добычи денег различных чистоделов. Вот на базар и ушла моя амуниция.

Почти всю зиму отходил в газетных портянках. Чтобы не обижали старички, пришлось записаться в секцию бокса. Ещё в восьмилетнем возрасте на левой руке у меня в трёх местах был сломан указательный палец. Поэтому успехов в боксе не было, к тому же в первых боях мне сломали переносицу. Но после нескольких тренировок я стал смелым и решительным, научился не бояться ударов и не отступать, в критической ситуации мог постоять за себя.

Но, пристрастившись к шахматам, бокс вскоре забросил. Чтобы хоть в чём-то быть первым, стал играть по сорок партий в день. В конце учёбы без всяких книг и учебников, просто на глазок у меня уже был второй разряд по шахматам. Но не бросаю и чтение, почти все вечера просиживаю в библиотеке. Но книг в библиотеке мало, поэтому пристрастился к чтению газет и журналов.

В училище наша электрическая практика начиналась с лопаты, кирки и ломика. То есть «отсюда и до конца» копали траншеи под кабель, дальше по технологии: таскали песок для подушки-подстилки, укладывали кабель, снова

песок, для защиты кабеля — кирпич, а затем лопатами — землю. На всю длину трассы песок и кирпич разносим носилками. При этом мастер говорит нам:

— Ребята, помните, вы строите коммунизм!

Но при построении прожорливой криминальной вертикали с благословения правящего тандема в лихие нулевые у меня, как и многих миллионов совков — самым вероломным образом! — двухлетний трудовой стаж отобрали. А с учётом сахалинского полуторного, то — целых три года! А с учётом северных и армейской службы — отобрали полных девять лет. Напрочь отбросив правовой постулат: «закон обратный силы не имеет», — путинско-зурабовский пенсионный закон каторжный труд тринадцати–пятнадцатилетних подростков приравнял к университетскому образованию!

И как лукаво объясняют: из нашего кармана — в свой! — для нашей пользы!

Так в очередной раз ушлые реформаторы прокрутили нам солнце в мешке.

На меня собеседники часто обижаются за слова:

— Мы построили коммунизм для коммунистов.

И когда начинают приводить контрдоводы, мол, мои родители были честными коммунистами! И... ничего не поимели от общественного пирога. Я отвечаю:

— Мы все, ваши родители, в том числе и мы с вами, — совки. А они, коммунисты, — поимели! Поэтому они, как и было задумано Вождями (в силу революционных исторических законов), только для себя, своих детей и внуков построили коммунизм и живут при коммунизме!

Коммунизм — это цивилизованное рабство, только в красивой упаковке!

На летней практике 1951 года я побывал на Северном Сахалине. Электрифицировали посёлки Арги, Паги, Ульбы, Альбы, колхоз «Чирвунд».

У японцев-«хищников»* на Южном Сахалине давно были построены шахты, через горные хребты пробиты тоннели, построены железные дороги, электростанции, электрические линии передач, восемь целлюлозно-бумажных комбинатов, все причалы, порты, плотины, мосты и дороги были в идеальном состоянии. Освещались даже улицы посёлков. А на северной советской половине Сахалина — кромешная темень и бездорожье. Нами, пацанами, ставились допотопные, дровяные (мощностью 50–60 квт) паровые локомобили. Мы копали ямы, ставили столбы, натягивали провода, в избах проводили проводку, ставили электросчётчики и всё остальное. Там впервые в жизни увижу десятки и десятки лагерей. Чтобы соединить Сахалин с материком, ээки строили железную дорогу и тоннель под Татарским проливом. Сколько погибло людей при авариях в тоннеле, где было больше лагерей, на Тайшетско-Братской трассе или на Сахалине, — судить не берусь.

В августе 1951 года я в качестве электромонтёра четвёртого разряда поступил на Поронайский целлюлозно-бумажный комбинат. С документами по-прежнему хаос. А раз нет у нас паспортов, почему бы ни воспользоваться этой неразберихой? Чтобы допустили к самостоятельной работе, в отделе кадров пришлось сказать, что мне полных семнадцать лет. Поскольку все электрики цеха находились в трёхгодичном отпуске, меня, безо всякой проверки и без

* Когда мы приехали на Сахалин, все коммуникации: дороги, мосты, заводы, водонасосные станции и плотины были исправными. Работали все фабрики и заводы. Мосты и железная дорога были в безупречном состоянии. А в 1991 году всё побережье Залива Терпения выглядело страшным, безжизненным лунным пейзажем. От горизонта до горизонта всё было завалено выброшенным штурмовым морем лесом от разбитых «плотов-сигар» — действительно хищническим и затратным способом транспортировки леса буксирными судами по морю. Малый фрагмент такой волны иллюстрирует кинофильм «Холодное лето 1953 года».

стажировки, в тот же день энергетик Юрий Николаевич Зефиров назначил в ночную смену. Через пятое на десятое рассказал и показал мне оборудование, объяснил, как запускать мотор с фазовым ротором, а сам пошёл домой. А в цеху высоковольтное японское оборудование – напряжение 3300 вольт. Как я справился? Уму непостижимо, но справился. Но мне и по сей день по несколько раз в году снится кошмар этой первой смены, как я один за другим запускаю в работу десятков высоковольтных моторов.

В сентябре, после сильного наводнения, река изменила русло, бумажный комбинат оказался без воды. Посылают на восстановительные работы. Меня назначают бригадиром по сбору камня для забутовки плотины. Но никто не знает моего возраста, а главный энергетик комбината Рыжановский каждую утреннюю планёрку начинает с информации о работе нашей бригады. Вскоре в нашем цехе появился электрик Виктор Красовский, боксёр, велосипедист, лыжник, самодеятельный певец и... циничный прогульщик. Оказывается, он родной племянник маршала авиации Красовского. С Виктором я буду жить в одной комнате почти целый год. Его родная мать оказалась соседкой моей сестры Вали в посёлке Гастелло. У Красовского был велосипед, пришлось и мне покупать велосипед. Я с азартом, наперегонки гоняю по посёлку, часто мелькают две девушки на велосипедах. Но я, шахматист, ежемесячно в своём цехе провожу турниры, играю на первенство комбината и города, по утрам бегаю купаться на речку, видимо, примелькался девчонкам. Мне всего шестнадцать лет, на танцы ещё не хожу и я не обращаю на них внимания.

Азартный начальник цеха Морозов регулярно проигрывает мне в шахматы. Свои поражения объясняет нервной обстановкой на работе и вскоре приглашает к себе домой отыгаться. Там-то и встречаю девушку-велосипедистку, его дочь, которая очень любезна со мной. Меня же кроме

шахмат ничего не интересует, правда, меня интересует другая велосипедистка. Остроглазая, кудрявая девушка. Это дочь главного энергетика комбината Рыжановского, но, оказывается, я не интересен ей. Мной интересуются зрелые женщины, вдовы-солдатки, но я (из-за голодного детства) сильно отстаю в половом развитии, интересуюсь только книгами и шахматами. На весь 1952 год выписал журнал «Шахматы в СССР», решаю задачи, быстро прогрессирую в игре, разыгрываю партии только что закончившегося (1951 г.) матча Ботвинник – Бронштейн.

В апреле 1953 года на моих глазах по Сахалину прокатилась невиданная волна-цунами амнистированных заключённых, их патологический инстинкт захлестнул все мелкие железнодорожные станции. Мечтая прийти к власти, Берия задумал дестабилизировать общество. На спровоцированный (запрограммированный?) беспредел вчерашних строителей коммунизма, умышленно выпущенных на волю, власти ответили правовым и судебным беспределом. Ни о каком правосудии речи быть не могло. За малейший чох, угрозу, циничный жест или мат в общественном месте вольноотпущенникам немедленно давали по пять лет. Через месяц-другой более половины их снова загнали за колючку, а ещё через полгода почти все отпущенники снова сидели в зверинцах.

В этом же году я выполнил норму первого разряда по шахматам. Но вскоре вместе с подгнившим электрическим столбом упал на землю. И получил серьёзное сотрясение мозга. Врач, зная, что я хороший шахматист, посоветовал с полгода не играть в шахматы. Я послушался и не играл в турнирах семнадцать лет, практически навсегда расстался с шахматами. Золотое время становления мастерства навсегда было упущено.*

* Не знаю, если бы я стал шахматистом, сел ли бы я писать эту книгу?

ШЛЕЯ ПОД ХВОСТ?!

Разум существовал всегда, только не всегда в разумной форме.

Карл Маркс

Н и разу не помню, кого бы я видел на работе или в общежитии с книгой в руках. Круглогодичной отдушиной рабочего люда в будние дни было кино, а в выходные танцы. Во все остальные дни недели карты и водка были единственными нашими развлечениями. Никаких спортивных секций на комбинате не существовало. Правда, были лыжные соревнования, да и то в рамках ГТО («Готов к труду и обороне»). Вместо пива во всех ларьках для счастливых строителей коммунизма продавали на разлив спирт и белесовато-мутную жидкость — брагу.

Ныне модное увлечение — подлёдная рыбалка в то время, из-за шпиономании, возможного побега за границу, повсеместно была под запретом. То же самое можно сказать и про летнюю рыбалку. Официальные шахматные турниры были редкостью.

Поэтому картёжная игра затянула и меня. Почти два года из месяца в месяц я проигрывал свою зарплату. Иногда не успев после получки зайти в столовую и хоть раз в месяц поесть горячего. Всё до последней копейки переходило в карман опытных игроков. Дело принимало дурной оборот. Однажды я два дня не отходил от игорного стола. За мной приходили с работы, искали, но я упорно продолжал играть. А игры были суровыми — до последней тряпки. До последних штанов, последних трусов... Пройдя по краю бездны, в апреле 1953 года я нашёл в себе силы бросить пагубную страсть, по счастью, навсегда.

Но в то же самое время я много читал, на равных общался с взрослыми и, видно, кое в чём уже разбирался, иначе

трудно понять мой следующий поступок, повергший весь рабочий коллектив в изумление и недоумение. Я неоднократно видел, как многие работяги, кивая в мою сторону, спрашивали один другого: «Этот? — Этот! — Да ты, что! И чем дело кончилось? — А ничем! — Поди, ж ты! Никогда бы и не подумал... Ну и ну!..» Что же произошло?

18 марта 1954 года. На главных зданиях рабочего посёлка красочные плакаты. Выборы в Верховный Совет РСФСР день в день совпали с ежегодным праздником Парижской коммуны.

Первая выходка: написание прогульщиком Сашкой Степановым под мою диктовку объяснительной записки, навечно запечатлевшей невиданные по дерзости, а по сути ёрнические слова: «Отвечая на призыв партии и советского правительства „Все на выборы!“, я решил этот всенародный праздник отметить в семейном кругу, где, не рассчитав сил, бесконтрольно выпил, после чего уснул. Таким образом, проспал и не смог прийти на работу».

Результат этого гроссмейстерского хода, всем на удивление, был ошеломляющим. Несколько дней надо мной и Сашкой Степановым подтрунивали:

— Сушите, земляки, сухари, всё равно заметут! — подначивает один.

Словно сговорившись, давит на уши другой:

— Вологодский конвой привет передаёт!

Третий выносит свой вердикт:

— Попомните, козамёты, вам эта хохма даром не пройдёт!.. Контора пишет!..

Любой перекур, трёп в электрощитовой или в курилке начинался с нашей объяснительной. Зубоскалили и фантазировали кто во что горазд. Но... прошла неделя, другая, месяц-второй, полгода. Прошёл ровно год и — тишина!

А на самом-то деле, всё просто: «Ус» только что дал дуба, через три месяца разоблачили соратника, а затем

и расстреляли маршала Лаврентия Берия, а ещё через полгода – шестерых его подельников-генералов. Судили и дали срока ретивым палачам меньшего ранга. Хотя и временно, но рабский хомут ослаб, стукачи присмирели, звериная лапа коммунизма чуток прибрала свои когти. Попали под следствие десятки других сатрапов. Некоторые отделались многостраничными объяснительными в органы партконтроля.* Партийная номенклатура ещё до конца не определила свою линию поведения.

Один за другим бунтуют или тянут волюнку в лагерях «строители коммунизма». Однако объяснительных, подобно нашей,** начальство ещё никогда не читало, ни до, ни после. И начальство... промолчало. Многолетний закоренелый прогульщик, у которого было свыше десятка различных наказаний, на этот раз никак не был наказан.

Вот что значит публичное признание своей любви к родной партии и советскому правительству! Заслуженная индульгенция. Всегда держи нос по ветру. И ни один дворовый пёс, ни одна шавка не только тебя не укусит, но даже и не тявкнет, если ты сам будешь членом стаи. Пусть даже только на словах, номинально. Я понял это ещё с ранней юности, но никогда не был членом стаи, оттого-то и нажил себе много врагов, бед и несчастий. Но статью подпевалой партийным хмырям я так и не смог. Хотя был такой обнадёживающий результат – хвалить хвалёное.

* Мне в конце 80-х довелось читать копии объяснительных записок (в ЦК КПСС по поводу репрессий) бывшего первого секретаря Тернейского райкома партии Толстикова. Я был знаком с его сыном и очень хорошо знаком с его внучкой.

** Правда, всё зависело от того, в чьи руки попала бы эта объяснительная, которую легко можно было принять за выпад против советской власти. И дело повернуть на 58-ю статью.

1955 год. пароход «Ильмень»

Торговый флот Дальневосточного бассейна 50-х годов сплошь состоял из непросыхающих в рейсах капитанов и хронических бухариков в конторах. Недавнее Карафутто заселяли приезжим людом, которому не находилось места на родине.

Дмитрий Старцев

После ремесленного училища, вместо трёх лет отработав лишних почти полгода, в январе 1955 года подался в моряки. Вакантной должности электрика не нашлось, пошёл кочегаром второго класса на пароход «Ильмень» Сахалинского пароходства. Пароход — почти лапоть, построен в Осло в 1918 году. Давление (марка) пара в котлах всего двенадцать атмосфер, парадный ход — одиннадцать узлов. Но были и того похлеще, которым перевалило за полвека. На одном из таких лайнеров «Охте» (несчастные говорили: «Ох, ты!..») — мне пришлось сделать из Находки в Холмск на Сахалине один рейс, парадный ход — пять узлов. Современный моряк, если будет читать эти строки, вряд ли поверит моим словам, но это — истинная правда. Температура в кочегарке этого лаптя достигала семидесяти градусов, и притопали мы в Холмск только через четверо суток, а на такой жаре я потерял пять килограммов веса. Старые кочерёжки говорили, что ещё более ужасной каторгой был «Серго Орджоникидзе».

После планового ремонта на плавбазе «Карл Либкнехт» 29 апреля наспех цементируем питьевые танки, а тридцатого нас насильно выталкивают в рейс. За бортом остаются манящие огни Золотого Рога. С генеральным грузом на борту делаем два рейса подряд на Курильские острова, мне пришлось побывать почти на всех основных островах. Разгрузка, погрузка, встреча с китобоями.

Нашему судну китобои презентовали дары моря. Но есть китовое мясо, и даже деликатесные плавники я не смог*. Многократно видел и живых китов, стаи косаток и дельфинов. За навигацию четыре раза подряд побывал в знаменитом порту Ванино; кроме того, в Шахтёрске, Бошнякове, Углегорске и даже в Советской Гавани, бывшей Императорской. Сказывается голодное детство, для своих девятнадцати лет я выгляжу заморышем, во мне всего шестьдесят девять килограммов. Я с трудом справляюсь со своими обязанностями: тяжёлым четырёхметровым ломиком и четырёхметровым железным скребком для чистки поддувала топок и семидесятикилограммовым железным ведром для выгрузки шлака из котельных топок. Что я прилично играю в шахматы, никто на судне не знает, ничем другим не отличаюсь, отношение ко мне как к обычному салаге, салапету, козамёту, рогамёту.

И вот объявление по судовой трансляции: проводится подписка на государственный заём. И тут мне «попадает шлея под хвост», я отказываюсь подписываться. Один на всё судно. Как когда-то в ремесленном училище, вопреки заведённым порядкам, я всегда отказывался мыть полы в комнатах «старичков», так и на пароходе отказался от подписки. Впервые в истории пароходства! Кто-то из «солдат», видимо, подначивая, дует мне в уши: «Да не гони! Подпишись, как миленький, никуда не денешься!...»

В те годы в пароходстве «солдатами» называли всех матросов и кочегаров, отслуживших в армии и пришедших на море, чтобы заработать себе на штаны, а потом уже в цивильном ехать домой. Над ними часто, иногда

* Забегая вперёд, скажу, что за всю свою жизнь я не попробовал мяса верблюда, кита, собаки, кролика, зайца, медведя. Хотя, что и скрывать, по неделе бывал в невыносимых условиях, на грани самого сурового голода.

жёстко подшучивали. Они, зная свою профессиональную неполноценность, борясь за место под солнцем, вели себя соответственно. И вдруг салага задаёт тон поведения. Для всего экипажа это — немыслимая дерзость. Вызывают в кают-компанию, где проводилась подписка. Раз, другой, третий, а я: «нет» и «нет». Все удивлены и вроде бы отстали. В 20:00 выхожу на вахту, не успев приступить к своим обязанностям, из уст механика слышу: «Егоров! Срочно на мостик к капитану!»

Поднимаюсь на мостик, а там помимо вахтенного штурмана и рулевого матроса — собственной персоной представительный и основательно начитанный капитан Новожилов. Тот сразу берёт быка за рога. Агитирует меня, грешного, обязательно подписаться на заём, не позорить коллектив судна и т.д. и т.п.

Правда, дискуссия идёт без ора и крика, мы с капитаном как-то беседовали о мореплавателе Василии Головине, о его двадцатishестимесячном плене в заливе Измена. Он, на мой взгляд, рафинированный интеллигент, догадывается, что ему попался необычный фрукт, который сумел в разговоре о мореплавателе отстаивать свою позицию и даже кое-что в чём его поправить.

Бодание идёт час, другой, третий. Внимательно, не перебивая, слушаю его доводы, выдвигаю свои, напоминаю о том, что идёт моя вахта, я обязан помогать своим напарникам, кочегарам первого класса, нести вахту, что им трудно без меня. Капитан не слышит, гнёт свою линию, я — свою: зарплата маленькая (оклад кочегара второго класса 865 рублей), денег у меня лишних нет, более того, даже не хватает. И сколько я ни порывался уйти из рубки, он так и не отпустил меня до конца вахты.

Какой бы ни был я зелёный, но мне почудилось в капитане некоторое уважение к несчастному кочерёжке за невиданную твёрдость характера. На что он рассчитывал,

все четыре часа продержав меня в рубке? Скорей всего, на то, что я испугаюсь «солдат», вчерашних колхозников, с детства безропотно мантуливших в своих колхозах бесплатно.* Дескать, кто-то четыре часа, показывая характер, прохлаждался на мостике с капитаном, а кто-то за него пахал. И что более взрослые и физически сильные кочегары основательно «проучат» кочегара-салагу лопатами. Я не испугался.

Ничего такого не произошло. Более того, выполнявший мои обязанности солдат Лёшка Александров, приклатнённый колхозник, до этого относившейся ко мне свысока, часто понукавший матюгами, сделал вид, что не заметил моего отсутствия на вахте, великодушно промолчал. А второй напарник, бич из бичей Генка Очередько, даже коротко похвалил: «Молодец!»

А на другой день судовая радистка сказала: «Отказ подписаться на заём — это не только на весь Дальний Восток, но и вообще первый случай на море!»

В сентябре меня призовут в армию и через порт Корсаково на пароходе «Кулу» бесплатно увезут на Камчатку. В 1963 (по совпадению, в мрачном трюме «Кулу») меня опять бесплатно, через море Беринга, Охотское и Японское повезут в Сибирь строить коммунизм, и в шестой раз проеду поездом мимо славного моря Байкала.

К слову сказать, за свою короткую одиссею я купался в Беринговом, Охотском, Японском, Белом, Чёрном море, Аральском и Байкале.

* Сколько платили в колхозах — свидетельствуют дневники поэта Александра Яшина: 50–70 рублей за год. В ценах 1947–1961 гг. То есть — в ценах 1961–1991 гг. — всего 5–7 рублей! Знают ли о таких заработках адвокаты колхозного счастья? Не хотят знать. Всегда приводят примеры хороших заработков комбайнёров. А мы говорим о заработках рядовых колхозников.

армия. 1955–1957

Nuda veritas — голая истина.

Гораций

Пролитое — всегда больше капли.

Пословица

Служа в армии, отказываюсь носить лычки. После учёбки я зачислен на должность химика-разведчика, чуть позже — химика-инструктора и химического мастера. По всем нормативам боевой подготовки у меня — абсолютно лучшие показатели. Например, при нормативе семь противогаз надеваю за три секунды.

Офицеры посмелее любят со мной беседовать на щекотливые темы нашей истории, иногда опускаются до того, что соглашаются послушать мою политинформацию. Правда, всё это не в официальной обстановке, а на привалах полевых учений, в палатке, или на плановых стрельбах, некоторые приглашают к себе домой на чай. А командир батареи лейтенант Польшиванный даже рассказывает о своих любовных похождениях, победах и поражениях. Он был очень неординарным человеком. В звании лейтенанта командовал батареей, а командирами взводов у него были даже капитаны. Комсорг дивизии капитан Бунаков после службы за границей переведён на Камчатку. Начитанный офицер, повидавший покорённую Европу, пропитанный относительным душком свободы, приглашает к себе домой, показывает невиданные книги, рассказывает о писателях Зайцеве, Шмелёве, Чирикове, Романове, Бабеле.

Развязались языки, все охотно говорят о XX съезде КПСС, о культе личности Сталина, о его соратнике и подручном Лаврентии Берия. Желаящим послушать

охотно рассказываю о личном впечатлении дня смерти Сталина, и что я когда-то услышал по радио... Хотя сам никогда в жизни больше не слушал «Голос Америки». Принял для себя правило: довольствоваться малым. К этому времени я научился читать советские газеты между строк, а самую лживую газету мира и вовсе не брать в руки. Чужим умом не живу.

Ещё в 1946 году я записался в библиотеку, с жадностью читаю всё, что попадает в поле зрения. С тех пор книга заменила мне всё образование. Моё информационное поле: газета «За рубежом» и журнал «Новое время». Там при внимательном чтении можно было найти толику правды.

Моя должность сержантская. В нашей батарее много грамотных солдат и сержантов, многие со среднетехническим образованием, а двое с высшим. Но я всех обыгрываю в шахматы. А служу-то я в артиллерийском полку, где априори хорошо поставлена учёба личного состава, и почти все офицеры с хорошей теоретической подготовкой. Мои товарищи — топографы, вычислители, дальномержики — прилично знакомы с математикой.

Слух о солдате шахматисте доходит до штаба полка, приходят офицеры-штабисты проверить мою силу, я ни одному из них не проиграл. И они, уязвлённые, перестали со мной играть.

Начальство, догадываясь о моём характере, даёт только ефрейторскую лычку. Нашивать её я не стал. Уговоры командира ББУ (батареи боевого управления) лейтенанта Польшванного и командира взвода старшего лейтенанта Власова, начальника химической службы полка капитана Церковникова на меня не действуют. Не действуют и две посадки на гауптвахту (на пять и вторично на десять суток). Упорно несколько месяцев лычку не нашиваю, и нашью только после угрозы майора Фикселя оформить меня в дисциплинарный батальон.

Моя каптёрка с химическим имуществом в ста шагах от полкового клуба, в котором находится библиотека, а в ней сотни ещё не прочитанных мной книг. Расстаться с книгами не могу, в дисбат не хочу. Много читаю — от академического издания десятитомника Пушкина до двадцатичетырёхтомного Бальзака, Цвейга, Бунина. А также Генри Лонгфелло, Есенина, Бальмонта и Северянина, — правда, в рукописной тетради, которую прислали в посылке моему приятелю, харьковчанину Юрке Пруткову. Не из боязни дисбата, а из боязни потерять свободу выбора книг пришлось нашить лычку.

Вскоре принимаю участие в корпусных учениях. По сценарию в назначенный час на Халактырском пляже взрывают ядерный заряд. Но... подвели метеорологи, внезапно ветер переменяет направление, подул прямо на расположение наших частей. Весь армейский корпус садится на колёса и бежит, минуя Петропавловск, в сторону Елизава и дальше до посёлков Коряки и Ключи. Наконец панику пресекли. Химики разворачивают машины АДМ-48 и АРС-12, срочно, не покладая рук, дегазируем всю технику: машины, орудия, миномёты, радиостанции, и только после этих работ — людей. Сколько пострадало людей от этих учений и как — не знаю. Не оттого ли в старости пришлось обзавестись тростью, что хлебнул свою дозу радиации, занятий борьбой? Или сказалось счастливое детство? Кто знает.

Вскоре наш гаубичный артиллерийский полк выводят за штат, кадрируют, оставляют только офицеров, а солдат переводят на Кольский полуостров. По дороге успеваю искупаться в холодном Байкале и догнать свой состав, но несколько солдат отстанут от эшелона, а потом за эту вольность попадут в дисбат.

Это было драконовское время маршала Жукова, с его приказами: «По территории части ходить только строевым шагом или бегом». И что-то ещё в таком же духе.

Повторюсь, по всем нормативным показателям я первый. Предлагают остаться на сверхсрочную службу, что было в то время мечтой многих колхозников, желающих освободиться от колхозного ярма.

Отказываюсь. Почему?

Раз представился случай, помня о странствиях Горького, хочу посмотреть Россию, проехать по стране от края и до края. От Кандалакши до Петропавловска-Камчатского. И написать об этом.

Наивный. Не понимаю, что писательское ремесло сродни сучьему поведению. Что писателей селекционирует и рекрутирует Система. Если чувствуют, что свой, то Контора даёт добро, часто направляют на учёбу в единственный в мире литературный институт.*

Дескать, этому малому можно приоткрыть щёлочку, шлагбаум. Счастливый неофит становится кандидатом в писатели, но должен соблюдать правила стаи: семинары, диспуты, доклады, обкатка и проверка на лояльность заветам КПСС и ленинизма-сталинизма. Быть готовым оболгать собрата по перу, обелить чёрного кобеля, поддерживать самые бредовые идеи партии и советского правительтва. Твои книги должны быть стерильно чистыми, без ностальгии по русской классической литературе, упоминания писателей эмигрантов, тем более писателей невозвращенцев.

О том, что в стране скоро появятся писатели-деревенщики: Абрамов, Астафьев, Белов, Распутин, Шукшин — не догадываюсь. Парфёновых, Поповкиных, Ивановых,

* Даже в марте 1988 г. во время выставки польских спортивных катеров и яхт во Владивостоке, при попытке передачи моих текстов одному из поляков, я попаду в поле зрения Конторы. Со мной будет проведена беседа, правда, без последствий. Наступал период гласности, великой и окончательной разводки совка.

Марковых мне и на дух не надо. Откуда во мне генетическая брезгливость, не знаю. Но хорошо понимаю, что это не писатели. Запоем читаю Некрасова и Тургенева, Лескова и Чехова, Скитальца и Горького.

Двухтомник Бунина впервые прочту в 1956, а чуть позже «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева и «Рычаги» Александра Яшина, «Ухабы» Владимира Тендрякова.

Выводы в голове отлагались не сразу, по капле. Моё сердце на стороне справедливости. И сам я становлюсь до ужаса языкастым. А остановить, подсказать линию поведения некому. Моя начитанность только вредит.

С великим трудом жду окончание срока службы. За два дня до демобилизации на стрельбах поражаю мишень на оценку отлично. Командир батареи управления капитан Казатин предлагает остаться на сверхсрочную. Отказываюсь. У меня в голове сидит другое...

Подобно Горькому и Скитальцу, посмотреть Россию...
Понять, что с нами происходит.

рыбак. 1957–1959

Добро невозможно без оскорбления зла.
Н. Чернышевский

Истинная свобода — это знание.
Е. Де Роберти

С ранней юности в моей неуёмной голове сидела блажь: раскрыть глаза вождям, как тяжело живётся трудовому народу.

Ещё в 1957 году, подражая Радищеву, помня его «Путешествие из Петербурга в Москву», решил поставить рекорд — проехать от Кольского полуострова до Камчатки. Это в несколько раз больше его «Путешествия из Петербурга в Москву».

Глаза (в добавление к совестливому сердцу и трезвой голове) — почти идеальный инструмент писателя, поэтому специально сходил с поезда, компостировал билет, а после шёл рассматривать город.

Так увидел Киров, где, кстати, в тот год в городском музее проходила выставка китайского прикладного искусства «Сто цветов», увидел древнюю Вологду, бывшую столицу Сибири времён Колчака — Омск. Заходил на скудные рынки, как правило, в пустые магазины. Насмотревшись очередей в бесхлебной стране, как на многих железнодорожных станциях советские люди по четыре дня подряд не могут купить хлеба, был потрясён. О мясе и масле и во все умолчу! В глубинке, включая районные центры, таких продуктов давно не было. Всё явственнее проявлялось «преимущество» колхозного строя.

Приехав в Петропавловск Камчатский, написал об очередях за хлебом... Москва, Кремль. Никите Сергеевичу Хрущёву. Увы! Оказалось — на деревню дедушке. Откуда

мне было знать, что в свободной стране все такие письма проверяются на местном почтамте?

Правда, два раза кряду вызывали меня в обком, присматривались, хвалили за широкий кругозор, патриотизм, неравнодушие к отдельным недостаткам и партийную наблюдательность. Через десять дней повторно состоялась беседа. Бац, предложение: ехать в Соболевский район Камчатки секретарём райкома комсомола!

— Товарищи, — говорю им, — я ведь даже не комсомолец!

— Не может быть!

— Но это правда!

— Вы достойный человек, мы примем вас, садитесь и пишете заявление...

Второй раз в жизни отказываюсь от реальной лычки. Партийной лычки, наверное, даже сержантской. Третий отказ уже в Туркестане — от юбилейной ленинской медали. Поумнел совок. Отказ в Туркестане был тихий, без вызывающей бравады.

В результате сплошных социалистических переуспехов, — что утверждали «Кубанские казаки», «Иван Бровкин на целине», следовательно, целинных успехов партии, — СССР в 1960 г. вынужден был за границей закупить 13 млн тонн зерна.

Не лучше работаем и мы в море. Ловим рыбу, сдать не можем, никто не принимает. Вхолостую жжём солярку, с полными трюмами ходим от одного рыбокомбината к другому — туда-сюда и обратно. Нигде не берут. День-два, и рыба летит за борт. И снова ловим и снова выбрасываем. Иногда по два-три раза кряду. А выбрасываем потому, что сдача одного центнера на тук стоит всего 5 рублей... в пересчёте на сегодняшние цены — 0,005 копеек за килограмм!

Привычные ко всему, капитан, старпом, стармех и третий штурман-комсорг целыми днями и ночами забивают «козла». Частенько из их каюты попахивает спиртным. Заработка нет, и, как результат, кадровая текучка. Поскольку я, как на грех, – председатель судового профсоюзного комитета, сажусь и пишу фельетон.

В мае 1959 года в газете «За высокие уловы» появляется мой первый в жизни материал, фельетон «Козлиный квартет», запечатлевший поведение на судне нашего капитана и его присных.

При очередной бункеровке воды и солярки получаем почту, в том числе газеты. Прочли и ахнули. Оскорблённые лодыри моментально собирают судовое собрание и без проволоочки списывают меня с траулера «Ильичевск».

Хотя 1 мая мне по флоту была объявлена благодарность, а 30 мая, после прочтения газеты, списывают как разгильдяя. Я понимал, что эту несправедливость можно было бы и обжаловать, да махнул рукой.

После рейса в Бристольский залив на камбальную путину на СРТ-300 «Капитан Закхеев», так ничего и не заработав, в октябре 1959 года принимаю решение уйти с моря. За два года сменил четыре судна. Кроме последнего, «Закхеева», это буксир «Ленинградец», старый лапоть – пароход «Константин Рылеев» и СРТ-300 «Ильичевск».

Каждый раз перетаскиваю всё своё достояние – три мешка книг.

Не судьба, – говорю сам себе... и без сожаления схожу на берег..

А это значит – поиск угла, работы, скитание по общагам и съёмным квартирам. Утешал себя пословицей: *не единой горбушей жив человек.*

сто первый

Памяти РТ «Восток», бесследно исчезнувшего на подходе к Авачинской бухте в ночь на 6 ноября 1954 года.

Дважды вздохнула дверь, поочерёдно выдавив в декабрьскую темноту только что отстоявших вахту — старпома Колоротова и рулевого Зарипова.

Всё в порядке. И погода, и настроение, и люди. Размеренная работа машины, вибрация палубы под ногами подобны дыханию огромного и незлобивого животного. Дверь зевнула вторично, наполнив штурманскую рубку плотным, промозглым воздухом.

«Минус десять в Беринговом, как у нас на Чёрном. Плюс десять, — такой же кайф...», — успевает подумать третий штурман Бобак, но, вмешиваясь в его мысли и настроение, из дверной пасти раздаётся голос Зарипова:

— Слышь, Володя? — голос его свободен и счастлив, как может быть счастлив только что переобувшийся в трудной дороге путник, но отстоявший вахту счастлив вдвойне. — Не забудь до конца вахты и передай второму — шлёпать малым ходом.

— Почему? — едва успевает спросить третий.

— Танки, — и дверь смазала из дверного проёма матроса.

Работу двигателя уравнивает бег тягучей волны за бортом. Тишина.

«Лопух, — думает про себя третий, — так и не успел спросить, что с танками».

— Не стали ещё, — как подслушав, подсказывает рулевой.

Третий покосился в его сторону. Стоит, как влит, ноги широко расставлены, руки на штурвале без суеты и лишних движений.

«Но о чём речь. Как не стали, какие танки?» — спрашивать неудобно, отношений ещё никаких, первый рейс, первая вахта. Собственно, как первый пассажир на круизном лайнере... — „Чёрно-е море, бе-елый пароход...“ Интересно, как там сокурсники? Помнится, некоторые успели открыть визы...»

За бортом СРТ-300 «Коряк» волна не больше асфальтной колдобины, встречный ветер два метра в секунду, видимость отличная.

Вахту с двадцати до двадцати четырех часов все моряки мира называют детской.

Мерно стучит двигатель. Малый ход. Молчит рулевой.

— Курс? — вспомнив, спрашивает третий.

— Прежний, — отвечает матрос.

— А точнее? — с тончайшей металлической фольгой в голосе спрашивает третий.

— Сто пятьдесят пять, — с мужским достоинством отвечает матрос, и, подумав, добавляет, — не заблудимся.

— За что бы я хотел у вас спросить, — с подчёркнутым одесским прононсом выговаривает третий, — это у вас первый рейс?

— Первый, — чуть помедлив, отвечает матрос.

— Сразу видно, — довольствуется третий.

— Если ты такой блукатый, — тянет матрос, всматриваясь в темноту, — уступи дорогу во-о-он тому... чертополоху, видишь, а-а? Кого там черти носят? Заблудился или с ведьмой хороводится?

Присмотрелся. Кто-то топал прямо поперек курса «Коряка», но так далеко, чуть ли не у экватора.

Па-а-ни-ку-ет салага, но сказал другое.

— Это не наш знакомый, — с примирением и надеждой хоть что-нибудь узнать про танки.

— Успеешь познакомиться, какие твои годы. Первый рейс, понятно.

— Как я понял, это у вас первый рейс, а нам диплом штурмана не дают, пока не выработаем плавательный ценз. Я почти всё Чёрное море матросом прошёл прежде чем получил диплом. Вот так-то, Пенька.

— Опенько. И запомни хорошенько — это мой первый рейс на вторую сотню. И ещё запомни: рейсы в наших морях — не сутки-другие, как у вас в Лимонии, а в среднем — больше двух месяцев каждый. Видно, не случайно греки, а им, как мореходам, приходится доверять, вашу большую чёрную лужу назвали спонтом.

— Ты хотел сказать: Понтом Эвксинским?

— Я всё называю своими именами. Здесь холодный Восток, а не солнечная Одесса. Понт есть понт. Как говорится, с понтом под зонтом.

«Зря связался, — думает третий, — похоже, что моряк. Такому мозги не засуричишь, кнехт кувалдой осаживать не заставишь».

— Лучше про танки объясни.

— Почему старпома отпустил? У него бы всё и узнал, он дока по части пчёл. Одного не учёл, что со мной на одном корвете встретится. — Помедлил и, хлопнув себя по карманам, добавил. — Танки свежцементированные, им бы сутки дать устояться, окрепнуть. Так нет, не дали, а ты сейчас чуть на скорость нажмёшь или, к примеру, шторм — знай, весь рейс чай будешь пить с цементом. А хоть и забортной водой разводи. Вкус одинаковый. Почти...

«Складно чешет, как „Отче наш“...»

С примирением в голосе спросил:

— А что вы с Колоротовым ждёте друг от друга? Ты от старпома или он от тебя?

— Посмо-отрим, борцы говорят: ковёр покажет, — тянет Опенько, попеременно похлопывая себя по бездонным карманам то левой, то правой рукой.

В скупом свете компасной подсветки угадывается хорошо сработанная природой фигура. Простое лицо его смотрится грубоватым и сухим, как дерево, долго прослужившее на судне, пусть даже в самом простом качестве; будь то хоть шлюпочное весло, лючина от трюма, по которой прошли сотни пар резиновых сапог, столешница ли для штурманских карт. Руки, локти, сапоги отполировались до такой фантастической фактуры, когда дерево не впитывает в себя воду и соль, а только отталкивает, к которому не пристаёт даже самая липкая грязь.

«Есть, видно, на море ещё такого сорта люди. Есть ли они на нашем корвете, как сказанул Опенько?» — думает про себя третий.

— Так, что Колоротов тебе задолжал?

— Лишний рейс по его милости делаю. Сто первый. Я себе, когда на море пришёл, сказал: сделаю сто рейсов и шабаш! И в Саяны, на Енисей, так нет, по его милости парюсь. Придётся лишний рейс делать, а то и два. Хотел уволиться боцманом, а не матросом. Боцману легче получить место бакенщика на Енисее. Доверия больше. Ан нет, из-за его штучек меня на три месяца матросом перевели, а его в старпомы. Можно и пониже, давно просился.

— А за что?

— Он знает... За человека.

— Какого человека? Не томи.

— Ба-альшуу-щего человека, главбуха треста.

— Да ну! Хватит, не тяни kota... расскажи. Кстати, как тебя зовут? Можно коротко — Владимир, без отчества, не старик.

Так случилось, что в предрейсовой, послеремонтной суете было не до знакомства. Появились они на траулере у обшарпанного безлюдного трапа почти одновременно. Одними из последних их приняла на борт эта щербатая деревянная тропка, которая, как сваха, иногда на всю

жизнь сводит моряка с его домом. Вахтенного у трапа не оказалось. Каюта капитана закрыта, на стук в дверь никто не отозвался. Надо было кому-то отдать направления из кадров. Стали заглядывать во все каюты подряд — везде шёл прощальный гудёж. Матросы объяснили, что кэп хворый, проснётся не скоро. Уже было отчаялись, но выручил подошедший Колоротов. Ему и отдали документы.

Из ковша рыбного порта траулер выводил старпом. Капитан так на мостике и не появился, передоверясь Колоротову, в прошлом капитану с десятилетним стажем, а ныне присланному на «Коряк» для исправления. Так волею случая встретились зачатые друзья.

— Ладно, давай знакомиться. Иосиф Саввич, проще — Саввич. Половину из ста рейсов сделал боцманом. Вашего брата через мои руки прошла тьма-тьмущая, кого-то сумел на ноги поставить, кого-то нет. Не смог, например, того же Колоротова. Будь на то моя воля, выше бригадиров курибанов* никогда бы не поставил. Кунгасы** из воды вытаскивать — самая для него работёнка, и по норову, и по фигуре.

— Расскажи, Саввич, не тяни.

— Набиваешься в знакомые, а во-он те черти — к тебе. Смотри, паря, тебе отвечать.

Прислонясь к холодному стеклу лицом, третий долго всматривался в ночное море, в еле видимый, едва угадывающийся по звёздному краю неба берег с его сумрачными, почти вертикальными, судя по карте, скалами.

Видимость отменная, чьи-то ходовые огни были далеко.

*Курибаны — приёмщики рыболовецких судов на берегу.

** Кунгас — большая беспалубная гребная или парусная лодка, распространённая в дальневосточных морях и предназначенная для лова рыбы, перегрузки грузов.

— Заметил? Кругами ходит, — спрашивает надоевший Саввич, — за подобные дела надо пожизненно лишать дипломов пилотов, врачей, штурманов.

— Кто ходит?

— Новости! Рас-про-язви твою мать! — вскипает Саввич, — разуй глаза! Он как бы далеко слева навстречу нам идёт! Видишь? — одной рукой придерживая штурвал, другой захватил щуплую, ещё неокрепшую, юношескую фигуру третьего, подтолкнул его к левому заднему стеклу штурманской. — Если не наш брат, такой же рыбачок, домой спешит, чтоб выключить свет в гальюне, то жди его скоро справа по корме.

— Не может быть, Саввич, он что, в циркуляцию лёг? — хмыкнув, добавляет, — постой, постой, здесь такие скаженные глубины. Какая рыбалка?

— Факт, не рыбалка. Никаких ваеров не хватит, — уточняет Саввич.

Полуобернувшись, третий взглядом проводил, как по-казалось, удалявшиеся огни.

— Присматривай за кавалером, а я, так и быть, расскажу про нашу прогремевшую на весь бассейн хохму.

Тишина... Ни волны, ни ветра, ни встречных огней...

— Слушай. Я, дурак, считал тот рейс юбилейным, ну и, известное дело, расслабился... позволил сплести себе лапти, да, как оказалось, оба на левую ногу.

Саввич легко, как профессиональный музыкант, прошёлся одной рукой по клавишам-карманам, а другой рукой, ухватисто подрабатывая штурвалом, успеваает ловко тряхнуть спичками. На секунду замирает, посмотрев на компас.

Успокоился, как видно, не зная, как отнесётся Бобак к этому его небольшому греху.

Тот сделал вид, что не заметил, считая, что первая вахта — есть первая вахта, и слабина ни к чему. Как поставишь

себя, так и будет до конца рейса. Рейса хотя бы и длиною в целый год! У всех моряков есть свои проколы, и первый он уже сделал — не отличил салагу от боцмана.

— Так вот, после очередного ремонта мы на «Ключевском», собирались идти на селёдку. Пока докование, ходовые, девиация. Одним словом — дел уйма. День прошёл — нет одного рогатого, второй — нет сохатого. Бегут бичи! Наконец прошли все испытания, вода, продукты на борту. Но не тут-то было. Не хватает уже пятерых гавриков, а идём-то, как я говорил, на селёдку, вкалывать там приходится по двадцать часов в сутки, спать только во время шторма. Ясно море! Рубли не рисуем, горбим. И что ты думаешь? Перед отходом вызывает меня Колоротов и говорит: «Боцман, лоцман унд дневальный, в руки штоф, фонарь сигнальный, поезжай-ка на базар, прикупи-ка там товар». Успеваю догадаться, к чему он клонит. Прошу растолковать. Суёт в руки сотню и уже без дураков, повторяет, дескать, бери вахтенного, найми бричку и... мухой на базар, подбери мазуриков, что потяжелее... Остальное ясно как Божий день. Нам надо пятерых, а ты набери шестерых, с запасом, на случай побега. Всех довезёшь — одного здесь, в порту амнистируем. Грузовая сетка будет лежать на пирсе у борта, соштабелюешь и аккуратненько их, рогамётов, смайнаешь в трюм. Море и план всё спишут.

— Как море? — дёрнулся третий. — Вы да-ё-те на гора!..

— А так. Он в море — зверь зверем! Пахать кого угодно заставит, приёмчик этот старорежимный, применялся ещё в стародавние, купеческие времена. Изредка в наших краях практикуется и поныне. В путину всегда рабочих рук не хватало, однажды затралили даже московского бухаря, профессора-тромбониста. Было дело. Свидетельствую... Загайтанили мы шестерых, привезли, благополучно сгрузили в сетку. «Вира!» — секунда-другая, и уже в трюме. Туда же, как отец родной, с оттопыренными от шкаликов

карманами — спустился кэп; сунул каждому мертвецу в карманы по шкалику. Довольный, улыбающийся, поднялся на палубу, скомандовал закрыть трюм и готовиться к отходу.

— А кто и как оформил вам отходные документы, где пограничники? Травишь, Саввич, что-то не верится.

— Э-э, Володя! Это не высшая математика, тут простые дроби. Кэп — числитель, а знаменатель в трюме. Как обычно, посчитали по головам, а недостающих по судовой роли послали считать в трюм. Погранцы заартачились: «Почему в трюме?» — Отвечаем: «Завсегда так, если напились и буянют — в трюм. Пусть проспятся, а трезвые — народ смиренный и работающий, трудяги незаменимые». Отодвинули лючину — мать честная! Шестеро. Один лишний, позабыли амнистировать. А тут и кэп коршуном. Кричит: «Что, боцман, варежку разинул? Бичи на судно, как тараканы на тёплую печь понабились! За порядком не смотришь, гони их в шею!» Спускаюсь в трюм, а сверху несётся: «Давай сюда диверсанта!» Мать-перемать! И впрямь диверсанты. У кого-то мина в штанах, по запаху чую. Ясно море, минёра надо было спровадить, да мараться не захотел. Спровадил сухого, без запаха. В сетку его. «Вира!» — секунда, и за бортом. Пока толпа наслаждалась маленьким концертом погрузки-выгрузки, кэп успевает выступить с очередным номером. Как фокусник, выхватил из бичменских штанов шкалик. Пограничники успокоились, посягательства на побег нет. Ушли. Что ждуть, потопали и мы. Идём час-другой, слышу: «Человек за бортом!» Тревога! Стоп, машина. Шлюпка на воду. Под-гре-ба-ем... вылавливаем... по запаху чую — минёр! Каюсь, что не того амнистировал. Беру за шиворот, хорошенько ополоснул, встряхнул его так, что слетели штаны, даю им утонуть, и только тогда втаскиваю в шлюпку. Он без устали что-то выстукивает зубами, силюсь понять, что, но кроме: «До... до...» — ничего вразумительного. Коню понятно, говорю

ему. Достали бедолагу. Промок — подсушим. Подняли на борт, закрыли, как водится, в трубный кожух, где обычно сушим робу, да не тут-то было. Стучит, буянит. Приходит матрос и говорит: «Поди-ка, боцман, послушай кенаря! Что он поёт, что поёт, козамёт!». Отогрелось чудо в перьях и, как заведённый, чирикает: «Где мои документы? Где документы?». Японский городской! Оказывается, он где-то ухайдокал свой полугодовой балансовый отсчёт. Не в штанах же он его носил, писарь полоротый. Где его сейчас найдёшь? Потерпи до берега, вместе поищем на базаре, травлю ему. В штанах ничего, кроме навоза, не было. С тем и пошёл объясняться с Колоротовым. Тот сразу за своё — бери, дескать, всё на себя. А что брать-то? Он мне: так и так, мол, моя самодеятельность. Согласен, говорю. Поворачивай в порт, чтоб высадить это недоразумение, не так уж далеко и ушли, два часа хода. Нет, говорит кэп, его надо проучить, пусть попашет и попляшет, пить перестанет. А я своё: тогда не перекладывай на меня. Пока препирались, прошло ещё два часа — возвращаться бессмысленно. Один за другим из трюма стали появляться орёлики, похмеляться, умываться. Жизнь есть жизнь. На берегу, козе понятно, переполох. Бесследно пропал специалист. А мы давно ловим рыбку. Был он с нами больше месяца, пока во время бункеровки не сиганул на танкер, только его и видели... Ты хоть смотришь за нашим знакомцем?

Саввич оглянулся через правое плечо и в круглом иллюминаторе задней двери увидел надвигающиеся ходовые огни. Изловчившись, резко бросил штурвал влево, естественным, перехваченным от страха голосом заорал:

— Салага! Полный вперёд! Ни хрена ты не смотришь! Говорю тебе — самый полный!

Надвигавшиеся разноцветные огни казались сплошной огненной лавой, которая вот-вот накроет утлое суденышко, подомнёт и раздавит.

— Командуй, полоротый! Я крутанул влево и он катит влево. Лежит, козёл, в циркуляции. Руль соплями привязан. Дай полный!

Прошло оцепенение. Потная, все ещё плохо повинующаяся рука рванула рукоятку машинного телеграфа, но соскользнула с него, оставив стрелку-указатель в положении между «средний» и «полный вперёд». Третий это замечает, но и Саввич подстёгивает:

— Полный, шляпа, полный! Надо оторваться от него! — кричит он, ещё круче переключая штурвал влево, уводя на считанные метры свой траулер из-под удара.

Наконец-то ещё раз сработал телеграф. В такт зачавшей машине под ногами завибрировала палуба, траулеры стали отрываться один от другого. Как бы в ответ на сложившееся в одно целое скорость и угол поворота — сильно качнуло, оба, пританцовывая, успели понадежней стать на своих местах. Стала приходить уверенность, что всё образуется, страшное позади. Но распахнулась дверь, и в расхристанной рубашке с шумом влетел Колоротов.

— Вы что, сукины дети, нарезались? Судно хотите утопить?

Щёлкнул выключатель, яркий свет ослепил глаза. И в два голоса:

— Выруби, ничего не видно!

Свет погас, но, как горохом из худого мешка, надоедливый голос старпома:

— Мой ужин со стола на палубу смахнули. Уснули что ли? Что случилось, Бобак? Почему полный? Танки ещё не окрепли, отскочит цементация — к концу рейса цемент жрать будете.

— Посмотри за корму, — выдавливая из себя третий.

Тёмный силуэт тяжёлой фигуры старпома качнулся к дверному иллюминатору. Понять происшедшее опытно-му глазу хватило секунды.

— Не-ет, я их сейчас разбужу! — и бросился к рундуку, где хранилась пиротехника. Не глядя, уверенно схватил ракетницу и, заряжая её на ходу, выскочил на крыло. Не раздумывая и не целясь, навскидку жажнул по штурманской рубке.

Заряд пришёлся по межрамной металлической стойке. Фейерверком вспыхнул яркий сноп огня, в одно мгновение высветив безлюдную рубку, мачту, найтованные по-походному грузовые стрелы, тёмно-серый, возвышающийся над палубой квадрат трюма, под рубкой неровную груду брезента с угадывающейся под ним траловой лебедкой, главной кормилицей любого рыбацкого судна, а рядом с брезентом — бочку. Стёкла после удара остались целыми, но каскад искр, — на миг, как в немом кино, показавшем ещё одного летучего голландца, въявь и щедро — сыпанул по всей палубе, догорая, освещал пространство между лебедкой и трюмом.

Несколько крупных осколков тлело на брезенте, что-то горело в бочке. В незакрытом дверном проёме показались Колоротов.

— Они что, не думают просыпаться? Ещё всыпать?

— Всыпь, но прежде подумай: как погасишь брезент?

— Ты так думаешь, Саввич?

— Он сам не потухнет, промасленный, как у всех.

— Надо будить кэпа, — вмешался третий.

— Его, как и этих субчиков, разбудишь только ракетницей, да и то если жажнешь ему прямо под одеяло.

— И всё-то ты, Саввич, знаешь.

— Да уж знаю. Ошибаюсь? Тогда иди и буди, но с него толку, как с дойного ишака. Принимай решение, там что-то разгорается, помимо брезента есть чему гореть. Пошевеливаться надо. Сгорят...

— Короче, Саввич, догони их, надо посмотреть, что и как.

- Командуй, Колоротов.
- Я для тебя не Колоротов! А старпом! Понял? Запомни!
- Командуйте, товарищ старпом. Хотя я бы на месте третьего ракетницу не дал. Почему, спросишь? Во-первых, не ваша вахта, а во-вторых – на поддатии.
- Не-справ-да-а! – раненым сивучем взревел старпом.
- Правда! Мы ведь не первый год знаем друг друга. Если посчитать... смотри, полыхнуло. Само не потухнет. Решайте. Людей надо спасать!
- Саввич, вплотную подойти сможешь? Погода на заказ.
- Тобой заказана.
- Ладно, Саввич, надо подходить и кому-то прыгать к ним на борт, будить эту скотобазу и тушить. Давай, заходи...
- А если нашим пожарным насосом? – напомнил о себе третий.
- Какой к чёрту насос! До сих пор на палубе, дед так и не поставил, ты сам запинался.
- Иосиф Саввич, – с доверительным оттенком в голосе над рулевым нависает двухметровая усатая образина, – на тебя вся надежда. Сгорят рогомёты. Сможешь, а? Подойду к борту, как хороший таксист к подъезду дома.
- А штурвал? – думая о своём, машинально спрашивает Саввич.
- Сам стану, слава Богу, двадцать лет на мостике. Доверься, а?
- Как не доверить, приходится. Ты без мыла в любой шпигат проскочишь. Ко-овер покажет. На-а, становись, я пошёл на правое крыло, а ты – поточнее юзани вдоль его левого борта. Выброшу бочку, разбужу архаровцев, а не удастся – поднимешь наших, и так изрядно протабабили... В случае чего... – и не досказал.

Всего несколько шагов до правого крыла. Саввич прошёл их с такой же уверенностью, с какой ежедневно уже многие годы в любую погоду выходил на вахту.

«Как такие люди нужны морю, — думает третий, — без них оно было бы, наверное, другим, мельче, неуютнее, злее. Много ли их таких? Или, как говорят в Одессе-маме: всё в мире поровну, на всякого хитрого — по губошлёпу».

— Альберт Анатольевич! Огонь без слабины, команду бы поднять.

— Зачем? Пожарной помпы нет, да и наши рога­мёты не лучше, и вообще, их пожар — их проблема. Спать сукам было не надо.

Попеременно работая телеграфом и штурвалом, старпом стал медленно подстраиваться под странную циркуляцию горящего собрата.

— Волосаны, колхозники, ссученные козамёты, гумозники, суконки долбанные, а не моряки... — в искреннем негодовании громко икнул, обдав Бобака крепким перегаром.

И, вдохнув в себя, продолжил дружеским тоном:

— Ты вот что... это... в случае чего...

Приняв решение, зачастил:

— Вахта-то твоя, ну и так далее, понял? Всё это между нами... Понял?

— Нет, Альберт Анатольевич. Объясните.

— Идёшь, значит, смотришь — горит. Подходишь, того... помочь... Понял? Правда, Зарип? — в углу молчаливой тенью маячил рулевой Зарипов.

— А журнал?

— Заполняй соответственно, чика в чичу. Я только что подошёл, понял? И так далее, иди-иди, пиши. Плох тот штурман, что не мечтает стать капитаном. Как посолишь — так и похлебаешь. Се ля ви, говорят коряки.

— Французы!

— Я говорю: коряки, мы с тобой на «Коряке», — значит, коряки. Море — жизнь, а жизнь — это такое море, где встречаются впадины и пострашнее Курильской.

«Оказывается, ко всему и, что хуже всего, почти у каждого на все случаи жизни есть своя философия; и тем она страшней, чем раньше, как бы на вырост мы её приобретаем...» — думает третий, но его прерывает голос старпома:

— Готов, Саввич?

— Готов. Поднимай толпу! Слышишь?

— Если что — поднимем. Прыгай!

Беря вахтенный журнал, чуть полуобернувшись, третий боковым зрением улавливает ловко метнувшуюся фигуру, которая мягко, в полуприсед коснулась ногами палубы, а руки ухватились за леерное ограждение, идущее от спасательной шлюпки к штурманской рубке; на секунду задержалась. Затем рванула дверь рубки, дважды саданула кованым рыбацким сапогом по переборке и, не дожидаясь ответа, скатилась с надстройки на ярко освещённую огнём палубу. Из-за неуравновешенной скорости траулеры сразу же и разошлись. Старпом, стремясь вновь сблизиться с траулером, стал снова подрабатывать машинным телеграфом. Пока проходили мимо собрата, третий успел заметить, как неподалёку от горячей бочки на переборке вспучивалась и стремительно разгоралась краска, а сама бочка показалась ему большой и страшной спичкой, поднесённой непутёвым дитём к большому стогу сена. Не абстрактная фигура, не какой-то там силуэт, а Саввич... живой человек боролся с этой огненной стихией. Как заведённый, он ловко срывал с лебёдки остатки догорающего брезента, размашистыми, хлесткими ударами о палубу сбивал с него огонь. Непонятные действия Саввича вызывали бешеную ярость Колоротова:

— Так и есть — пьяный! Бочку надо, бочку, а не брезент тушить.

И только когда Саввич сорвал с себя рыбацкую робу, а вместе с робой, подхватив остатки тлеющего брезента, шагнул с этой большой охапкой в руках к гудящей и шумно извергающей яркое пламя бочке, — стало понятно, насколько там жарко. Одной робой было невозможно заткнуть этот рукотворный огнедышащий кратер. Прикрываясь от жары этой грудой, как экраном, он стремительно бросился к бочке, точно вышел к ней, и почти не глядя, боком, ловко и удачно набросил охапку на ревущее пламя.

Стало темно, но в крошечной темноте отчётливо были видны очертания раскалённой добела бочки и уже всю горящую на переборке краску. Обманчивая темнота длилась не больше секунды. В следующее мгновение по палубе пронёсся огненный смерч, поднявшийся до самой верхушки мачты, а ещё через секунду до слуха донёсся взрыв.

Снова стало ослепительно светло, и в этом безумно ярком свете от центра к левому борту судна медленно, припадая на одно колено, неестественно согнувшись пополам, что-то волоча и подбирая на ходу это «что-то», — живым факелом передвигался Саввич.

На него, медленно уходящего из огня, ещё не осознавшие всего происходящего до конца, удивлённо и негодующе смотрели три пары глаз.

Бобак, с трясущимися от страшной догадки руками, шагнул по направлению к биноклю. Старпом, ловко опередив его, загородил дорогу и рявкнул:

— Море не любит слабаков, нечего смотреть. Не в цирке, без бинокля всё видно. Сам виноват, надо было сбросить её за борт, а то провозился с брезентом, показал свой нор.

Сквозь перезвон машинного телеграфа и участвовавшую вибрацию палубы под ногами в сознание третьего стало доходить понимание всего происшедшего. Только теперь, глядя на огромный удаляющийся костёр, вторично показавшийся ему стогом сена, на фоне которого, завис-

нув на леерах, сидела скрюченная и чадаящая фигура его бывшего рулевого, — он всё понял. Понял и заплакал.

— Т-ты, тт-ы-ы...

— Не тычь, салага, и подбери сопли.

— Па-ачему он не прыгнул за борт? — заикаясь от ужаса, канючил третий, — скажи, а? Почему м-мы ухо-о-дим!?

— Им не поможешь. Зарип, принеси бутылку, пусть придёт в себя.

Тело непослушное, вымоченное в чём-то нехорошем...
Темнота...

— Пойми, зацепило его, вот и не смог прыгнуть за борт, а прыгнул бы — мы его при такой-то погоде, да на такой-то волне в два счёта бы подняли. О чём базар? А за науку, Володя, ты меня когда-нибудь поблагодаришь. Уверен. На, дёрни, и садись заполнять журнал, понял? Как говорили, вахтенный журнал — наше лицо, наше зеркало, но смотреть в него совсем не обязательно... Хорошо, что он не успел тебе вымотать нервы, сквалыжный был мужик, царство ему небесное... Я с Зарипом уже на пятом судне, и во всём — полное понимание. Как другу, Володя, понимаешь, как лучшему другу, до конца рейса уступаю его... тебе... лучшего рулевого...

Пелена тумана. Звон в голове и ушах...

— Больше не пей. Понял, Вовчик? Вставай и пиши. На руле Зарип. Всё в порядке. Помни, как говорили...

Третий очнулся. От пережитого немного знобило, из настезь открытых дверей несло декабрьским холодом. За время забытья успела смениться погода. Малым ходом, на малой волне, подгоняемый лёгким попутным ветром, несшим белую сутемень, шёл траулер. До конца вахты оставалось полчаса, а на столешнице лежал вахтенный журнал, открытый на совершенно чистой, девственно-белоснежной странице...

через полвека

*Ушёл старик, избу оставил,
Хозяйства нет, деревни нет...
В ночи среди собачьей стаи
С экрана брешет диссидент.*

Валентин Солоухин

1959 год, мы на камбальной путине за линией перемены дат — 180-м меридианом. Это западное побережье Америки, стык Аляски и Канады, точнее говоря, гнилой угол Берингова моря. Суровые волны Бристольского залива нещадно кувыркают рыболовный траулер «Капитан Закхеев».

Словно по расписанию, раз в месяц серо-свинцовые гребни волн обрушивают скопившуюся ярость на крохотный поплавок ржавого железа. В такие дни судовой кок пищу не готовит, команда спит да грызёт старые сухари. Волны пытаются расплющить ржавую консервную банку, а у команды вся надежда на главный двигатель и... что греха таить — на Бога.

Мореходные качества нашей скорлупки превосходны, поэтому мы в руках Создателя. Думаю, что в такие часы и минуты ряды рыбаков-атеистов сильно редуют. В нашей экспедиции таких крохотных, трёхсотсильных траулеров общим счётом не менее десятка. Их грузоподъёмность — всего 130 тонн.

Раз в несколько дней сдаём свой улов на плавбазу «Пищевая индустрия». А потом от диспетчера экспедиции ждём команду: мыть трюм, ожидать, ловить. В промежутке между тралением камбалы и мытьём трюма команда дружно забивает «козла». А тут ещё изнуряющая погода, за всю полугодовую путину ни одного солнечного дня.

Всё общение с внешним миром — когда приходит танкер с соляжкой и водой. Вместе с материальным пополнением и духовное — газеты: «Правда» коммунистическая, «Известия» депутатов трудящихся, «Правда» комсомольская, «Правда» камчатская. Журналы «Крокодил», «Огонёк». И — о, счастье! — письма из дома. Это для тех, у кого есть дом. У кого нет дома, нет семьи, — нет и писем.

Я в этой конторе уже два года, и лишь недавно узнал: загранвизу мне никогда не откроют. Чёрная метка — бездомный, более того — сирота. А вдруг у тебя что-то на уме: ты есть чудом уцелевшее *дитё* кулака или расстрелянного троцкиста, военного, замаскировавшийся сын неизвестного купца или, того хуже, *говняного* интеллигента.

Хотя «широка страна моя родная...»

За свои двадцать три года я успел поработать в лесу, на целлюлозно-бумажном комбинате. Сначала с отцом, а после и сам побывал во многих местах Сибири, Камчатки, на Кольском полуострове, десятке островов Курильской гряды, участвовал в электрификации колхозов Северного Сахалина. Хорошо помню экзотические названия посёлков: Ульбы, Альбы, Арги, Паги, Тымовское, Адатымово, колхоз Чирвунд. Четырежды побывал в Ванине, почти на каждой железнодорожной станции Южного Сахалина, на западном и восточном побережье, своими глазами видел двухсоттысячный вал (1953 г.) амнистированных строителей коммунизма, северного отрезка железнодорожной ветки Сахалина и тоннеля под Татарским проливом. Почти половину острова прошёл пешком, по неделям и месяцам голодал, с восьми лет возил сено, с десяти лет запрягал лошадь и ездил с поручениями в соседний район, с двенадцати лет заготавливал для семьи на зиму дрова, а с тринадцати — уже работал по официальной трудовой книжке. В пятнадцать лет был впервые назначен бригадиром.

Жизненные уроки подталкивали к размышлениям, пониманию происходящего. И пока только к робкому экономическому протесту, последовавшему отказу от обязательной подписки на государственный заём (в 1954–1955–1956 гг.) да публикации фельетона «Козлиный квартет» в газете «За высокие уловы» в мае 1959 года. И всё, не более. А за границу видел только однажды, в 1955 году, проходя Сангарским проливом, с палубы парохода «Ильмень». А интересно бы...

А что интересного? Вслух не скажешь... Как водится, на каждом судне по несколько штатных Павликов Морозовых. Стукачи поумнее тщательно скрывают свою принадлежность к сучьей породе, а кто-то даже хвастается своими *связями*. Тех и других я повидал с лихвой.

Однажды в конце ненастного сентября, когда при очередной бункеровке пресной воды и солярки получали продукты и почту, к нам на борт траулера пересел какой-то человек. Не спрашивая, сразу прошёл в каюту капитана. Наш монотонный быт внезапно прерван, после обеда всей команде приказали собраться в кают-компанию на лекцию...

Тема — бдительность. Ведь мы ловим рыбу рядом с берегами капиталистических стран. Это огромный треугольник: Аляска–Канада–США. Это слова капитана траулера Кукушкина. Капитан представил команде ничем не примечательного пассажира (как окажется, майора КГБ Пичугина (?), конечно же, в гражданской одежде). Тот — в какие-то 30–40 минут — сообщает нам о самых невероятных случаях. Как кто-то в таком-то году прыгнул за борт в Сангарском проливе, кто-то пытался укрыться в трюме парохода, уходящего в заграничье, кто-то зарылся в уголь. Что какая-то обнаглевшая американская подлодка недавно заходила в Авачинскую бухту, сменила резидента, а потом благополучно ушла восвояси. А несколько лет тому

назад один штурман, наслушавшись «Голоса Америки», готовился к захвату траулера и побегу за границу.

Тут все с особенным интересом стали слушать этот диковинный рассказ. Посыпались наивные вопросы: как? когда это было? Да и возможно ли куда-то бежать из нашей счастливой страны? Да и зачем?

До второго пришествия «лейтенанта Шмидта» (капитана третьего ранга Саблина) на Балтике оставалось почти два десятилетия. По совпадению, до построения коммунизма оставался такой же срок. И всё же: мыслимое ли дело — угнать судно? Да и по силам ли это одному человеку? Что ему ещё надо?

Вероятно, от скуки лектор охотно, а может, умышленно втягивая публику в разговор, рассказывает, как некий старпом с крупной посудыны, уволившись из своей конторы во Владивостоке, чтобы быть ближе к берегам Америки, перебрался в Петропавловск–Камчатский. Нужной вакансии для него не оказалось, так он, в ущерб своему послужному списку, согласился на должность второго штурмана крохотного траулера. Но... бдительность соседа не позволила исполнить задуманное. Все видели, штурман всё свободное время стучит на пишущей машинке, ежедневно что-то пишет, а это для моряков, согласитесь, нехарактерно, более того — подозрительно. Второй помощник «отход» не отмечал, и не *прописался*. Трезвенник! Это наглый вызов всему морскому братству. К тому же трезвый человек в советской стране подозрителен вдвойне. Значит, не наш человек. Нашему кроме пошла, домино, карт, футбола и рыбалки — больше ничего не надо. Вот об этом и подумал третий помощник капитана, стал регулярно читать написанное и... увидел, что это — махровая антисоветчина, а раз так, то где эту антисоветчину можно издать? Правильно! Только в Америке. А как туда можно попасть? Правильно, только угнав судно! Советское судно. Далее —

по известному сценарию — последовал стук... Исходя из этого, руководство и приняло меры. Вскоре он был арестован, преступный план, естественно, сорван, страна не потеряла траулер, зато, в качестве компенсации, на десять лет получила бесплатного строителя коммунизма. К сожалению, он оказался хлюпиком, во всём признался, был осуждён и получил свой червонец.

К лектору повторно посыпались вопросы. Из его страннных ответов узнаём, что у штурмана есть брат, уважаемый человек, известный советский писатель, которому брат неудачник страшно завидовал, сильно хотел славы, поэтому и пошёл на предательство. На наши вопросы: кто такой брат, какие написал книги? — лектор не ответил. Но подчеркнул: злоумышленник полностью осознал свою вину, искренне сотрудничал со следствием, а в местах изоляции сразу стал на путь исправления. Находясь в ИТЛ, с первых дней активно сотрудничает с администрацией исправительного учреждения, более того, — регулярно ведёт переписку с нашим шефом...

Жизнь молодого моряка, особенно рыбака, полна событий, в том числе, самых невероятных, иногда — трагических. Я дважды вместе со своим пароходом чуть было не утонул, дважды чуть было не взорвался, однажды наше судно посреди океана потеряло гребной винт!

Что это такое — все моряки хорошо знают. В январе 1961 года в Беринговом море во время шторма погибло сразу четыре камчатских траулера. Тогда же на СРТ «Ключевской» утонул и мой приятель, радист Леша Кокоулин.

Много из этих событий навсегда стирается из памяти, что-то остаётся. Эта история врезалась... Через семь лет мне в руки попал журнал «Молодая гвардия» (кажется, № 1 1966 <1967?> года), а в нём стихи поэта Валентина Солоухина. У меня к этому времени уже было кое-что написано. Кроме того, я регулярно следил за периодикой. Эта

подборка поразила неординарностью текста, фактурой, стилем и языком. Всё вместе заставило включить мозги... Тут-то и вспомнилось. Предположительно к этому времени должен был закончиться срок несчастного вольнодумца, а брат его в ту пору был у властей в фаворе и, наверное, смог помочь с первой публикацией. Хотя, надо признать, стихи эти, почему я их и запомнил, по тем временам, были неординарными: про безысходное, мрачное небо, тёмные тучи и чёрные крылья неведомых хищных птиц.

В то время я сам писал точно такие же (мрачные) стихи, но изо всех редакций регулярно получал отказ. Первая моя публикация (60 строк стихотворения «Яблоня») состоялась на волне гласности четверть века спустя, в 1988 г. в сентябрьском номере «Литвы литературной».

А тут целый цикл мрачных, нигилистических стихов. И не скажешь — антисистемных! — наверное, декадентских или нигилистических. Вскоре читаю ещё и книгу его рассказов, а в ней угрюмый шахтёрский колорит. Запомнился один из рассказов о безысходной участи мосластой лошади-доходяги (в голове мелькнуло: про шахтёров!?), которая работает на откатке добытого угля. Работает без права когда-нибудь увидеть белый свет, зелёную траву, святое святых — солнце, борясь с подкожными паразитами на спине, никогда не сможет покататься в сухой придорожной пыли, освежить лёгкие глотком чистого воздуха... Она слепая... *слепая, как и сами коноводы, совки.*

Пронзает догадка: в нашей литературе только два имени Владимир и Валентин Солоухины, оба Алексеевичи, разница в возрасте всего три года, но братья ли они, или совпадение? Владимир Солоухин, бывший кремлёвский курсант, писатель сделавший карьеру, ставший секретарём центральных писательских органов, — автор многих замечательных книг: «Владимирские просёлки», «Камешки на ладони», «Чёрные доски», «Созерцание чуда».

Одна из них — антиленинская, антилюдоедская, покаянная — «При свете дня».

Насколько можно верить тому экзотическому лектору? Но — в те славные оттепельные времена! — такие вопросы не задавали. После октябрьского (1964 года) переворота прошло несколько лет. Хотя я был мало искушённым, провинциальным читателем, но до моего слуха доходили имена: Валерия Тарсиса, Бориса Пастернака, Иосифа Бродского, Юлия Даниеля, Андрея Синявского.

Становились на крыло Владимир Корнилов и Владимир Войнович. А ещё ранее того на слуху были «Рычаги» и «Вологодская свадьба» Александра Яшина, «Ухабы» Владимира Тендрякова. В память навсегда врезалось оглушительное «Письмо Есенину», пронзительно-откровенное «Бабий яр», однако смутила несколько манерная поэма «Братская ГЭС» Евгения Евтушенко. И главное произведение второй половины XX века — «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына.

Стало известным, что по три срока отсидели поэты Ярослав Смеляков, Виктор Боков, Юрий Домбровский, Лев Гумилёв, колымский летописец каторжного труда Варлам Шаламов, 27 лет отсидел прозаик Олег Волков. В 1965 году (после трёх посадок и суммарного двадцатидвухлетнего лагерного срока) из малой зоны в большую была переведена многострадальная (в 1934 и 1947 гг. сажали при Сталине, а в 1957 г. при Хрущёве, а вышла в 1965 г. при Брежневле) поэтесса Анна Баркова.

Но даже такая, сильно искаженная, или тщательно просеянная через сито цензуры и агитпропа, информация будоражила сознание провинциальных неофитов. На дворе, напомню, — всюю шли подмораживающие 1966–1967 годы. Почти реставрация... реабилитанс. Номенклатура строила развитой социализм, повсеместно создавая плацдарм для рывка в постсовковый капитализм.

Прошло более сорока лет... и вот у меня в руках номер «Нашего современника» №3 за 2009 г. Одну строфу из этой публикации я привёл в качестве эпиграфа. Стихи, на мой взгляд, никак не согласуются с рискованными исканиями молодости.

Уничжительный контекст слова — диссидент? — не оставляет сомнения в новой, если не сказать, странной позиции поэта-страдальца. Под какими он сегодня стоит знамёнами, в каком стане, какие отстаивает ценности? Что же могло случиться с человеком такой трагической судьбы? Неужели на самом деле — *«человек меняет кожу», «мозги, вектор»*? Или сознание?

Или в нашей литературе был ещё и третий, никому не известный — отсидент — Валентин Алексеевич Солоухин?

ДУРАК-РАЦИОНАЛИЗАТОР

*Работаю добросовестно, но думаю,
как хочу.*

Димитрий Панин

*Всё в мире поровну, на каждого ум-
ного — по дураку.*

Из моих наблюдений

Поступаю на завод железобетонный изделий (ЖБИ), работаю, как лошадь, через месяц назначают бригадиром, а ещё через год заносят на доску почёта треста «Камчатрыбстрой», которая висит в центре города, на улице Ленинской.

Все друзья по работе пьют, я в бригадных попойках не участвую. Начинаю приобщаться к техническим журналам.

Листая подшивку журнала «Радио» за 1958 год, неожиданно увидел некролог о смерти «министра электростанций Георгия Максимилиановича Маленкова...», который на самом деле умрёт много позже, а точнее, в разгар перестройки, через тридцать лет — 1988 году, в эпоху гласности. Сегодня в это трудно поверить, но Система и цеховская пропаганда (по Оруэллу!) похоронила его намного раньше!.. Диво дивное. Как, откуда мог знать Оруэлл о нашем закулисье? О наших каннибальских медийных правилах? — Виртуальных похоронах...

Я хорошо зарабатываю, иногда свыше четырёх тысяч рублей в месяц. Немыслимо — в три раза больше, чем в море! У меня два хороших костюма.

В июне 1960 года женюсь на чудесной девушке, с которой знаком с 1958 года. Она аэролог Камчатской обсерватории. Её мама немка из обедневшего дворянского рода, папа командир пограничной части, подполковник.

Домик с печным отоплением, но из добротного деревянного бруса. В квартире две комнаты и кухня. Крестьянский лапотъ принят семьёй хорошо, без признаков дискриминации. Ничего не предвещает трагедии. Ходим с женой на спектакли драматического театра, посещаем концерты столичных артистов Григория Александровича, Нины Дорды, Эдди Рознера. Дважды в жизни видел легенду эстрады Вадима Козина. Посещаем драматические спектакли: Островский, Горький, Бернард Шоу.

В марте 1961 у нас рождается дочь. Почти каждую неделю я покупаю по десятку книг, в наших книжных шкафах более 1500 экземпляров. В том числе: Ирвин Шоу, Эрнест Хемингуэй, Альфонс Додэ, Дени Дидро, Жан-Жак Руссо, Стендаль, Макс Фриш, Евгений Тарле, Ильф и Петров, Булат Окуджава и почти все поэты пушкинской плеяды. Спасает природный вкус, бабаевских, бубённовых, марковых и прочих совклассиков нет ни одной книжки. Покупаю пишущую машинку «Олимпия» и с необыкновенной лёгкостью стучу на ней до полуночи.

Я переполнен жизненной энергией, влюблён в работу, всё у меня, получается, легко читаю самые сложные электрические схемы, сочиняю свои, увлекаюсь расчётами. В областной газете «Камчатская правда» в июле 1961 года выходит очерк «Электрик Егоров на работе и дома». Каждый месяц вношу новое рационализаторское предложение, начальство хвалит, предлагает вступить в партию. Как известно, в те времена была лишь одна партия, — «Ум, честь и совесть нашей эпохи!..» — КПСС, за семьдесят лет единоличного правления, опустившая нашу страну ниже плинтуса.*

* Сегодня партия Хапка и безразмерного корыта, забыв исторические уроки, стала повторять успехи КПСС.

В партию?! Конечно же, дурак, отказываюсь, мотивируя словами:

— А я не ворую.

— Как так?

— А вот так! Как хотите, так и понимайте.

Это я так нервно, но весьма осторожно прокомментировал тот факт, что начальник ЖБИ коммунист Юрий Петров присвоил моё рационализаторское предложение, получил за него 1500 рублей вознаграждения. А когда я сам подал в БРИЗ (бюро рационализации и изобретательства) своё предложение, его отказались принять. И что с того, что моё предложение было на чисто электрическую тему, даны расчёты: сечение магнитопровода, марка обмоточного провода, его диаметр, количество витков и т. д. А начальник завода ЖБИ Петров был специалистом по железобетону, в электричестве не разбирался, но администрацией объединения и БРИЗ все мои доводы были проигнорированы. Если бы коммунисты соблюдали законность, то сразу же можно было вывести на чистую воду стяжателя. Пусть бы мой начальник следователю (или назначенным независимым экспертам) объяснил принцип расчёта своего рационализаторского предложения. Но Система — на то и система: «Своих не сдаём!», — улыбаясь, на всю страну объявил ВВП во время своего общения с электоратом. Сегодня многие правящую партию называют партией воров и жуликов, а Народный фронт — дымовой завесой, за которой скрывается тотальное разграбление страны. А полвека тому назад сказать подобное было смертельным риском. А если и не смертельным, то шанс залететь на приличный срок был вполне реальным. А психушка — самое малое, зато вполне гарантированное наказание. Правда, иногда прокатывало тем, кто был похож на обиженного дурака-неврастеника, которого чаще всего называли пограничником, то есть — находящегося в пограничном состоянии.

Я всем на заводе стал рассказывать, что начальник не присвоил моё рационализаторское предложение, а украл. Тут-то я окончательно и утвердился в мысли, что старший козырь всегда в рукаве начальства. В известной игре «Демократия и народовластие» умным и инициативным игрокам из низов сдают козырные шестёрки, а все старшие козыри всегда остаются на руках патентованных шулеров.

Это сейчас. А тогда всё было в чём-то сложнее и вместе с тем проще. Партия рулила и направляла, вела к неизбежной победе коммунизма.

Вот мой начальник и стал меня уговаривать — потерпеть, что следующее предложение на такую же сумму выпишут мне. Сговор отвергаю, кумовского общения не признаю. Мне отдайте моё, а себе что хотите, то и рисуйте. Взбунтовался и пошёл по начальству, но ворон ворону глаз не выклюет, скорей всего, выключают жертве. Я — рядовая жертва.

Как раз в этот год Леонид Ильич получает орден Независимости Гвинеи и «Звезду Индонезии», а я продолжаю твердить о воровстве начальства. Меня вызвали на местком, где я вторично брякнул:

— Раз защищаете вора, то все вы воры!

На провокационную реплику одного из холуёв:

— Здесь все коммунисты!

Я, не задумываясь, опять брякнул:

— Значит, здесь все воры!

И что же? Через неделю к нам на дом пришёл работник известной Конторы, назвался капитаном Смоленским. Заглянув во все углы и закоулки квартиры, он провёл со мной четырёхчасовую профилактическую беседу.

Но я упорно гну своё, пройдя все мыслимые инстанции: райком, горком, обком, редакции газет, я пошёл к прокурору города. Лысеющий боров принял меня, не поднимая от стола многотрудной головы, ленивым голосом задал два-три издевательских вопроса:

— Не устал ходить? — а сам смотрит то на меня стеклянными глазами, то в какую-то бумагу, быть может, также решающую чью-то судьбу.

Понимая свою беспомощность перед этой беспощадной машиной, с вызовом отвечаю:

— Не устал и не устану, буду ходить год и два, пока не добьюсь справедливости.

А боров, изображая почти отеческую заботу и покачивая головой, задушевым голосом произносит:

— Молодой человек, если себя не жалеете, пожалейте свои ботинки.

Было сказано ещё две-три реплики, которые и вспоминать не хочется. Приблизительно то же сказали мне и в горкоме КПСС. Кто первый подал в БРИЗ заявление, тот и прав. Мои доводы, что именно я автор рацпредложения, а Петров специалист по железобетону, что он ничего не понимает в электричестве, что стоит сравнить его и моё заявление, где исчерпывающе даны технические расчёты, станет ясно кто автор рационализаторского предложения. Не убедил я партийных функционеров.

Ворон ворону на голову не гадит...

Так окончательно рухнули мои последние надежды на справедливость, на причастность к планам страны, моё трепетное отношение к работе, к семье. Ко всем бесспорным ценностям, что я так беззаветно исповедовал с юношеских лет. Все надежды на встречу с роднёй, возможность отыскать дорогу к могилам праотцев в одночасье испарились. Поездка на родину, поиск моей родни была отложена судьбой ровно на сорок лет! Я остался один на один с ханжескими законами ретивых строителей светлого будущего. Мне, рядовому совку, поверившему после XX съезда партии, что все ужасы репрессий позади, что семилетка уверенной поступью шагает по стране, в лицо иронизировал блюстителем Закона, его верный страж — прокурор.

трагедия

Торьма есть ремесло окаянное...
Из указа Петра Первого

*При прочих равных условиях роль
знания как фактора тем больше,
чем больше количественно и каче-
ственно само знание, которым рас-
полагает данная группа людей...*

Питирим Сорокин

В июне того года уже состоялся расстрел рабочих Новочеркаска, а Председатель Верховного Совета СССР получил орден «Звезда Югославии» 1-й степени. В этом же году с меня вероломно сняли сразу два разряда, понизили в должности, зарплата сократилась вдвое. Ещё и перевели в штрафную роту. То есть на лесобиржу, где полно рабочих, только что освободившихся из лагерей.

В электрощитовой, спасаясь от непогоды, частенько перекуривают грузчики. Наш старший электрик, кстати говоря, сам отсидевший восемь лет из двадцати пяти, всячески им потворствовал. И братва в электрощитовой вела себя по-хозяйски. Как водится, с утра похмелялись, сушили одежду, вторично засылали гонца, пили, курили. Кем-то науськанные, они стали меня учить уму-разуму, охотно прессовать, всё меньше и меньше оставляя чудаку-правдолюбцу рабочего пространства.

Сучье племя только на словах против системы, а на самом деле частенько вступает с ней в негласные соглашения, — охотно поддакивает и подыгрывает начальству. Вскоре я воочию смогу в этом убедиться. А пока я совершаю роковую, непоправимую ошибку. Из желания жить мирно стал выпивать с братвой и я...

И вот однажды в конце рабочего дня, после трёх-четырёх бутылок водки, обесточивая на выходные всё электрооборудование и складывая предохранители по заведённому порядку, я работал у открытого электрощита. Слово за слово, создалась критическая ситуация, на меня с отвёрткой в руке пошёл наш старший электрик. Защищая свою жизнь, так как за спиной были открыты створки электрощита, отступить некуда, я шагнул навстречу нападавшему, левой рукой отразил удар отвёртки, а ударом правой сшиб авторитета с ног. После схватки мы ещё обменялись несколькими короткими репликами. Он мне приклатнённо-угрожающе:

— Попомни, землячок, последнее слово за мной! Ещё посмотрим!

Я ему:

— Хорошо, посмотрим!

И расстались. Это было в конце смены, нашу драку никто не видел. Повторяю: ни одна живая душа не видела. Но я, дурачок, считая драку обыкновенной стычкой, по дороге домой, всё рассказал ещё одному нашему электрику, Виктору Смылину.

Был конец рабочей недели, делать было нечего, и мы с ним вернулись в электрощитовую проверить, всё ли обесточено и ушёл ли домой наш пьяный бригадир. К несчастью, нашли его уже бездыханным. Что было делать? Я, понутив голову, пошёл в милицию и сдался. Завертелось колесо советского правосудия. Первая судебно-медицинская экспертиза (говорю примерно) установила: «Смерть наступила в результате изношенного сердца и печени систематического алкоголика...»

Кто-то был заинтересован в ином результате. Поэтомu вторая экспертиза, которую спустя полвека помню дословно, перечеркнув результат первой, установила: *«Смерть наступила от микроскопического кровоизлияния*

в стволочную часть мозга в результате удара тупым предметом по голове, коим мог быть и кулак».

Объясняю следователю, что я вынужденно защищался, что после стычки мы ещё с ним несколько минут говорили, он был жив, я оставил его в нормальном состоянии, что если бы знал, что он мёртв, разве стал бы я рассказывать кому-либо ещё?

А ведь я, поймите, рассказал! В таких случаях автоматически включается естественный защитный механизм любого индивидуума – враньё. Знай я, что бригадир мёртв, то скорей всего прибегнул бы к этому способу самозащиты, тупому отрицанию и вранью. Об этом, дважды и трижды повторяясь, и говорю следователю. Увы! Следствие и прокурор к моим доводам оказались глухи. Формулировка беспредельно резиновая, и статья предусматривала от трёх лет до десяти! Что стесняться, страна нуждалась в строителях коммунизма. Самый гуманный суд, чтоб впредь совок не взбрыкивал и не умничал, дал мне полноценный червонец. Столько лет злил Систему, как тут было не воздать сторицей?! Воздали – отыгрались по полной.

Вот так и попалась прыткая блоха на зуб собаки.

Кстати, санкцию на мой арест давал тот же боров, у которого я по наивности искал справедливости. Я только и успел спросить его:

— Гражданин прокурор, помните меня? В поисках правды и закона я был у вас на приёме полгода тому назад.

А он мне:

— Слишком много вас, не помню.

А по глазам вижу: помнит, но с лёгкостью делает своё дело, служит социалистической законности, не дрогнув, оформил новому строителю коммунизма путёвку сразу на две пятилетки. Короткое следствие. И несправедный суд. Что и говорить, оглушён приговором, отказали ноги, я не могу не только ходить, даже стоять на ногах.

На моё счастье, тюремный врач оказался недавним выпускником мединститута. Сердце его ещё не успело порастить шерстью. Поставил правильный диагноз, освободил от тюремного режима (подъём-отбой), дал неделю отлежаться и, вопреки правилам, предупредил о стукачах и профессиональных наседках... Молодой организм победил. Через неделю встал на ноги... Но был настолько оглушён случившимся, что не запомнил фамилий ни следователя, ни прокурора, ни судьи, своих крёстных...

А дальше — покатило-поехало. Петропавловская тюрьма, Усть-Камчатск, поочередно работа на строительстве нефтебазы, районной электростанции, холодильника, знакомство в первом номере 1963 года «Роман-газеты» с пронзительным «Иваном Денисовичем...», снова Петропавловск, тёмный трюм пароход «Кулу» и через пятеро суток — Владивосток, далее — «стольпин», а это тринадцать человек в одном купе. Питание — сухой паёк: хлеб и ржавая селёдка. При сорокаградусном декабрьском морозе — невероятная жажда. И такое же нечеловечески-садистское отношение «вологодского» конвоя к заключённым. Александровский централ, «стольпин», Усолье-Сибирское, «стольпин», станция Половина. Обязательный производ конвоя, деревянные молотки-счёты (с обязательным ударом молотка-киянки меж лопаток!), многочасовые разводы, поверки, запретки, шмоны, карцеры с обязательным сервисом — нарами, обитыми жёстью или полосовым железом, и выбитыми к зиме стёклами...

Я начинал свой срок, когда в лагерях ещё было полно заключённых с двадцати и двадцатипятилетними сроками и драматическими судьбами, ещё довоенной посадки. Многие из сидельцев стали свидетелями отмены смертной казни в 1947 году и её восстановления в 1950 году. Хитроумные побеги отчаявшихся, и все, как правило, с трагическим финалом. И лихие побеги тяжеловесов, их не-

лепая смерть. Например, завхоз нашего отряда Казарян, проигравшись в карты, по решению воровского сходняка неоднократно уходил в побег. Во время последнего побега солдаты прицельной автоматной очередью отстрелили ему руку. Про два его умопомрачительных побега слышал своими ушами. А общий срок у него был двадцать один год.

Мой бригадник Иван Попов садился с тремя годами, чуть позже «раскрутился» на весь червонец, а при мне за «самоволку» раскрутился на третий срок и ушёл на особо строгий режим.

Что это такое? Для просвещения обывателя скажу: особо строгий режим предусматривает работы в каменоломнях, на цементном заводе, содовых печах, производстве стекловаты. Питание на 22 копейки в сутки. Как правило, срока 15 лет. Смертность на таком режиме, в зависимости от зоны и «хозяина», составляет 10–20%, спасаются в основном саморубы (рубят себе пальцы, затем ещё и ещё, дальше — руки, ноги). С какой целью? Поехать для лечения в сангородок, тем самым хоть как-то попытаться по другой норме довольствия.

А самоволка Попова заключалась в том, что он, по договорённости с конвоем, сходил на свидание с заочницей, а по дороге в зону его увидел и задержал начальник лагеря майор Таран, кстати, сам многолетний наркоман. Зэк не выдал конвой (был отпущен часовым за литр водки), и получил новый срок за «побег». Таковы законы жанра.

Наступил 1967 год, как-никак — 50-летие советской власти, многие ждут амнистию. 1 ноября в газете «Известия» напечатано письмо ангажированного английского писателя-коммуниста Джеймса Олдриджа (помните «Последний дюйм»?) его «Ответ поэту Андрею Вознесенскому», из которого станет ясно, как трактуется свобода слова, собраний, демонстраций и выступлений в СССР и в Англии. Весьма занятная параллель, попытка объяснить

подневольному народу его мнимую свободу и неоспоримые преимущества счастливого существования совка.

Но попытки безрассудных побегов заключённых продолжаются, начальство, препятствуя побегам, распространяет слухи о предстоящей амнистии. У меня нет розовых очков, понимаю, амнистии не будет. Ко мне обращаются с вопросом: будет ли амнистия? Отвечаю: нет, не будет, не ждите. Объясняю почему, и дообъяснялся.*

Вскоре попадаю в поле зрения КГБ. Как узнал? Однажды подходит ко мне начальник режима капитан Данадоев, и спрашивает:

— А зачем к тебе приезжали из КГБ?

Отвечаю:

— Никто ко мне не приезжал.

Тот ошарашен ответом, недоумённо переспрашивает:

— Темнишь?

Повторяю, что я ничего не знаю, никто меня ни о чём не спрашивал. Разошлись, я стал прокручивать в голове прожитый день на рабочем объекте.

И тут мне вспомнилось, что весь прошедший день за мной кто-то наблюдал с вышки и что, как мне показалось, даже фотографировал. Когда по производственной необходимости я уходил в другой конец зоны, то вскоре и здесь видел на вышке силуэт второго человека. Хотя по уставу караульной службы рядом с часовым посторонних лиц быть не должно.

И что всё это вполне стыкуется с вопросом начальника режима. Кто-то меня фотографировал или снимал на камеру. Однако пронесло.

* Я угадал, из всей зоны лишь одному заключённому снизили срок наполовину. Оставалось двадцать месяцев, снизили до десяти месяцев. То есть по амнистии на второй день ни один человек из лагеря не вышел.

Вскоре при очередном обыске у меня отбирают тетрадь со стихами, в числе прочих, «Гимн Портному», «Гимн флибустьеров», реквием «Яблоня», посвящённый разорению русской деревни — коллективизации, который будет опубликован спустя двадцать один год в журнале «Литва литературная». Если первые два гимна — сплошные абстрактные аллюзии, то «Яблоня» написана прямым языком, даже, по выражению прозаика Бориса Черныха, тяжёлым ломиком. Чтобы получить свои тетради обратно, пришлось записываться на приём к замполиту. Нас, пишущих, оказалось трое, пришли, ждём. Наконец замполит спрашивает:

— Ваши тетради?

Отвечаем:

— Наши.

— Хотите получить?

— Да.

— Тогда пишите заявления!

А у самого, от предчувствия поживы, сладострастная, легавая стойка. Я, предвидя подвох, писать, отказался, о том же самом намекнул своим приятелям. Те согласились со мной, писать заявление никто не стал. У каждого были строки, тянувшие на хороший довесок к нашим срокам. То есть — сразу бы законопатили на особо строгий режим! Пронесло и на этот раз. Капкан не сработал.

В ноябре 1967 года в адрес администрации п/я 272/16 пишу заявление на условно-досрочное освобождение и в колонию на поселение. Пишу из принципа, знаю, что не отпустят. Поэтому заявление звучит вызывающе: *«За пятилетний срок пребывания в местах лишения свободы я многократно был свидетелем, когда на свободу по УДО выходили неисправимые картёжники, наркоманы, пьяницы, чифиристы, воры, бандиты, патологические убийцы, гомосексуалисты и садисты всех мастей и оттенков. Не имея в себе этих пороков,*

надеюсь на объективное рассмотрение заявления на предмет моего перевода в колонию поселения».

Вызывают в спецчасть, предлагают переписать текст заявления. Отказываюсь, и продолжаю сидеть. Но у гражданского начальства СМУ числюсь хорошим геодезистом, до этого успевшим поработать бригадиром и мастером строителем, бригадиром электромонтажной бригады, замерщиком-проектировщиком, кабельщиком. Из чертёжников меня и перевели в геодезисты. Вскоре по спецнаряду (с моего согласия) из Усолья-Сибирского, со строительства объекта «3100», переводят на строительство огромного завода огнеупорных материалов на станцию Половина. Сметная стоимость этого завода сто двадцать пять миллионов рублей. Генподрядчик — СМУ «Огнеупорстрой». Начальник стройки Иван Григорьевич Филиппов, главный инженер Виталий Эммануилович Гекман, старший геодезист Виктор Михайлович Разнобарский.

Из старого лагеря п/я 272/17, где был начальником майор Таран, добром хочу вспомнить лейтенанта Баландина, лейтенанта Харитонова, майора Маркова, лейтенанта Сёмина. И, как генетического придурка, с ужасом и презрением вспоминаю начальника режима, капитана Иванова, который станет систематически прессовать меня в новом лагере, куда он был также переведён за самодурство.

Железнодорожная станция Половина. О своих начальниках ничего плохого сказать не могу. Здесь вскоре и состоялись случайные беседы с начальником и замполитом лагеря, решившие мою судьбу. Буквально за два месяца до разговора с замполитом, близко к концу моей опасной одиссеи, когда я уже работал на стройке геодезистом, как-то в прорабку зашёл начальник лагеря п/я 272-1 майор Фёдоров, разговорились. Воспользовавшись его хорошим настроением, спрашиваю:

— Гражданин начальник, вы хоть из любопытства загляните в мой формуляр, узнайте, по делу ли я парюсь.

А он в ответ:

— Вы даже и представить себе не можете, сколько и каких только дел я за свою жизнь перечитал! У меня даже сидел мужик за двойное убийство.

Я ему:

— Это не в диковинку, есть и более того...

— Есть-то, есть, да здесь вся штука в том, что более и придумать трудно! У него не только первый, но и второй срок с перебором...

И рассказывает:

— Один *несчастный*, — (заметьте себе, так сказал начальник лагеря! Проговорился, что ли?) — вторично попадает за убийство. Циничное, подлое, немотивированное убийство. Так вот, этот псих, совершенно не таясь, средь бела дня хлопнул человека кирпичом по голове, и нет человека. Взяли. Допрос. В заторможенном состоянии всё подтверждает, ничего не отрицает. Скоротечное следствие, трах, бах и суд. Прокурор требует, как рецидивиста, расстрелять, заседатели и судьи, согласно статье, поддерживая обвинителя, кивают головами. Наконец дают последнее слово подсудимому. А он, выходя из ступора, только тогда и заговорил: «Граждане судьи, прошу дать поменьше, я уже однажды отсидел за него. Как так? А вот так, посмотрите дело, сравните фамилии пострадавших. Этот человек когда-то, никому не сказав ни слова, уехал из города, а меня обвинили в его убийстве и дали десять лет. Ни трупа, ни крови, ни ножа, ни топора, полное моё отрицание на следствии, в суде. И... полное безразличие к моей судьбе. Ни следователя, ни судей я не убедил, срок дали по полной — червонец. А теперь вы за него ещё и грозитесь расстрелять! Я за него авансом отсидел...» И что же? На расстрел статья действительно никак не тянула,

а вот свою пятёрку за хулиганство (ведь надо было приструнить бедолагу, чтоб другим было неповадно!) он всё-таки получил. А вы говорите, почитайте! Будьте, уверены, я за службу чего только ни начитался...

А мне, как всегда, хотелось брякнуть: «Не того он, бедняга, грохнул!»

Хорошо помню ошеломляющее появление «Ивана Денисовича...» Лагерное начальство, пытаясь «замылить», несколько месяцев не выдавало первый номер «Романгазеты» подписчикам. Чуть позже удалось прочитать сучью сагу Бориса Дьякова «Повесть о пережитом», журнал «Звезда», 1964 г. и относительно правдивую (изрядно романтизированную) повесть «Записки серого волка» Ахто Леви, журнал «Москва», 1968 г. И удивительно смелую поэму Александра Твардовского «Тёркин на том свете».

Мне удалось послушать песни Петра Лещенко «Здесь под небом чужим...», узнать о судьбе первого диссидента Валерия Тарсиса, его «Палате № 7», о процессе по делу Юлия Даниэля и Андрея Синявского.

Как-то один из лекторов, пока шла лекция, дал мне прочесть длинное стихотворение Евгения Евтушенко «Письмо Есенину». Прочитав его, я был настолько оглушён, что с одного прочтения и на всю жизнь его запомнил. Через сорок семь лет могу его прочесть по памяти.

Навечно врезались в память и рассказы очевидцев Норильского восстания 1953 года, и леденящие кровь свидетельства очевидцев Ангарской бойни между лагерными группировками в 1954 году.

Десять лагерей располагались по периметру строительной площадки, в каждом лагере было по двенадцати тысяч заключённых. Строительная площадка Ангарского нефтеперегонного завода вмещала сто тысяч строителей коммунизма. Воровской беспредел был беспредельным. Мужики долго терпели беспредельный пресс чеченцев, а потом вос-

стали. В назначенный день и час всех вырубали топорами и лопатами. После бойни несколько тысяч погибших чеченцев бульдозером сбросили в траншеи и залили бетоном.

Этот рассказ я слышал из уст вольных специалистов — наладчиков электрического оборудования, с которыми мне пришлось работать на строительстве объекта «3100», «Градирия» и завода «Карбид» в Усолье-Сибирском в 1964–1965 годах. При этом один наладчик говорит, а другой поправляет его, уточняя отдельные детали рассказа. Такое сочинить невозможно. Потом мне доводилось этот рассказ слышать в разных вариантах многократно. В реальности событий сомневаться не приходится.

Отсидев ещё почти два года после попытки уйти в колонию на поселение, совершенно неожиданно уже в п/я 272/1, после беседы с начальником лагеря встретил понимание со стороны замполита и всё-таки освобоёлся по двум третям.

Как-то на рабочем объекте разговорился с замполитом лагеря капитаном Хафизовым. На его задушевные вопросы резко ответил:

— Прежде чем, гражданин начальник, переливать из пустого в порожнее, лучше посмотрели бы мой формуляр. Честного человека даже состряпанное дело удивит.

И, видимо, удивило. Через несколько дней на доске объявлений нашёл свою фамилию. Нежданно-негаданно — представлен на административную комиссию. Там я получил положительную рекомендацию и представлен на следующий этап — наблюдательную комиссию. После чего повторно состоялся наш разговор с замполитом. Тогда он и спросил, дескать, почему я ни разу не написал ни одной надзорной жалобы на пересмотр дела?!

Я ответил:

— Отпусти вы одного, второго, третьего, а кто тогда вам коммунизм будет строить?

Но он понял ровно так, как я хотел сказать, да, не сказал, а он это всё прочёл в моих глазах и в моём тоне. И это было моё первое маленькое открытие: и в Системе встречаются люди.

Поскольку я не был активистом, а только нарушителем. Мне в вину ставилась незаконная переписка с волей (с редакциями газет). Так, в местной газете были опубликованы первые, попахивающие совковостью стихи «Память», «Раздумья», «Играют мальчишки в Гагарина...» За участие в вольнке, когда замполит самоуправно не выдавал подписчикам первый номер «Роман-газеты» за 1963 год со знаменитой повестью, карцер — за рискованные драки с блатными. Чтобы защитить свою честь и достоинство, я регулярно по утрам делал физзарядку, а в выходные дни негласно с друзьями занимался вольной борьбой. Если честно, то меня никто не ждал, дома не было. Поэтому шпану и урок, правда, сильно рискуя, — не боялся. Из двух с половиной тысяч заключённых на импровизированном ковре я проигрывал только одному буряту из Улан-Удэ, перворазряднику по вольной борьбе, Бахиту.

Хотя с участью своей я смирился, но расслабляться было нельзя, чтобы не попасть под наезды блатарей, тело своё держал в форме. Приключений не искал, но за себя постоять был готов ежеминутно. Кто мог постоять за себя, чтобы не «опарафиниться», тех они обходили и питались исключительно маломощной плотвой.

На суд начальник отряда капитан Попов меня не представлял. И когда судья попросил охарактеризовать «соискателя», то и двух слов, сказать в мою пользу было некому. Замполит Хафизов успел уволиться из Системы и уехал к себе на родину, в Казань. Повисла тишина. И тогда встаёт прокурор города Черемхова и аргументировано выступает в мою поддержку. Оказалось, что и в Системе могут быть люди. Я получил поддержку с той стороны, с какой

никогда и не ожидал. Семь курсов этих суровых университетов показали половиной моей сумбурной жизни.

Закаляет ли тюрьма человека? Кого-то закаляет, кого-то ломает. Кого-то, прости Господи, опускает, в прямом и переносном смысле слова. Создатель меня уберёт от первого, второго и третьего. В целом тюрьма — это неизбывный и, похоже, неискоренимый российский опыт. Для многих миллионов — опыт разрушительно-трагический... Как, собственно, и для всей страны, как никакой другой в мире, где самое большое число заключённых, наркоманов, алкоголиков, душевнобольных на тысячу человек.

И вот кошмарное ожидание утверждения вышестоящими инстанциями решения районного суда. Две томительные недели проходят в знакомстве с рабочим объектом и натаскивании залетевшего на три года маркшейдера из Черемхова Владимира Чихирькова, передача чертежей и исполнительных схем, знакомства с основными и вспомогательными реперами. То есть основными и многими повреждёнными бульдозерами, что частенько случается на «комсомольских» стройках, где зачастую, гарцуя, портят реперы пьяные бульдозеристы.

К тому же, маркшейдер — это шахтёрская и горная специальность, строительная геодезия — со своей спецификой. Сходу в неё маркшейдеры и топографы (знаю из опыта) войти не умеют, и вынуждены учиться у нас, самоучек. Раздариваю всё, что просят. Самодельные словари и справочники, даже дефицитный толстенный том таблиц Чемберса, применяемых для тахометрических съёмок... И впадаю в гнетущую невесомость подвешенного, полубормочного, полупьяного состояния, несколько бессонных ночей ожидания официального решения суда, и я шагнул за ворота.

В тот же вечер начальник геодезического отдела Виктор Михайлович Разнобарский вручил мне ключи от

своей квартиры в Черемхове, а сам на целую неделю уехал к своим родителям. Несколько дней уходят на психологическую адаптацию, фотографирование, получение паспорта, примитивную экипировку. Получаю паспорт, но с меня требуют расписку о неразглашении... Неразглашения чего? А всего виденного и пережитого. От возмущения отпрянул от стола, положил было ручку, но... ничего не попишешь. Выхожу-то по УДО. Ручка, в унисон сердцу, в руке дрожит. Подписываюсь.

Свобода реальна только в том случае, если есть право говорить и право молчать.

У меня нет права говорить. И всё-таки! Держу в голове: «Когда-нибудь я напишу».

Воля. Куда ехать после освобождения? К кому? После ключей клетки эйфория свободы нивелировалась моим обещанием начальству. Поэтому сразу я уехать не мог, так как дал слово остаться работать на стройке. Пыль станции Половина и угольный смог Черемхова кажутся самым пленительным воздухом, забытый воздух свободы разрывает лёгкие.

Чувствую в себе нестигаемый стержень: меня, слава Богу, не сломали, не коснулась житейская грязь. Двенадцатилетним подростком не закурил (для сугрева), когда в дождь пас коров, когда в плохой одежке ездил зимой в лес за дровами. Тринадцатилетним — не закурил в ремесленном училище, а в девятнадцать — от уныния не закурил на пароходе, от тоски в армии, с горя не закурил и в лагере, не попробовал наркотики, хотя, что скрывать, предлагали неоднократно, не стучал, никого не предал, уцелел в противостоянии с блатными. Господь провёл по краю пропасти, но из бездны вывел.

Жена, воспитанная в вечном страхе (что значит: мама — немка!), мимикрии и послушании начальству, оказалась очень даже не фронтовой подругой.

Из-за того, что я в 1961 году послушался её прогноза: «Не связывайся с Петровым. Он тебя раздавит!», в отместку за трагическое непослушание, участие в моей судьбе приняла минимальное, хотя переписывалась со следователем и досконально знала моё дело, но спасибо и за то, что мы регулярно с ней переписывались. Пока оставались деньги, пару раз посылала посылки.

И всё. Её вклад составлял 97 рублей. На руках оставался ребёнок. Таких денег для городской жизни едва хватало сводить концы с концами.

Может быть, письма жены, а позже, и дочери: *«Учительница у нас строзая, но справедливая...»*, наверное, такое милое письмо явилось спасительной соломинкой, удержавшей меня в житейской трясине.

После лагеря обменялись письмами. Жена пригласила к себе, но город-то был пограничный, закрытый! Клеймённых не пускают.

Предстояло жить порознь, на каком-то там километре от Владивостока. После смерти отца оставить мать одну она не могла, да и помешала редкая специальность — аэролог. Я обиделся: быть приходящим мужем не захотел, жить на птичьих правах отказался. В Приморье не поехал. И ещё на семь долгих лет заблудился на просторах отчизны.

ОТСИДЕНТ

*Свободных людей в России нет,
кроме нищих и философов.*

Михаил Сперанский

Кем я только в лагерях не работал: каменотёсом, электромотористом, плотником-бетонщиком, кровельщиком, землекопом, штукатуром, бригадиром строительной бригады, мастером-строителем.

Но поработал и по основной специальности — электро-монтажником, кабельщиком-спайщиком, бригадиром электромонтажной бригады, замерщиком-проектировщиком электрических сетей и коммуникаций. Под конец срока, став чертёжником и сдав экзамен по программе Учебно-курсового комбината (УКК), стал геодезистом-строителем.

В выходные и праздничные дни я проводил шахматные турниры, несколько раз давал сеансы одновременной игры (с результатом во много раз лучше, чем показывали приглашённые с воли кандидаты в мастера), в том числе на трёх досках играл вслепую.

При долгих подсчётах, проверках и поголовном повторном пересчёте заключённых, в строю и при всякой свободной минуте, стал в уме сочинять шахматные задачи и этюды. Но и в лагере я занимался рационализацией строительного процесса, авторитет мой у начальства был настолько прочным, что несколько раз на предпусковые, сдаточные планёрки (с участием крупного начальства из министерства) приглашали именно меня, «забывая» пригласить моего начальника отдела геодезии. Почему? Я на память знал все ГОСТы и СНИПы, все отметки реперов на объекте, количество железобетонных конструкций, поступивших за день в ассортименте, и всю спецификацию металлических закладных и конструкций, иногда

по несколько сотен на один этаж; по каждому этажу цеха в отдельности и в целом по объекту, в течение недели и месяца, часто, помогая прорабам, составлял на них заявки.

Знал на память все марки колонн, ригелей, балок и консолей, плит покрытия и перекрытия, типы фундаментов, чего завезли с избытком, чего не хватает. Все исполнительные схемы монтажных работ сдавал по первому требованию субподрядчиков и, главное, — без ошибок.

И за всё время работ не было ни одного случая брака по моей вине. Только скрупулёзным отношением к работе можно было претендовать на место под солнцем, на лёгкий труд строителя-геодезиста. Я строил цеха размером 314x90 метров на станции Половина, монтировал железобетонные и стальные фермы габаритами в 36 метров. А в Усолье-Сибирском работал на строительстве заводов «Карбид», «Найрит», «ПК-2» (производство медно-хлорной продукции), строил водородную насосную (для утилизации попутного газа), отдельные цеха высотой в 56 метров и трубы высотой 120 метров, заливал бетоном фундаменты объёмом 760 м³. Те цеха и заводы, где мне довелось работать рядовым бетонщиком, перечислю лишь вкратце: завод горного оборудования», «ЛВЖ» (легко воспламеняющиеся жидкости), «Сользавод», «Химфармкомбинат» и другие производства.

На электромонтажных работах прокладывал высоковольтный (110 киловольт) кабель, сооружал фундамент и заливал бетонный защитный кожух высотой 16 метров, а потом монтировал уникальный немецкий трансформатор напряжением 110 киловольт/220 вольт и весом 150 тонн.

И кого я только за свой срок ни видел! Встречал ли поэтов? Да! Прежде всего, это: талантливый поэт и переводчик с немецкого Анатолий Могильников, срок пятнадцать лет, Геннадий Плюснин — десять; Геннадий Клименко —

десять. Помимо патологических убийц, воров и грабителей, какой только *шерсти* ни повидал.

Например, несчастный сиделец Вениамин Александрович, бывший учитель, после нескольких лет работы в школе впал в прогрессирующее слабоумие. Из системы образования уволили. Стал работать складским рабочим. Завсклад ему во всём доверял. Этим воспользовались грузчики и уговорили *сорокалетнего ребёнка* на время обеда закрыть их в складе. Они провели там свою «ревизию», а когда обнаружилась пересортица и крупная недостача, то этому стрелочнику дали восемь лет.

Бухгалтер Владимир Салямон – недостача 800 рублей – срок 8 лет.

Инженер Борис Клепиков – недостача 1200 рублей – срок 8 лет.

Начальник СМУ Александр Митлаш – хищение (за личные купил для СМУ монтажный трос за 300 рублей) – срок 3 года.

И для контраста: начальник базы снабжения Ленского водного бассейна Гаранин несколько лет с проверенными шкиперами умышленно топил на Лене грузовые баржи со спичками, солью, махоркой, топорами и пилами. А по документам на этих баржах числились дорогие костюмы, радиоприёмники, коньяки, часы, духи, холодильники, мотоциклы. Организатор получил 8 лет.

Коммерческий директор Воронежского авторемонтного завода Сергей Борисович Уманский – хищение на сумму 38 тысяч рублей – срок 7 лет.

Были сидельцы и коварного поведения. Так, Владимир Ясонович Поторайко обворовал магазин. Был уличён, но следователю объявил: обворовать магазин его подговорил завмаг, чтобы скрыть недостачу. Завмаг всё отрицал, но суд приговорил его к 8 годам ИТЛ, а воришка (совершенно жалкий на вид человечиско) получил три года услов-

но. Завмаг сидит, пишет во все инстанции, а инстанции отвечают: следствие проведено исчерпывающее, срок по заслугам. Так и отсидел бы он свой срок, если бы воришка повторно не попался на новом деле. Тогда завмага отпустили, а воришке дали завмаговские 8 лет.

Или боцман с какого-то СРТ острова Парамушир Северо-Курильского рыбколхоза Борис Луньков за ненормативную лексику получил три года. Он одно время был в моей бригаде. Видя явную его неадекватность, я просил администрацию освидетельствовать бригадника. Начальник лагеря майор Таран мне сказал:

— Знаем, знаем мы таких. Веди его, субчика, на работу! Пусть не гонит!

И вот незадолго до конца срока он гвоздём выковырял себе глаз. Кто-то подъялдычил беднягу, и он стал старательно искать и пересчитывать «потерянные вальты». Я напомнил о моём предупреждении начальнику отряда лейтенанту Новоявчикову. Тот, не стесняясь, ответил:

— Забудь. Ты мне ничего не говорил!

И таких драматических случаев полным-полно. То упадёт кран, порвётся трос, взорвётся газовый баллон, падение с лесов и тому подобные мелкие крушения.

Каждая такая стройка, обходится стране в 5–7 несчастных строителей. В среднем по 1–2 человека в год.

Это не считая самоуправства конвоиров, с лёгкостью (не по уставу) пускающих в ход свои автоматы. Что поделаешь, большая страна, ущербные законы, лукавые законники, косоокая Фемида.

Больные и строители коммунизма.

Одним строителем больше, меньше — потеря невелика.

«радость»

*Реформу нравов следует начинать
с реформы законов.*

Клод Гельвеций

*Все животные равны, но некото-
рые животные равнее других.»*

Джордж Оруэлл

Законны партийная шпана писала под себя, потому реформами нравов не заморачивалась. Все годы существования Системы они были равнее других. Статус-кво номенклатуру полностью устраивал.

А всё остальное общество, словно загнипнотизированное, неудержимо манили Зияющие высоты. Сталинскую конституцию можно было не переписывать. Требования диссидентов дальнейшего соблюдения советской конституции не распространялись.

Точную оценку коммунизму дал лишь лауреат Нобелевской премии академик Лев Ландау: «Русский коммунизм и немецкий национал-социализм — это одно и то же...» Эту же мысль в 1945 году в письме Сталину развивал глава русской фашистской партии, арестованный СМЕРШем харби-нец Константин Родзаевский...

Садился я в 1962, а освободился строитель коммунизма в сентябре 1969 года. Тогда не было только мяса и масла, а освободился — шаром покати! — нет ничего. После двадцатилетнего скитания по городам и весям отчизны — Находка, Ванино, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Владивосток, Северный и Южный Сахалин, его восточное и западное побережье, острова Шикотан, Кунашир, Зелёный, Уруп, Итурупу, Кольский полуостров, Камчатка, Одесса, снова Камчатка и снова Сибирь... Осенью 1969 года я очутился на станции Половина Иркутской области.

Погожий сентябрь, бабье лето, стоптанные сапоги, старая одежда. Износил брюки до самых пуговиц. Решаю приодеться, да не тут-то было. В ближайшем поселковом магазине ничего нет. А нужно — сущие пустяки: к зиме шапку и пальто, какой-нибудь костюм, запасные брюки, две пары белья, пару рубашек, обувь. В общем, — самое необходимое. Я работаю геодезистом в строительно-монтажном управлении «Огнеупорстрой». Мои непосредственные начальники — Иван Григорьевич Филиппов, главный инженер Виталий Эммануилович Гекман и старший геодезист Виктор Михайлович Разнобарский.

Досуг провожу в шахматном клубе города Черемхово, где вскоре знакомлюсь с залётным москвичом Юрием Штыковым, сыном сталинского генерала. А он знакомит меня со своим школьным другом, сыном знаменитого Лазаря — Юрием Лазаревичем Кагановичем, начальником планово-экономического отдела треста «Огнеупорстрой», также залётным, попавшим вместе с сыном бывшего министра обороны Малиновским под тотальную зачистку столицы.

Малиновский в Иркутске, дочь Ольги Ивинской Ирина, по слухам, находится в Ангарской психушке, а Галина Белая в Усолье-Сибирском. От неё и узнаю о судьбе Валерия Тарсиса, первого и бескомпромиссного диссидента нового времени. Ставший известным на Западе за свою «Палату...», за это был брошен в психушку, а после оболган и выслан из страны в 1966 году, в самом зените славы Солженицына.

Живу в общежитии, обедаю в столовой, завёл электроплитку и кое-какую посуду, завтракаю и ужинаю у себя в комнате. Из окна видна транссибирская железная дорога, по которой с запада на восток, после событий на острове Даманском, демонстративно, каждые пять минут проносятся эшелоны с танками. Из трёх магазинов на

станции Половина один называется «Радость». Говорят, в соседнем посёлке есть ещё одна «Радость». В голову не беру, радость, так радость. Мало ли что. Но одеться не во что. Ни одной нужной вещи в поселковых магазинах нет. И это не радует.

В ближайшую субботу еду электричкой в Усолье-Сибирское, но нет и там. Знатоки подсказывают: искать надо в глубинке, в совершенно неожиданных местах, например, на московском тракте. В ближайший выходной, взяв походный рюкзак, отправляюсь со станции Половина в сторону шахтёрского города Черемхово. Всего-то сорокакилометровое пешее путешествие. Как оказалось, очень познавательное. Делаю открытие: каждый магазин на моём пути называется «Радость». Иду от посёлка к посёлку, от магазина к магазину, а порадоваться нечему. Сердце заполонила грусть. Решаю что-нибудь перекусить. И только тут ощущаю полноту номенклатурной шутки. В магазинах только хлеб. И... *ржавая селедка, капуста, свёкла, зелёные помидоры, огурцы*. Разумеется, маринованные. Да ещё соль, спички, сахар, килька в томатном соусе и водка — больше ничего нет. Ни мяса, ни колбас, ни масла, ни сыра, ни мясных консервов, нет даже растительного масла, а лишь неопрятное месиво комбижира да серые куски какого-то пыльного, залежалого маргарина, каким торгуют в лагерных ларьках.

Представьте себе: такое вот вопиющее изобилие в стране победившего социализма! И это на пятьдесят втором году советской власти! И за одиннадцать лет до обретения земного рая, построения обещанного вождами коммунизма! До которого страна всего в двух шагах, точнее, в двух пятилетках. А вокруг — ни штанов, ни продуктов, шаром покати — нищета! И всё это при наших-то необъятных географических просторах, изобилии рек и озёр, лесных и охотничьих угодий, да чернозёмных залежах! Это какие

такие умные головы додумались до такого результата? Как же надо было руководить страной, чтобы получить такие сокрушительные итоги?!

И лишь в постсоветские, девяностые годы мне удастся познакомиться с дореволюционной статистикой, из которой узнаю, что в Сибири (при царе-батюшке) было перепроизводство масла и мяса, что сама Сибирь потребляла только 3% от валового производства, остальные 97% шли на экспорт. Барабинское, курганское и вологодское масло доминировало в Голландии, Германии, Франции, Дании. А качество этого масла было таким, что неоднократно на всемирных промышленных выставках оно получило золотые медали. В Кулундинские и Барабинские степи на летний откорм пригонялось до ста тысяч голов крупного рогатого скота.

Никакие мы были не отсталые! Россия по ВВП была на четвёртом месте в мире, а по темпам роста — абсолютно на первом! Примерно как нынешний Китай. О колоссальных урожаях пшеницы, овса и ячменя и говорить нечего. По величине дохода нефть в бюджетной строке была на девятом месте, о газе и не слыхивали. Разгромленный под Порт-Артуром и Цусимой флот через шесть лет Россия восстановила, построив качественно новый.

Но после бездумной коллективизации российской деревни, перелома станового хребта самой России, после того, как вывезли хлебороба в заполярную тундру и цинично скормили голодным волкам и песцам, всякое изобилие навсегда исчезло. Всё стало дефицитом. Даже подсолнечное масло.

Осмелюсь высказать крамольную мысль. Не сокруши Сталин русскую деревню, не уничтожь вольного хлебороба, то Гитлер никогда бы не посмел напасть на Россию. ореол освободителя русского мужика с него бы сбили уже в приграничных боях. И уж совершенно точно — никто бы

не стал встречать фашистов хлебом-солью... А ведь встречали, и не только на злопамятной Украине, но и в Подмосковье.

В последние тридцать лет победоносного коммунистического правления страна ежегодно закупала десятки миллионов тонн зерна; кроме того, фрукты, ягоды, джемы, колбасы, сыры, различные консервы. Разумеется, всем этим в первую очередь снабжалась кремлёвская элита, Политбюро и ЦК КПСС, сатрапы союзных республик, сотни ведомств, министерств и генералитет, академия, затем столицы союзных республик, а чтобы моряки не видели разительного контраста – морские порты. И для остальной мелкой советской номенклатуры снабжение было значительно скромнее, но было. Остатки номенклатурного изобилия направлялись для нужд платёжеспособной части населения, которая была безумно счастлива. Более того, гордилась причастностью к сытым мира сего.

СССР покупал излишки продуктов и у солагерников: Венгрии и Польши, которые (ценой крови восставших рабочих 1956 и 1957 гг.) добились отмены колхозов, а затем и основательных успехов в сельском хозяйстве. Люди там стали жить без очередей за мясом и маслом, при изобилии всех других продуктов. Наши правящие ортодоксы пагубное положение страны не видели, а редкую правдивую информацию игнорировали.

Формально отменив проволочный ГУЛАГ, номенклатурные небожители продолжали сохранять Агрогулаг со многими признаками крепостных отношений на российской равнине и вопиющими феодальными отношениями в Средней Азии.

Потому и проводили ежегодные закупки всего спектра сельскохозяйственных продуктов. Рекорд был поставлен в 1988 г., когда было закуплено 40, и в 1989 г. 60 млн тонн зерна. Не спасла и целинная эпопея 1954 года. Начиная

с 70-х годов во всех крупных административных городах повсеместно функционировала талонная система.

А в районных центрах и посёлках городского типа вообще о продуктах не заикались. Их просто не было. Не было постельного белья, полотенец, штанов и обуви. В политическом закулисье, различных кулуарах, в рабочих курилках, НИИ множилось число циников, сочинителей убийственных антисистемных анекдотов, в том числе и в адрес самого бровеносца, к которому Жуков заезжал на Малую Землю.

По-видимому, кто-то из шутников — идеологов будущих реформ — знал о существовании в годы Гражданской войны столовых под названием «Убедись» и «Примиришь», о которых в мемуарной книге «Звериада» упомянул полярный лётчик-отсидент Николай Львович Кекушев.

Вот и придумали аппаратчики аналогичную «Радость»...

ПОДНАДЗОРНЫЙ

*Мужество выше скорбного терпения,
ибо мужество, пусть оно окажется
побеждённым, предвидит эту возмож-
ность.*

Георг Гегель

1970 год. Отработав пять месяцев вольным геодезистом (по другую сторону колючего забора) на строительстве завода огнеупорных материалов на станции Половина и чуть приодевшись, поехал к сёстрам на Украину. Порознь живём уже свыше двадцати лет, а последний раз виделись восемь лет назад, но привычка слушать старших сестёр осталась. По их совету я в феврале 1970 г. поступил электрослесарем первого разряда на предприятие коммунистического труда (иные работяги злословили: «педерастического труда») – Котовское ремонтно-локомотивного депо имени Трудового Красного Знамени и ордена Октябрьской революции.

Приказная экономика базируется на потогонной системе: начало и конец работы – по звонку. На доводы начальству, что у меня в трудовой книжке записан шестой разряд и я работал бригадиром на заводе ЖБИ мастером, проектировщиком и бригадиром электромонтажной бригады, кадровик и ухом не повёл. Все восемь часов без перекура – за сто двадцать рублей в месяц. У меня был опыт работы мастера, сам выписывал наряды и прилично разбирался в расценках. Пошёл в отдел труда и заработной платы разбираться.

– Почему за такую тяжёлую работу так мало платят?

Отвечают:

– По калькуляции.

— Но калькуляция предусматривает другие расценки за дополнительные технические трудности (высоту, температуру, освещённость, стеснённость и т.д. и т.п.). К прямым расценкам — ещё и поправочные 10%–20%–30% — коэффициенты, которые должны в итоге суммироваться.

Смотрят, как на полоумного. Вскоре мастер требует, чтобы я перестал в коллективе мутить воду, иначе мне никогда не видать даже второго разряда! Вскоре мои догадки, что нас, рабочих, цинично обманывают, подтвердились. Во время поездки (проходила спортивная олимпиада железнодорожников) на соревнования в город Николаев по дороге заехали в локомотивное депо Одессы. И там из первых уст самих рабочих узнали, что точно за такую же работу ремонтникам-одесситам платят сто восемьдесят рублей. Ровно в полтора раза больше, чем нам. Но лучше бы я послушался сестёр и обошёл стороной эту контору. Уже в июне того же года за отказ поехать в колхоз на прополку кукурузы был поставлен под гласный надзор.

А весь мой грех состоял в таком диалоге:

— Вы почему, уважаемый, не поехали в колхоз?

— А что мне там делать?

— Что и всем. Надо помочь селу.

— Но я не разорял село, не мне и помогать.

— А кто его разорял?

— А вы ребят из серенького домика спросите, они знают...

А в сереньком домике как раз и располагался райком партии города Котовска Одесской области. Районный город — это не столица, в которой подобный трёп ещё не так резал слух совка. Я до сих пор хорошо помню радостную суетливость, можно сказать, счастливое лицо мастера-стукача, уверовавшего в удачную возможность отметиться перед органами. Немедленно состоялся стук.

Через неделю вызывают в милицию, отбирают паспорт, а ещё через неделю вызывают повторно и вручают

его с несмываемым клеймом: «Положение о паспортах», заставляют расписаться в сучьей ведомости, а там чёрным по белому написано, что такому-то «имя рек — надлежит раз в месяц отмечаться в милиции, запрещается находиться на улице после 22:00 часов вечера».

Я в тот же день, не ожидая возможного наезда ребят в хромовых сапогах, сжигаю свои стихи, дневники, различные черновые заметки и записи. Жду дорогих гостей...

И такая в ту пору поселилась во мне отчаянность, что о себе я думал меньше всего. Но зная драконовские порядки пролетарского государства, не захотел вторично подводить своего родного брата, который в то время служил командиром батареи в ракетных войсках в Прибалтике. Как мне думается, на службе он удержался только благодаря тому, что был воспитанником детского дома. Подобные детдомовские кадры — как в средние века у турок — будущие янычары. В данном случае, в отличие от моей одиссеи, всё решило его безупречно совковое детдомовское воспитание: шпионер—комсомолец—коммунист, а дальше — удачная женитьба на партийной даме.

Чего у меня не было и в помине. Я врагов народа не любил, более того — презирал. Принципиально не ходил на производственные собрания, а если попадал в облаву и загоняли, то никогда ни по одному вопросу не выступал. Предпочитая слыть юродивым, я не ходил на дружину, не ездил в колхоз, под разными предложениями игнорировал работы в овощегноилище, никогда не ходил на выборы, рискованно отвечая:

— А за меня уже давно выбрали!

На уточняющие вопросы отвечал:

— А что вы с дурака хотите? Дураком родился, дураком и помру.

И продолжал бездумно ишачить, укрепляя оборону системы. Мне нравилось делать то, что было не по силам ди-

пломированным инженерам: отремонтировать сложный станок или настроить технологическую линию.

Ночь в полночь вставать с постели, ехать на завод и хоть до утра устранять неполадки. Но чаще всего устранял неполадки в пять минут, за что ценили и доверяли работу бригадира, а затем и должность энергетика. В этом и состоял мой крестьянский и отчасти староверческий характер. Упорный и производительный труд.

Но как сейчас привить народу трудолюбие? Если снова и снова Система дурит труженика. А за мифические бонусы (утеха стариков-пенсионеров) никто трудиться не станет. Ведь уже работали за палочки-трудодни. И что получили? Нищие пенсии...

Из совковых букварей знаем, что советское государство хоть и создавалось профессиональными революционерами, но на самом деле — мафиозным кланом. И по мафиозным же лекалам.

Рэкет, налёты на пароходы и банки, частных лиц, подделка завещаний. В правительстве и околоправительственных кругах в разные годы были вчерашние боевики-налётчики, в арсенале которых были громкие экссы, тихие подделки векселей и денежных знаков.

Но и по сей день в наших головах сидят непогрешимые кумиры: Сталин, Фрунзе, Камо (Тер-Петросян). Вот почему среди нынешних силовиков, киприотов-патриотов столько коррупционеров и откровенных стяжателей, духовных и генетических наследников фальшивомонетчиков и валютчиков-фармазонов Красина, Богданова, Литвинова, Семашко, верных соратников Ленина, именами которых названы сотни улиц, предприятий и вузов. А сколько идейных бандитов рангом поменьше: Нестор Махно, Саша Лобов, Нестор Каландарашвили, приморские Краснощёков, Шевченко и другие. Но разве это все? Имя им — легион.

Котовск (до революции — Бирзула) городок маленький. Здесь в привокзальном сквере упокоен бывший бандит и удачливый налётчик, помилованный во время Первой мировой войны самим генералом Брусиловым; чудом избежавший виселицы, харизматически-крупный, а затем запредельно героизированный, командир Красной армии, а на самом деле — кровавый подельник Тухачевского, палач тамбовских крестьян, известного Антоновского восстания.

В районном городке моё клеймо, как родимое пятно, у всех на виду, а зарплата просто смешная, подработать негде. Что прокажённому было делать? Ко всему прочему, я успел жениться на бывшей секретарше из первого отдела ракетной дивизии, живу на территории гарнизона. Часть режимная, жена сообщает, что комендант грозит забрать у меня пропуск. Пошли в ЗАГС и зарегистрировались.

Я тогда только что стал чемпионом города по блицу. Пошёл к Володе Бодюлу, покровительствовавшему мне (универсальному игроку во все настольные игры, державшему в руках Котовск), родному племяннику первого секретаря ЦК Компартии Молдавии Ивана Ивановича Бодюла. Как быть, что делать? А у того на меня были свои кадровые виды, ещё до этого казуса он мне сделал предложение стать директором спортивного стадиона. Поговорил с ним, объяснил ситуацию. Он обещал перемолвиться с милицейским начальством. Через день сообщает:

— Иди.

Собралась со мной и жена. В городе Туркестане жила её родная сестра. К этому времени получили от неё письмо с приглашением приехать. Забегая вперёд, скажу, что уже в июне следующего года на новом месте у нас родится дочь Оксана, умница, в два года стала читать.

Прихожу в милицию, спрашиваю начальника паспортного стола:

- А можно мне уехать в Среднюю Азию?
 - А куда конкретно?
 - В город Туркестан Чимкентской области.
- У приказной моли последовал вздох облегчения:
- Валяй! Хоть сегодня.

Так невольно я помог в его повседневном труде в том числе и коменданту гарнизона, грозившему лишить меня пропуска в военный городок, где мы жили с женой. Не надо будет им всем составлять рапорта и ежемесячные отчёты о моём поднадзорном житье-бытье. Позже узнаю, Чимкент был для разных категорий ссыльных одним из основных анклавов.

Пока я бодался с Минотавром, Вождь всего прогрессивного человечества за подавление танками чехословацких рабочих за их попытку сделать социализм с человеческим лицом в тот год получил орден Героя Чехословакии и орден Клементы Готвальда. А несколько российских интеллигентов за демонстрацию солидарности с чехами, авансом получив ногами по зубам, были посажены в лагерь.

Принимаю решение ехать в Туркестан, прощаюсь с сёстрами и племянниками. У меня всего один костюм, запасные брюки, две-три рубашки, пара галстуков, чемодан и рюкзак. Известно, бедному собраться, что голому подпоясаться. Я подпоясался и в который раз в жизни поехал в неизвестную Азию, знакомую мне лишь по роману Мухтара Ауэзова «Абай» да по роману Садриддина Айни «Рабы».

С горечью вспоминаются слова Высоцкого: «*Закрыт закрытый порт Владивосток...*», где живут мои любимые жена и дочь, куда прокажённому въезд запрещён.

ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ

А как вы думаете, народ намеренно удерживается на низком духовном уровне?

Иван Ефремов

Не надо иметь интуицию фантаста. Конечно же, на низком уровне, если не скотском, очень удобном для властей уровне. Снова стучат колёса пассажирского поезда. За окнами вагона мелькают безводные полустанки. Позади Волга, оренбургские степи, Аральское море, бесплодная просолённая земля, бывшая крепость Кокандского ханства Ак-Мечеть, со второй попытки штурмом взятая русскими ещё в 1853 году. На короткий период ставшая столицей Казахской ССР под названием Кзыл-Орда (Красная Орда).

Голодная степь получила свое название после обобществления аборигенов в колхозное стадо, когда у кочевого народа от тотального падежа скота наступил невиданный в мире голод (джут). Из 40 млн голов овец осталось только десятая часть. Тогда-то от людоедского эксперимента погибло более миллиона казахов, второй миллион откочевал в Китай, а третий миллион собрался у железной дороги и у пассажиров проходящих мимо поездов, ежедневно умирая тысячами, стал просить спасительную милостыню. Именно тогда степь и получила название Голодной. А сытые вараны необыкновенно расплодились. Кто не мог, есть человечинку, — ел песок, как, например, сквозной герой рассказов Андрея Платонова... Но, чтобы написать про утоление голода песком, пришлось Андрею Платонову надеть маску юродивого, косноязычного писателя... в дополнение к Хармсу и Добычину, как позже писателям новой генерации Василию Шукшину, Веничке Ерофееву, Вячеславу Пьецуху...

И вот наконец добротный железнодорожный вокзал постройки 1911 года. И на девяносто процентов глинобитный город Туркестан со своей средневековой достопримечательностью – постройкой XIV века, уникальной мечетью-мавзолеем Ходжи Ахмеда-Ясави диаметром 40 метров и с куполом высотой 40,5 метров, без единой колонны. Но главная уникальность этого памятника архитектуры в том, что мечеть построена из необожжённого кирпича-сырца.

Не раздумывая и не выбирая, на второй день выхожу на работу. Через неделю уже был назначен бригадиром на заводе ЖБИ. Электрохозяйство большое, только десять различных моделей кранов. Монтирую башенный кран новейшей модели, а далее сложное сварочное оборудование, много лет пролежавшее на складе, настраиваю различную аппаратуру, в том числе линию предварительно напряжённого бетона. Удачно внедряю несколько рационализаторских предложений, хозяйственным способом, с согласия энергетика, строю электроремонтный цех, а после основной работы хожу на подработки. Меня замечает начальство, через год предлагает стать главным энергетиком. Но я, помнил, что, принимая на работу и побеседовав со мной с полчаса, энергетик сообразил, что я с электричеством на «ты», не раздумывая предложил должность бригадира, а вскоре с его подачи я получил трёхкомнатную квартиру. Вопреки всем кадровым крючкотворам, что вытворяли со мной в Котовском депо, сразу же без испытательного срока дал высший – шестой разряд. Я не мог ответить энергетика чёрной неблагодарностью и, устояв от подленького искушения, предложение начальства не принял. Хотя, признаюсь, трудно всё время жить враздрай. Ведь тебя-то лоханули, развели, подвели под монастырь и в конце концов лишили свободы – посадили. А тут – собственной персоной в руки шла удача, а ты, несчастный

чистоплюй, сам оттолкнул руку фортуны. Подумаешь, подумаешь, да и матюгнёшь себя за своё чистоплюйство, а затем десять раз кряду сам себя и похвалишь: молодец, не купился, не поддался искушению, не сподличал! Хотя ты и клеймённый, но внутренне безупречно чистый... И с новыми силами глядишь в завтрашний день. Хотя он беспросветно-серый. Потому что ты безвинно клеймённый совок, человек без будущего. И среди совков тебе никогда не быть своим. Ну, воровал бы, как все, юлил и подличал, дружно голосовал на собраниях, подобострастно бы поддакивал начальству, и все беды минули бы твою забубённую головушку...

Всё-таки моё природное трудолюбие заметили в соседней организации и вскоре пригласили на должность главного энергетика ПМК-8 треста «Южводстрой», строившего каналы, арыки, дороги, плотины и водохранилища. Предложение принял. Забыв душевную травму, с упоением дурачка принимаюсь за рационализаторскую работу. Вдоль и поперёк мотаюсь по пескам Кызылкумов, Каракумов и Муюнкумов, горам Каратау, налаживаю перемотку тормозных катушек и электромоторов, катушек возбуждения для передвижных генераторов, ремонтирую электростанции, налаживаю техническое снабжение, участвую в разметке высоковольтных линий передач в горах, налаживаю безаварийную работу подстанций и котельных, испытание кабельных линий.

В общественной жизни участия не принимаю, зато участвую в реставрации мечети-мавзолея, за что, наверное, позже и наградят ленинской юбилейной медалью. Три с половиной года изнурительного труда. Аксай, Чулак-Курган, Тамерлановка, Тюлькубас, Манкент, Майдамтал, Сузак, где в 1930 году вспыхнуло антиколхозное выступление местного населения. Ночной рейд восставших, вероломная гибель кавалерийского эскадрона и кровопро-

литно-бесшумное взятие «басмачами» города Туркестана. В копилке памяти откладываются беседы с уцелевшими участниками и свидетелями этих драматических событий. Всем моим собеседникам едва перевалило за шестьдесят лет, они всё хорошо помнят и, не стесняясь, рассказывают, как при помощи пулемётов отстояли железнодорожную станцию Туркестан...

Переезды в сорокаградусную жару по безводным пескам на расстояние в 250 километров для человека, рождённого в северных широтах, — за гранью разумного. Работаю, как ишак, без отдыха и выходных, организую техническую учёбу своих тупых электриков с дипломами инженеров. Выписываю журналы по специальности и различные технические справочники, продолжаю работать над созданием универсального «Справочника электрика-практика», заполняя его экзотическими рецептами. Например, просверлить стекло, закалить отвёртку, закалить нож для резки горячего стекла, отпустить или закалить медь, перемотать электромотор или магнитную катушку на другое напряжение, сделать мини электросварочный аппарат, определить в полевых условиях состояние трансформаторного масла, нагрев шин на высоковольтной подстанции и т.д. В голове схемы, схемы, схемы, в том числе мной придуманные. В шахматы не играю, даже с соседями.

1973 год. Все знают, дурака работа любит.

Союзные лидеры арабского мира осаждают наше правительство просьбами открыть доступ к среднеазиатской культовой и архитектурной достопримечательности — мечети Ходжи Ахмеда-Ясави. А Туркестан затрапезный, грязный город, на улицах в сорокаградусную жару валяются дохлые ишаки, вокруг хлопковые поля. На стены мечети воздействует влага арыков. Ей грозит обрушение. Установленные на стены и купол мечети геодезические реперы-маячки дают неутешительные прогнозы. Ташкентскому

проектному институту выдаётся проектное задание. Чтобы выполнить в полном объёме проект, высшие власти меняют вороватое руководство города и первым секретарём горкома КПСС назначают молдаванина Траяна.

В срочном порядке строится дренажная система, а на мою долю выпадает строительство, монтаж и наладка автоматической насосной станции. Да ещё и с независимой второй линией электроснабжения. Всё это в срочном порядке, и сохранить в неприкосновенности общий дизайн древней местности. Насосная должна быть сделана на уровне земли, не выше, а её щитовая, машинное отделение и всё вспомогательное оборудование под землёй. Рядом расположены уникальные древние бани, которые должны быть сохранены.

Мне на руки выдают письмо министра культуры Казахской ССР. Я еду в город Тюлькубас, дважды в Чимкент и в кратчайший срок нахожу всё необходимое оборудование, в том числе 300 метров дефицитного бронированного кабеля. Монтирую оборудование и пускаю три насоса автоматической станции в эксплуатацию.

И вскоре начальник управления Тактасын Тактасынович Мурзаев объявляет: в субботу в обязательном порядке быть на площади у горкома КПСС на построении. Там мне должны вручить юбилейную ленинскую медаль. Узнав о цели, не пошёл. В понедельник начальник с явным неудовольствием выговаривает:

— Иди в горком и получи своё удостоверение, дают только лично в руки.

В вежливой форме ссылаюсь на занятость; как выберу время, схожу. Однако, помня котовский урок, на рожон не полез; ссылаясь на занятость, тянул и получать так и не пошёл. Кто наградил? Зная менталитет, думаю, что местные чиновники, дети вчерашних басмачей и по духу — сами басмачи. Я бывал на казахских и узбекских свадьбах, часто

помогал местным механикам и энергетикам по работе, обзавёлся друзьями, частенько ходил на праздники и походы, и тут, думаю, есть прямая связь — мечеть и медаль!..

Однажды из-за несогласованности с диспетчером в конце недели я застрял в предгорьях Каратау на отдалённом участке строительства плотины у селения Майдамтал. В назначенный срок машина за мной не пришла, решил сам выбираться к проезжей части степи. И сколько я ни менял маршрутов, всё время попадал в тупиковые балки. Оказалось, в степи дорог много, но большая часть из них тупиковые. Уже на закате солнца меня в степи нашла обещанная машина.

В понедельник, смеясь, рассказываю об этом забавном приключении. Казалось, поговорили — забыли. Но нет. Отводит меня в сторону инженер по технике безопасности грек Савелий Васильевич Лазариди и говорит:

— Зря зубоскалишь, в степи одному находиться рискованно...

— Почему?

— Могут увести в пески.

— Кто и зачем?

— Басмачи, в рабство...

— В наше время! Каким образом?

Доходчиво объясняет. С его слов, в Кызылкумах до сих пор существует рабство; соплеменников они не берут, а вот русскими ротозеями не брезгают. И так он убедительно прочистил мне уши, что я поверил. Сумел ли бы я убедить басмачей, что я участвовал в спасении и реставрации главной мечети всего Среднего жуза, что именно моя расторопность помогла быстро построить осушительный комплекс, — не знаю.

Продолжаю мотаться по степи, иногда по неделе без отдыха, питаюсь всухомятку, ночуя, где попало, не раз попадая в приключения, иногда — на грани флага.

Но и чёрт не оставляет меня своим попечением. Однажды в четверг поздно вечером, вопреки сложившейся практике, приносят мне на дом командировочное удостоверение. Выясняется, завтра утром срочно надо быть в тресте «Южводстрой». Ровно в шесть утра под окном просигналила машина, через пять минут я катил в Чимкент, а в восемь утра был уже в тресте. Начиная с отдела главного энергетика, поочерёдно обошёл все отделы, но, к моему удивлению, никому не был нужен. Отметил командировочную, развернулся и поехал восвояси. И только в понедельник всё узнаю.

Оказывается, из Москвы приезжали тележурналисты и снимали телерепортаж о наших славных производственных достижениях. Подумать только! Наша ПМК-8 — победитель всесоюзного социалистического соревнования! За «героический» труд мы представлены на ВДНХ.

А между тем почти ни один месяц, квартал не обходится без приписок. Главный инженер Абиль Абдараимов — жирный взяточник. Никогда не подписывает наряды, если в папке с нарядами нет известной суммы, всегда говорит одно:

— Переделайте!

И все знают, что надо «переделать», — пайда* должна быть равной 10 рублей с рабголовой, если на участке 50 рабочих/дехкан, то мзда соответственно в 500 рублей. И так с каждого начальника участка, а их шесть. И всего-то?! О чём разговор? Все должности, даже такие ничтожные, как уборщица, продаются за деньги. Вас не примут на работу, пока вы не «займёте» начальнику 300 рублей, когда ставка уборщицы в то время была равна 60. В Средней Азии подобный подбор — божеская милость...

* Пайда (тюрск.) — мзда, выгода.

На поверку мы — победители и в награду представлены на ВДНХ. Тут я в очередной раз и брякнул:

— Так вот почему меня, дурака, неожиданно вытолкнули в командировку: чтобы я что-нибудь не брякнул, не испортил задуманный сценарий, не испортил обедню! По своей наивности, я думал, что хуже нас работать невозможно! Если где-то работают ещё хуже нашего, то это — липа, показуха, рано или поздно всё равно аукнется...

А вскоре аукнулось и грохнулось... с треском.

Я понимал, что кетмень* социалистического труда — примитивное орудие наших азиатских предков — рано или поздно затупится. Что же тогда через десять-пятнадцать лет станет с несчастной страной? К чему мы придём?! Крушение нашего бронепоезда неминуемо...

Остаться в Средней Азии не имело смысла, там подспудно вызревали антирусские настроения. Я часто бывал в командировках и видел, чувствовал отношение аборигенов к приезжим; к тому же, я тяжело переносил сорокаградусную жару. Брать земельный участок жена не хотела, а жить в казённом жилье летом было невыносимой пыткой.

Но главное — я задыхался без культурного общения. Мне исполнилось сорок лет. В голове сидела мечта: написать главную книгу жизни...

За шесть лет жизни успели с новой женой родить ребёнка, но ужиться было не суждено. Жена, нахватавшаяся в военном гарнизоне «великосветских» привычек, капризничала, требовала ежегодный отпуск проводить на родине, в городе Гадяче Полтавской области. Кроме того, за это время дважды побывали в Москве, Киеве, Харькове, Полтаве, Одессе. Естественно, все эти расходы ложились на

* Кетмень — сельскохозяйственное орудие, сродни русской тяпке, но в три раза тяжелее.

мои плечи. Стремясь быстрее стать на ноги, обзавестись всем необходимым в доме, слишком много сил и энергии отдавал работе. Всё это время трудился одновременно на двух работах, кроме того, по субботам и воскресеньям частным образом ремонтировал различную бытовую технику: электропилы, рубанки, дрели, холодильники, электронасосы, конструировал самодельные сварочные аппараты и прочие приборы. На работе проводил все выходные дни. Для семьи время уделял по минимуму. Кроме того, в голове неискоренимо сидела мечта: сесть за литературную работу. Для независимости необходимо было обзавестись собственным домом. Но для этого жена должна оставаться надёжным спутником, более того — единомышленником. Исподволь назревали разногласия, а потом и трещины, а далее наступил разрыв.

Как ни грустно, а пришлось принимать решение. В мае 1976 года разделил наличные деньги. Жене оставил трёхкомнатную квартиру, две с половиной тысячи рублей, тысячу сто послал дочери во Владивосток, полторы тысячи взял себе и, не глядя, куда, уехал из Туркестана. Ехал с прицелом на БАМ, но добраться успел только до Иркутска. Там у меня были надёжные друзья, которые знали мои деловые и профессиональные качества. И я рассчитывал на их соучастие в моём трудоустройстве.

Помыкавшись по степи, горам и пустыням, затосковал по жене, которая четырнадцать лет, как Пенелопа, продолжала ждать меня. Пока в Иркутске мне готовили экипировку (шили шубу) для БАМа, друзья свозили на пик Черского, показали «Домик рыбака», где Косыгин встречал Фиделя Кастро и Урхо Калева Кекконена. Я лишний раз убедился, как живут «слуги народа».

В самый последний момент (впервые за четырнадцать лет) поговорил с женой по телефону. И... вместо БАМА — летом 1976 года поехал во Владивосток.

решение

*Научи меня, Боже,
глядеть на деревья без боли...*
Геннадий Русаков

Волю наскитавшись, успев сменить трёх женщин (с одной даже прижил ребёнка, но семья, к сожалению, не сложилась), уломав свою гордыню, окольными, полукриминальными путями (Владивосток – режимный город) приехал к своей первой жене с многолетними алиментами. Погоревали о прожитых врозь годах, посетовали на судьбу и стали жить.

Но работу во Владивостоке без прописки получить нельзя. Вскоре жена увезла меня на горнотаёжную станцию и устроила в подразделение Дальневосточного научного центра, на Службу Солнца в качестве инженера внеатменного коронографа, а документы на разрешение прописки (при помощи друзей) послали в Москву.

Органы прописывать не спешат. Ещё не истёрся из памяти громогласный случай побега учёного-океанографа, потратившего свыше десяти лет на его подготовку.

В 1974 году во время круизного рейса с теплохода «Советский Союз» сбежал героический Слава Курилов, который, держась на воде без элементарных плавучих средств, поминутно зомбирул акул, читая про себя мантру: «Я для вас несъедобный, несъедобный, несъедобный!..»

Под палящим солнцем, на грани физических возможностей, сорокалетний беглец 60 часов продержался на плаву в открытом океане. Наконец был подобран филиппинскими рыбаками.

Его сверхчеловеческий подвиг стал достоянием мировой прессы, а советская система получила очередную идеологическую микропробину. Из-за тысяч и тысяч

подобных пробоин и пошёл ко дну, казалось бы, непотопляемый советский дредноут...

Живя в гарнизоне, от пограничников (в том числе и от своего тестя, командира пограничной части) многократно слышал о подобных случаях, но все они были с устрашающе-трагическим финалом, потому и предназначались для наших ушей.

А в 1976 году, уже при мне, перелетел в Японию и далее в США *сокол наш ясный* – Виктор Беленко. Тогда американцам задарма достался истребитель новейшей конструкторской разработки. Амбиции этого сокола в копеечку влетят нашему военно-промышленному комплексу, откусив у него, по разным оценкам, до трети годового бюджета.

Поэтому обстановка в крае нервная. На Службе Солнца мне дали комнату, пришлось обзаводиться скудным бытовым инвентарём. К жене езжу за сто двадцать километров лишь на выходные. Значительная часть копеечного оклада уходит на дорогу. Жду прописки, а с пропиской тянут.

Влюбился в приморскую природу, в свободное время хожу в лес за кедровым орехом. И это всё моё развлечение.

Разрешение на прописку едет из столицы на переключных. Нервы на пределе. В конце года попадаю на операционный стол. И только после четырёх больничных месяцев, с бандажной повязкой на кровоточащей ране, выйду на работу.

Через полгода прописали. А потом ещё в 1980 и 1985 годах повторные операции. Сказались большие дозы наркоза: после трёх операций до этого безотказная память стала подводить.

СКВОЗЬ КАЛЕЙДОСКОП

Ты победил, Галлелеянин!

Юлиан Отступник

Э тот случай знаю в пересказе уважаемых людей. Жили-были в чимкентской конторе «Заготживсырьё» — шкуры, шерсть, рога, кожи — два приёмщика сырья, узбек и еврей. Оба нажили приличные состояния на самой простой и безотказной, как лом, минусовой «пересортице». Всегда старались принимать сырьё самого лучшего качества. Но... высшему сорту давали первый сорт, первому — второй и т.д. И платили сдатчикам сырья соответственно. Деньги в их карманах оседали огромные. Но жили скромно, кому надо — давали на лапу, язвительными завистниками и сильными врагами не обзавелись, никто и не подозревал их истинных доходов.

Жадный узбек, сколотив хорошее состояние, продолжил его преумножать, а умный еврей уехал в Израиль. И благополучно увёз свои деньги, это у них при всех режимах всегда хорошо получалось. Однако при оформлении гражданства в Израиле ему пришлось заполнять длинную-предлинную анкету. А там, в числе сотни различных вопросов, были такие: «Знаете ли вы в Советском Союзе богатых людей? Род занятий? Где живут? Как фамилия? Приблизительное состояние?». И тому подобные вопросы. Репатриант, не понимая, что становится невольным стукачом, честь честью всё и выложил. По всему видно, что в Израиле оказалось государево око.

Вскоре в Чимкенте через дорогу напротив ворот конторы «Заготживсырьё» у пивной поселяется несчастный бомж. Ест и пьёт то, что оставляют питухи, ночует на земле, сразу же за пивной, под зловонным забором, куда пивная братия ходит отливать излишки пивной пены.

И так, неделя, другая, месяц, второй. Сюда же освежиться пивком ходит и приёмщик-узбек, присматривается к этому бомжу, изучает.

А приёмщик уже в годах, одному ему тяжело сортировать принятые кипы кожи и тюки с шерстью. Из практики знает: если не сортировать, то в кипах заводятся мыши, снижается качество сырья. Вот он и стал время от времени для таких работ брать к себе на склад этого бомжа.

Тот сделает работу, получит от кладовщика два-три рубля, довольный уходит к пивной через дорогу, купит бутылку «Агдама», выпьет её махом, а потом обязательно нальёт себе в штаны. И так раз, другой, третий. Всё понятно: истинный пролетарий, русский-Иван-перекати-поле, ценный кадр.

В те благословенные времена в Средней Азии скрывались от правосудия тысячи подобных огарков, годами жили и работали у богатых людей только за чай, лепёшку и крышу над головой.

Кладовщик, видя всё это, начал брать его домой на весенние работы в огороде: вскапывание грядок, ремонт рынков и дувалов. В один дом, во второй, в третий...

Оказалось, что у кладовщика — пять жён, пять домов, в каждом дворе «Волга», различная скотина, дети. А самое главное — много золота и денег.

Когда все дома стали известны «бомжу» — нагрянули работники Конторы и всё одновременно изъяли. Детей сделали сиротами, а по нынешним временам, скорей всего, — непримиримыми исламскими фундаменталистами.

В Туркестане повстречал ещё одного удивительного человека — Николая Васильевича Мануковского, бывшего военного комиссара города Туркестана, бывшего военного советника в кавалерийском полку Китайской Народно-

освободительной армии, а в последний период жизни — электрика завода ЖБИ.

Этот электрик не мог самостоятельно вкрутить даже электрическую лампочку, а не то что подсоединить электромотор или что-нибудь отремонтировать.

Как бывшая номенклатурная единица, этот алкаш жил-был, существовал буквально милостью начальства, на работу не ходил, а зарплату получал.

Наши попытки спасти его от пьянства были обречены на неудачу. А спился он на службе отечеству, служа военкомом города Туркестана. Он охотно рассказывал, что взяток не брал. Но проговаривался, как по заведённому обычаю, чтобы отмазать призывника от армии, ему регулярно подбрасывали в огород свёртки с деньгами. Не ленись только, подбирай. Что он и делал, «находил» деньги на своих грядках.

Пил он, не просыхая. Вскоре ушла жена, уволили с работы, постепенно продал всё из дома, пропил последнюю телогрейку, кирзовые сапоги, кровать, электросчётчик, стол, стул, а потом и входную дверь в квартиру. В декабре замёрз. Собрали мы на заводе по три рубля и похоронили, но на похоронах никого из его родни не было.

Чужая земля, чужой язык, чужие обычаи. Подумалось: вот так Россия постепенно и навсегда растворится в пещках Азии... азиатчине...

Подумал тогда, а сейчас воочию вижу повсеместный захват рабочих мест и тотальное осеменение русских женщин, которые в дань моде почти поголовно загодя перекрашиваются в чёрный цвет. И всё чаще подхватывают эту моду новые поколения юных особей.

И ещё один примечательный штрих. Во время поездки в трёх разных местах Чимкентской области я видел частные памятники Сталину. Именно частные, потому

их власти и не трогали! И ещё, признаюсь, видел бурные и продолжительные аплодисменты в кинотеатре при появлении Вождя на экране во время демонстрации фильма Юрия Озерова «Освобождение», которые меня мало удивили.

Влюблённый в хозяина раб — исторически оправданное явление. Палачу и тирану памятники и аплодисменты вопреки здравому смыслу...

1976 год. До наступления коммунизма остаётся меньше пятилетки. Лёгкопёрые журналисты взахлёб прославляют директивы XXV съезда КПСС, ждут манну с небес.

Я, на свою беду, читая директивы, увидел примечание: *«Весь прирост продукции народного хозяйства дан не в натуральном исчислении: в кубометрах, тоннах, штуках, а в ценах до 1965 года».* Ноу-хау советских шаманов-политтехнологов-экономистов. Цены на все строительные материалы (цемент, кирпич, гравий, битум, стальной прокат, шифер, стекло, солянку, масла и т. д. и т. п.) выросли вкруговую на 30–40%, а бензин подорожал с 20 до 40 копеек, то есть на 100%. Директивные планы на 1980 год — год успешного построения коммунизма! — планировалось выполнить всего на 12–17%. В качестве примера: штепсельная вилка стоила 17 копеек, стала стоить 24. Когда-то хлеб продавали килограммовыми булками, потом — 800, затем — 650 граммов. А стоимость возросла с 16 до 18 и 20 копеек. Что это, как не скрытая стагнация и инфляция, ловко замаскированная под неизбежный статистический успех развитого социализма?

А попробуй это высказать вслух! Подведут под диссидентство, подберут статью, получишь срок.

Но я, рискуя, среди собутыльников блямкал языком:

— Сегодня у нас один рыбный день, а если выполним Директивы XXV съезда и Продовольственную программу,

тогда нам сделают один день рыбный, а остальные будут капустными!

Увы! Напророчил, так и случилось. Уже сорок лет у сорока процентов населения продолжается капустная диета!

Пока ждал прописку, бац, новость: жену избрали председателем профсоюзного комитета Гидрометеорологического управления приморского края.

В один из дней жена зовёт делить дачные участки. Категорически отказываюсь. И немедленно принимаюсь за просвещение: как можно прислуживать коммунистам?! Брагам России! Рассказываю о событиях в Новочеркасске, Одессе, о погроме милиции и штурме тюрьмы в Чимкенте, демонстрациях в Ташкенте, в Балхаше, Темиртау, Норильске и Ангарске, о самосожжении студента в Каунасе... Обо всех этих новостях слышал от очевидцев. Жизненный опыт позволял отличать голую правду от красивого вымысла.

Слушает, но верит ли?

В семейной жизни важна не только телесная гармония супругов, но, прежде всего — духовная. Хорошо уж то, что не стучит. Однако что-то же и сумел втолковать, вскоре она отказалась от очередного срока своего председательства. Выбрали, но она, к моей гордости, взяла самоотвод.

Вскоре, встречая Новый год на квартире родственников жены, попадаю в странную компанию. Восемь разного уровня и положения людей под рюмочку разговорились, каждый стал рассказывать о прожитом годе, один из присутствующих сообщает друзьям, что он часто ездит в командировки и уже побывал в сороковой стране.

Я сразу же сообразил, куда меня занесло и с кем сижу за столом. А он сразу же, повернувшись ко мне, задаёт профессиональный вопрос:

— А вы откуда?

— Из Туркестана.

— Как там живут? Какие проблемы?

Не смущаясь, отвечаю:

— Народ живёт плохо. Начальство ворует, тотальные поборы, воровство, кумовство и взяточничество стали нормой.

— Так, что — у них совсем нет советской власти?

— Похоже, нет.

— И что же дальше?

— А что? Пройдёт каких-то десять-пятнадцать лет, появятся и проблемы.

— А какие там могут быть проблемы? — заинтересованно задаёт вопрос собеседник.

Жена делает знаки: уймись! Но меня уже понесло, к тому же разгорается во мне зуд Нострадамуса, снова брякаю:

— Точно такие же проблемы, какие сегодня у англичан в Ольстере.

Как полоумный, сообщаю ему, что все должности продаются, даже такие, как уборщица, а о денежных должностях, где ты сам можешь брать, и говорить не приходится. Они стоят больших денег. Кстати, сказал, что там очень не любят русских, что в песках всё ещё существует рабство...

Под Новый год такие мудрёные разговоры не к столу, всё это чревато... Легко можно догадаться, что обо мне подумал этот исповедник... Пройдясь слегка по теме и не поскользнувшись, заговорили о простом: о хозяевах, закуских, колядках, сочельнике, Крещении.

Спустя годы я очень гордился тем, что предсказал сразу две даты. Ровно через десять лет, в декабре 1986 года прозвучал первый звонок.

Состоялись серьёзные (после чимкентских и ташкентских выступлений в 1970 году) антирусские погромные выступления в Алма-Ате, а через пятнадцать до основания рухнул *Союз нерушимый*.

Огорчает то, что собеседник, выудив из меня ровно столько, сколько ему было надо, не сообщил по инстанции: дескать, товарищи дорогие, пожалуйста, проанализируйте ситуацию в стране, что-то же тревожит совестливых людей, если они, рискуя быть подвергнутыми многим опасностям, так беспардонно, в глаза режут правду-матку. Значит, в королевстве кривых зеркал что-то не так.

Сообщить-то, я не сомневаюсь, он сообщил, да, наверное, не в то ведомство, которое призвано заботиться о государстве, а не о бездумных небожителях, не о шкурных интересах чиновников и карьеристов, цинично фабрикующих *шпионерские* дела на всяких языкастых и пьяных оболтусов. Чем охотно снова стали заниматься в последнее время, по второму кругу, наступая на те же грабли, так ничему и не научившись.

Шизнь – прекрасна!

Н аступил 1978 год.
Страна блаженных на марше.
Оставалось два года до наступления сказочного коммунизма.

Почти ежедневно играю на лавочке в сквере в шахматы, в качестве разгрузочных пауз себе под нос читаю свои стихи. Не полностью, а отдельными строками, иногда строфами «Яблоню», которая была написана в 1967 году, в честь 50-летия советской власти (а будет опубликована лишь через 21 год, в 1988 г. в «Литве литературной»), «Гимн флибустьеров», «Русское горе», «Дроля», «Гимн Портному».

Но профессионалы, особенно в приграничных и портовых городах – их в городских парках – пруд пруди! – умеют из отдельных слов и строк составить представление, понять подтекст мозаики, определить, что за фрукт зреет на их подведомственной делянке.

Казалось бы, что особенного в посконных строках таких стихов:

Старуху хоронили не в гробу,
В расход пустили старую скамейку,
Оббили тёмом. Ветер выл в трубу...
За ней долги остались на копейку.

Пожалуй, больше, где-то гривен шесть,
Случались недоимки и поболе,
Когда с себя, бывало, стригли шерсть...
Чтоб только оградиться от неволи.

Позже Виктор Петрович Астафьев назовёт эти стихи пронзительными, сравнит с лермонтовскими строками: «дрожащие огни печальных деревень...»

А я своим многократным их цитированием, видимо, сильно кому-то надоел. Однажды новый знакомый объявляет себя поклонником моего шахматного таланта, приглашает в кафе «Лотос», что рядом с рестораном «Челюскин», предлагает выпить.

Чувствую в доброжелателе сучью масть, сильно рискуя, но и отдаваясь на волю Творца, хочу узнать, чем я так заинтересовал штымпа. Из желания поспорить с судьбой я оплачиваю свою долю заказа и жду разговора. Неожиданно в кафе выясняется, что он *в дупель пьяный*. Но тут же, к моему удивлению, для нас вдруг находится свободный столик. А по тем временам в 22:00 найти свободный столик, да ещё в портовом городе, было немислимо. И это сильно меня насторожило.

Вдруг мой новый знакомый начинает неужённую демонстрацию полного ко мне своего доверия и дружбы, оставляет на моё попечение свой портфель и собирается идти в туалет. Я начинаю кое-что понимать, нервничать. В самый последний момент интересуюсь:

— А что, корефан, у тебя в портфеле?

И к своему ужасу узнаю: портфель на четверть ёмкости навалом заполнен серебряными монетами царской чеканки... Как ни держал я его за руку, он всё-таки вырвался и почти бегом ушёл в туалет. В моём животе неприятный холодок, на ногах кандалы, истуканом замираю на своём стуле.

Смотрю, а в зале с безразличными лицами сидят специфического типа ребята, жуют, отдыхают от трудов праведных, как бы никто из них в мою сторону и не смотрит. А по многим моим приметам вижу: прожжённые опера. И это бы ещё полбеды, но и мой портфель, в котором

я ношу шахматные часы и доску, точно такого же цвета и фасона! У меня на коленях два портфеля одного цвета! Значит, меня давно вели, пасли, операция была заранее продумана.

Знатоки рассчитывали на то, что я в тот период платил алименты, на руки получал мало, и вряд ли *устою*, чтобы не срубить такой куш, столь легко плывущий в мои руки. С пьяным «доброжелателем» только-только познакомились. В зале накурено, гремит музыка, танцы, мелькают потные лица и тучные торсы, чего стесняться, никто не видит, дели, лопух, добычу надвое и, не медля, со всех ног вали! Но ощущаю себя беззащитной, обречённой на заклятие овцой, да и невыносимая ноша пригвоздила к месту.

Как пишут в своих воспоминаниях отставные разведчики: это не может быть случайностью! Именно цвет портфеля и отрезвил меня. Наконец вернулся мой *земляк* из туалета. Через силу распили с ним бутылку сухого вина, и всё. Как он ни уговаривал повторить заказ, я ушёл в полный отказ.

А на дворе глубокий вечер, идёт одиннадцатый час ночи. Пока объяснялись в дружбе — вот тебе и двенадцатый! А я всё никак не могу распрощаться со своим «другом». Никак! Начинаются разборки, дескать:

— Уважаешь?

— Конечно!

— Тебе куда?

— И мне туда. Нам по пути.

— Да мне на Школьную.

— И мне на Школьную.

Понимаю всё: пойман! Не выбраться из силков.

Перевалило за полночь, а я никак не могу отделаться от репейника. Похолодел от ужаса. Садимся с ним в полутёмный, идущий в парк последний, пустой трамвай. И тут, на моё счастье, встречаю двух подгулявших приятель-

лей, инженера Василия Сердюкова и его друга Сашу, бросаюсь к этим, ангелам-спасителям и с отчаянием в голосе объясняю ситуацию. Говорю во всеуслышание:

— Ребята, выручайте, уже два часа никак не могу отвязаться от провокатора! Только на вас вся надежда и спасение!

А с этими ребятами я уже несколько раз выпивал, рассказывал им историю про часы,* повторно напоминаю о тех злополучных часах, об этих монетах: это уже второй, ловко подстроенный капкан! Одного из них, с кем был более дружен, прошу проводить меня прямо до дома. Не стесняясь, прямо в трамвае обращаюсь к провокатору:

— У тебя, петух, ничего из портфеля не пропало?

— Ничего.

И тогда, с нажимом:

— А раз ничего, тогда отвали, козёл, и передай своему шефу, что сценарий топорный! Плохо работаете, ребята! Я не воровайка!

На том и расстались. Правда, он для убедительности своего бескорыстного поведения сошёл именно на той же остановке, где сошли и мы с приятелем. И даже несколько метров шли одной дорогой, но я всё время крыл его матом, а он терпеливо слушал мои тирады.

А на дворе стояли глухие застойные годы. И дорогой Леонид Ильич получил свои очередные два ордена:

* В самом начале моей жизни во Владивостоке мне пришлось работать мастером по ремонту бытовой техники. Платил алименты, на руки получал меньше 70 рублей в месяц. Рядом обокрали часовую мастерскую, а мне в рабочий стол с инструментами подбросили ворованные часы. Я отнёс их в милицию, но меня на допрос (о происхождении часов) так и не вызвали. Тот, кто планировал всю эту операцию, скорей всего рассчитывал на моё трудное материальное положение.

«Солнце Перу» первой степени и, в честь подавления Чехословакии, третий орден Клементя Готвальда. Зато в этот год один из приморских ребят получил орден «Красной Звезды». За что? За предотвращение покушения на первого секретаря крайкома КПСС Виктора Павловича Ломакина.

Заметим, именно в этом году судили Скорика, судили братьев Маньшиных, «повесился» Бянкин, «застрелился» командующий Дальневосточным пограничным округом генерал Ковтун, исчезли в рейсе два капитана дальнего плавания. «Покушались» на партийного вождя региона, а за компанию чуть было и аз грешный не попал в стальные силки Конторы. Безусловно в качестве отвлекающей операции: для рапортов на самые верха, дескать, вот как нам приходится трудиться на окраинных рубежах отечества, какие методы применяют недобитые враги народа!

Как теперь можно предполагать, «покушение» было дымовой завесой для организованного воровства хорошо законспирированной группы высокопоставленных строителей коммунизма, расцвет которого пришёлся на наши годы. Уточняю свою тезу: «Коммунизм — для коммунистов!» То есть коммунизм — только для партийной номенклатуры! Совок работал за похвальные грамоты да отгульные дни, а поводыри в коммунизм, продавая ордена и звёзды, звания и должности, облагая данью чиновную челядь, уже в те годы вовсю приступили к первоначальному накоплению капитала.

Вот в какую сторону надо было направить усилия чекистов. Немедленно начинать чистку своих рядов, но они чистили и шарошили нас... да так, что только летели клочья... Собственно, «патриоты» так ничему и не научились. Своя братва воруёт сотни тысяч кубометров леса, вывозит за границу сотни тысяч тонн рыбы и дефицитных морепродуктов, уничтожает водоёмы, кромсает, пилит бюд-

жет, а «слуги народа» — а на деле его враги — закрепляя воровские достижения вертикали, усердно штампуют антинародные законы.

Так вот, в те годы в каждом мало-мальском коллективе: бригаде, цехе, любого калибра конторе — всегда находился стукач-барабанщик. Иногда узколобый по воспитанию штатный альтруист, заранее вербованный.

По моим наблюдениям, чаще всего, стукачи бывают трёх типов. Первый тип — рубаха-парень, отзывчивый бесребреник, который в числе первых бросает свой *рваный** на кон, заводила и запевала всех дел и задумок в коллективе, и второй тип — молчун, честняга, серая мышканорушка, третий тип — пронырливый, безбашенный одесит, хабалистый и свой в доску. Какой из них опаснее — не знаю. Скорей всего — все три. Без этого Контора не могла работать, а начальство не могло рассчитывать на ордена и карьерный рост.

Так, в коллектив из двух портовых биндюжников-матросов затесался рядовой стукачок. А бухали тогда на всех социальных ступенях много и регулярно, ведь строили коммунистическое завтра, и без винных паров наш паровоз уже лететь не мог.

Однажды, хорошо поддав «топлива» в топку, обсуждая текущий политический момент, рядовой машинист брякнул:

— Да его, козла, взорвать мало!

А стукачок, наострив уши, и с замиранием сердца переспрашивает:

— Кого?

А матрос портофлота, широкая душа, торжествующе, повторно выносит резолюцию:

* Сброситься по рваному — значит отдать свой рубль на поллитра водки для компании из трёх-четырёх человек, для затравки, а дальше — покатило-поехало... часто до соплей...

— Как кого? Да — Ломакина! Суку!

Состоялся немедленный стук. А Конторе только того и надо, быстренько назначили куратора, завели дело, через стукача выделили заговорщикам — не подумайте, что взрывчатку! — нет, субсидию на пару бутылок пойла, ещё раз выслушали глубокомысленное резюме биндюжника:

— Раз рыба гниёт с головы, то поэтому и нет мяса...

По сценарию Конторы трибун-надомник получил восемь лет строгого режима, а его ассистент — семерик. В награду стукачок по транзитной путёвке и вне конкурса поехал учиться в школу КГБ, а куратор получил «Красную Звезду».

Кто хочет уточнить моё сочинение, прошу заглянуть в журнал «Юность» № 11, 1990 г. Там есть статья владивостокской журналистки Галины Арбатской «Покушение на миражи».

С этими *террористами* в пермской политзоне сидел писатель Борис Иванович Черных, он-то и рассказал про эту хохму доморощенных террористов.

Да и мне самому отечественную историю пришлось изучать не по Гегелю...

Откладывание «на потом» анализа действительных причин и результатов Второй мировой войны позволило нашему правительству на средства трудящихся участвовать в десятках конфликтов, в военных действиях и заговорах против законных правителей в разных районах мира в 1946–1990 гг.

А.В. Барабошин

(«Победа, ставшая поражением.
СССР во Второй мировой войне»
Вологда, 2004. С. 5)

Помешанные на интернационализме, поводыри в коммунизм свой народ не баловали, прописав минимальную пайку, весь период самодержавного (читай – безвыборного) правления все слои общества держали в постоянном страхе. Подавляя справедливые выступления рабочих Новочеркасска, Балхаша, Баку, Тбилиси, Темиртау, националистические выступления в Вильнюсе, Чимкенте и Ташкенте, регулярно пили народную кровушку. В эйфории победной поступи социализма по земному шару, а на самом деле в припадке мазохистского самоистребления, вожди маниакально лезли в конфликты, вели одновременно десятки локальных войн на всех мыслимых континентах, и в результате бездумно попали в афганский капкан.

И вот эта рождественская новость, но мало кто понимал, что СССР, играя военными мускулами, вышел на финишную прямую... своего крушения.

Декабрь. Советские войска «по просьбе народного правительства» под покровом ночи взяли под контроль

Кабульский аэропорт, оседлали дороги, узлы связи. Штурмом взяли дворец Амина и триумфально вошли в Афганистан.

Если бы кроме пропаганды нам давали ещё и новости, то народ бы знал, что в 1944 году Советский Союз освободил от богачей Туву и включил бедных ойротов в семью братских народов. Что с 1944 по 1949 год мы финансировали гражданскую войну в Греции, в 1948–1949 — заварушку в Иране, в 1953 году подавили народное восстание в Берлине, в 1956 году — восстание в Будапеште, в 1956–1957 годах — неоднократное брожение в Польше. В 1960 году всухую проиграли Мобуту в Конго, но зато замутили партизанскую войну в Колумбии и ряде других стран Латинской Америки и Африки. Защищая режим Фиделя Кастро, чуть было не развязали третью мировую в 1962 году.

Как и в 1968 году с вводом войск в Чехословакию, советская пропаганда немедленно включилась в многоплановую и шумную обработку совка. Ничего этого мы не знали и знать не могли. Оболванивая народ, кремлёвские небожители находились под самогипнозом.

Утро 28 декабря 1979 года в ГПТУ-40. Я работаю механиком по оборудованию. Сидим в кабинете старшего мастера Николая Анисимовича Евтушенко. Нас четверо: кроме нас двоих, ещё мастер производственного обучения Василий Васильевич Беккер и замполит (с ухватками матёрого чекиста) Валерий Андреевич Мочалов, за какую-то провинность сосланный из Минска. Взгляд и привычки специфические. Вскоре мои догадки подтвердятся. После нашей бурсы он резко пойдёт на повышение и станет проректором по сучьей дисциплине марксизма-ленинизма в ДАЛЬРЫБВТУЗе. Этот «минчанин» подбрасывает вопрос:

— Как вы относитесь к тому, что наше правительство решило оказать интернациональную помощь братскому афганскому народу?

Мастера помалкивают, а меня понесло.

Давно живу по Экклезиасту: все беды от многознания.

Тут же брякнул:

— Умоемся кровавой юшкой! И уйдём.

— Какой-какой юшкой? — переспрашивает служивый.

— А точно такой, какой умылись американцы во Вьетнаме! Сколько бы мы ни топтались в Афганистане, а уйти всё-таки придётся! Этот народ непобедим. Если бы наши вожди были чуточку грамотнее да поумнее, то знали бы: сколько раз англичане входили в Афганистан и столько же раз, битые, не солоно хлебавши, уходили, а иногда даже и не уходили. Все 20000 до единого человека в 1842 году навечно остались в Афганистане.

А на языке вертится: «А чем мы лучше?»

Да напрямую не скажешь, и прочёл им лекцию-окоlesiцу, основанную на сведениях, почерпнутых из мемуаров генерала Бларамберга и докладной записки русского разведчика Ивана Виткевича в Генеральный штаб о вторжении англичан в эту страну в 1838 году. О последующих провалах их военных вторжений в 1842, 1878–1880, 1895 и 1919 годах. Тогда, несмотря на наличие радио, аэропланов, телефона, артиллерии и пулемётов, все эти походы для гордого Альбиона закончились катастрофой.

И вот советские руководители, вспомнив о славных делах военного советника Виталия Примакова в Афганистане в 1919 году, спустя шестьдесят лет решили повторить интернациональную помощь.

Невообразимо. Где были наши лизоблюды-эксперты? Неужели говорили, что *несокрушимая и легендарная* одной левой одолеет неприхотливых и гордых детей пустынь и гор, которые зимой, в одних сандалиях и лёгких плащах, неделями, выжидая врага, могут сидеть в засаде?!

И я, к сожалению, оказался прав, ещё большей катастрофой, чем у англичан, закончилось наше вторжение.

Потерей политического лица, международного престижа, каких-никаких союзников. А в итоге — крушением русской цивилизации, потерей великой страны, великого наследия предков.

Хотя... ещё в 1929 году, ровно за полвека до этого капкана, вожди мировой революции предприняли попытку вторгнуться в Афганистан, пристегнуть архаичную страну к мировым марксистским достижениям. Однако безумная затея закончилась сокрушительным поражением. Тысяча отборных головорезов-чекистов на 200 автомашинах с пулемётами, с солидным запасом бензина, воды, продовольствия, гранат и патронов, вынуждена были каждый километр пути преодолевать с боями. Почувствовав нарастающий отпор, с полдороги пути на Кабул пришлось повернуть назад. Не помогли спецназу ОГПУ ни отвлекающие диверсии на дорогах других направлений, ни авиационная поддержка.

Авторам вторжения 1979 года не помогли ни исторические уроки поражения англичан, ни свои собственные.

Поражения учат только умных, тех, кто готов учиться.

Люди Системы (к сожалению, и тогда, и ныне) живут под гипнозом былого имперского величия и собственной непогрешимости, счастливого неведения текущих разрушительных процессов в собственной стране, пассионарный потенциал которой, к сожалению, давно исчерпан.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

...Законы без нравов не могут иметь полного действия, ибо законы должны покровительствовать свободе, а не уловлять её подозрениями.

Михаил Сперанский

К тому времени мы уже несколько лет приятельски общались с Орестом Фелюгиным, щеголявшим в стальной тройке. Наблюдательные люди могут многое рассказать об этой загадочной окраске. Вроде бы рядовой шофёра, но вхож во все щели, всех знает и почти всегда точно предсказывает события. Это оперение почти всегда заменяет пропуск, отсюда и невероятная осведомлённость. Что-то, да и я соображаю, но «уловлять его подозрениями» не стал. Всё равно приставят другого поклонника таланта.

А подружились мы с ним на шахматной ниве. В те годы на мировых шахматных подмостках лицедействовали гениальные шахматисты Корчной и Карпов, со страниц прессы не сходили экзотические города Багио и Лозанна, созревал юный бакинец Каспаров. Бодание этих гладиаторов (трёх К) с утра до обеда с жаром обсуждалось во всех цехах, парках, в трамваях и электричках самых разных направлений великого государства.

Я регулярно играл на первенство шахматного клуба, первенство города, Владивостокского гарнизона (в 1981 году разделил 1–2 место с кандидатом в мастера Юрием Максимовым) и даже играл в командном первенстве Тихоокеанского флота. Имел три кандидатских балла, занимался шахматной композицией и публиковал свои задачи.

Однажды вечером Орест без предупреждения являлся ко мне на квартиру. С порога спрашивает:

— Какие планы на завтра, что собираешься делать в выходные?

Отвечаю:

— Планы на холостых оборотах.

Удовлетворённое лицо Ореста с головой выдаёт какие-то его гроссмейстерские планы. Немедленно предлагает связаться с Володей Ханом, шахматным функционером Дальневосточной железной дороги и завтра утром первой же электричкой выехать в город Уссурийск, где должно было состояться командное первенство Дальневосточной железной дороги по шахматам. Всего шесть команд. Во владивостокской команде «Локомотив» не хватает одного игрока, просьба помочь. Тут же вручает профсоюзный билет и билет члена ДСО «Локомотив». Удивляться нечему: подобное комплектование было повсеместным явлением.

Признаюсь ему, что нет денег на электричку, только что продулся «под интерес». Тот ловким жестом профессионального фокусника достаёт из своей стальной жилетки красненькую бумажку и протягивает... десятку, объясняя:

— Это на дорогу, а там будут талоны на питание, 3 рубля 60 копеек суточных, не ахти сколько. Однако не только проживёшь, но и подлатаешь свой бюджет.

Крыть нечем, соглашаюсь. Встаю рано. Беру термос с чаем. Трамвай, вокзал, билетные кассы, вагон. Под стук колёс электрички впадаю в провальный, сомнамбулический сон. Сплю, но всё соображаю, задаю себе вопросы, сам и нахожу на них совершенно нестандартные ответы, которые наяву ничего не дадут. Бесконечное вращение калейдоскопа: вечный голод, босоное детство, ранний труд, преследование семьи налоговыми агентами, похороны брата, поездка по Транссибу в обледенелом телятнике, смерть сестры, её похороны в Хабаровске, рассказы мамы

о семье, а затем и её смерть, а через полгода и папы, учёба ремеслу... Не оттуда ли во мне, мальчишке, зрели, если не «Гроздь гнева», то зёрна разума?..

Всё, что рассказано выше, под стук колёс пронеслось в моей голове в электричке по дороге в Уссурийск.

Приехали, зарегистрировались, провели жеребьёвку, регламент — два тура в день. Я играю на второй доске. Поселили нас в гостинице, получили талоны, начали играть, первый и второй тур, у меня — два очка.

Пошли отдыхать, в гостинице нет никого, Володя Хан ушёл ночевать к родственникам. Номер на четверых, но я в номере один. Лето. Душно. Прошёлся по улицам, пора в постель. Оттого что встал рано, уснул мгновенно. И мгновенно — или показалось? — проснулся. Слышу: раз за разом расстёгивается молния саквояжа.

Вхожу в реальность. Это устраивается на ночлег какой-то важный постоялец. Полусонными глазами рассматриваю его добротный костюм, диковинные спортивные брюки, импортные ботинки. Даже через койку доносится приятный запах духов. Осязаю носом и вижу добротный кожаный портфель — не чета моему. Поздоровались, перевернулся на другой бок. Да не тут-то было. Постоялец оказался настолько искусным собеседником, что уснуть не дал. Слово за слово, реплика за репликой, шутка за шуткой, стопка за стопкой хорошего коньяка... и затянулся наш разговор до четырёх ночи. Только закончили разговор и мгновенно уснули, а наутро моего соседа по койке в гостиничном номере уже не оказалось. Протираю глаза, чешу репу, вижу смятую постель, а соседа нет, испарился. Только и следов, что остался тонкий запах неизвестных мне дорогих духов.

Зачем так много и подробно рассказывал он о тотальном воровстве золота, этот странный человек? Нехотя завтракаю. А сам прокручиваю в голове услышанное. Сон

или явь — сказать трудно. Как и трудно сказать, что выиграл я от полученной информации. Информации очень странной, если не сказать — опасной. Особенно для человека с моей биографией. Вот краткое изложение сюжета.

Начало шестидесятых годов. Из месяца в месяц ухудшаются отношения с братским Китаем. Вскоре формы давления на иммигрантов там принимают самые уродливые формы. Отец братьев Маньшиных на семейном совете принимает решение: просить советские власти разрешить сыновьям вернуться на родину, в советскую Россию. За вами, дескать, грехов не числится. Зато мне волей-неволей придётся всячески угождать китайским коммунистам, так как с большевиками мне никогда не договориться и рисковать я не стану, и в СССР не поеду, хотя и Россия, по многим признакам, уже не та. Сановные упыри и заплечных дел мастера кровью давно пресытились, говорят, что всюду процветают подпольные производства, всё больше набирают обороты цеховики, а в отдельных случаях разрешают частное предпринимательство.

Даёт сыновьям на куске тончайшего шёлка карту, предлагает до мельчайших деталей вызубрить её наизусть: где, на какой реке, протоке, ручье искать россыпь, где жилу, где ставить палатку и бить первые шурфы. Хорошо их проэкзаменовал, а после снова забрал карту себе. Перекрестил и сказал: «Езжайте с Богом! Старайтесь, а я стану молиться за вас».

На карте, доставшейся ему за долги от какого-то профессионального панцуйщика-корневщика, было богатое месторождение золота, которое ему было известно ещё до начала гражданской войны, но дело в стране пошло так, что всё время было не до разработки.

Всех репатриантов советское правительство, как известно, приняло без особых проволочек, обеспечило жильём и работой. Были устроены на работу и братья.

Как водится, некоторое время старательно, но бестолково, для отвода глаз, поработали на советском производстве. И вскоре пошли по начальству, стали проситься на вольное старание. Дескать, они всю жизнь работали не по часам, а по сезону, что постоянно они работать не могут, ничего у них не получается, часто опаздывают на работу. Долго ли, коротко, но они получили разрешение на эксперимент, то есть — на поиск металла... Так на самом деле в известных кругах величают его величество Золото: металл, «груз 500».

Как было дело, кто кого покупал, кто первый принял и в каком количестве от братьев-старателей жёлтый металл, досконально следствию осталось неизвестно. Кто-то хорошо, старательно разжижал, микшировал это дело. Хищение золота было выведено за скобки и всё вертелось вокруг несанкционированных поставок сугубо лимитированных «Жигулей», лимитного оборудования, продуктов и материалов.

Потому-то братья вскоре наткнулись на жилу. И сразу же, в обход всех правил, широким потоком на прииск хлынули материалы и оборудование: тягачи, электростанции, гидромониторы, перфораторы, бульдозеры, грузовики, самосвалы, автокраны, светильники, компрессоры, автоген, сварочные аппараты, палатки, электропилы, пиломатериалы, гвозди, шифер, рубероид.

Любому хозяйственнику (снабженцу) известно, что помимо основного оборудования нужны десятки и десятки наименований расходных материалов: электроды, электролампы, карбид, шланги, лопаты, форсунки, ломы, кирки и т.д. и т.п. А там ведь ещё и продукты, а для их хранения — холодильники. Для бесперебойного функционирования всего хозяйства — дополнительная электростанция, а к ней десятки бочек солярки, масел, шланги, разного диаметра подшипники и кольца.

А для людей — мясо и не только, даже такая мелочь, как накомарники, робы, рукавицы. И всё это — дефицит, всё это в государстве с плановой, худосочной экономикой — *лимитировано*. И, как вы догадываетесь, должно быть заранее включено в пятилетний план. Короче говоря, фонды решают всё. А все фонды в руках крайкома.

А начальник краевого снабжения Скорик — лишь функция образца ильф-петровского Фунта. Ловкие умельцы из следственного комитета всё дело свели к тому, что, дескать, сам Скорик самоуправно снабжал Маньшиных всеми видами технического обеспечения и безвозбранно продавал им лимитированные автомобили «Жигули». А потому он для государства человек не опасный. И получил он за своё неразумное самоуправство всего-навсего восемь лет.

Правда, невидимые подельники обеспечили ему комфортное сидение. Молодую женщину, начальника планово-экономического отдела лагеря, срочно перевели на комсомольскую работу, а сидельца назначили начальником. И правильно сделали: не стоять же ему у штамповочного или токарного станка.

Жизнь его во время следствия, как и в лагере, была под особой опекой Конторы. В которой, судя по всему, было две партии. Одна — за сохранение статуса-кво советской затратной экономики, а другая — за немедленное обогащение, и плевать ей с высокой колокольни на весь совок. Они горой за приращение богатств любыми средствами.

Отсюда и череда громких дел: любимчиков Брежнева грузинского князя Мжаванадзе, краснодарского воеводы Медунова, главы МВД Щёлокова, узбекского эмира Рашидова, его многочисленных мурз и беков, казахского хана Кунаева, дело заместителя министра рыбной промышленности Рытова, московских торгашей Соколова и Трегубова.

Заинтересована ли была Москва в раскрытии или не раскрытии золотого дела — не совсем ясно. Вот для того, чтобы дело было тихим, бытовым, и состоялись эти странные, кем-то хорошо спланированные «самоубийства».

Из-за прихода к власти Андропова закулисные поделники Скорика побоялись ходатайствовать о его условно-досрочном освобождении, но жизнь ему неизвестные лубянские *чистоделы* сохранили. Знающие Систему люди понимали: не Скорик был главной спицей в этом колесе, он был, всего на всего стрелочником. И понимали, почему ему пришлось отбухать весь срок.

Когда он отсидел половину срока, умер Брежнев и пришёл кагэбист Андропов, а затем птица той же окраски — Черненко. Чтобы не засветиться, поделники и пальцем не пошевелили. Конечно же, сиделец не мог не обидеться. По выходе на свободу Скорик сдал всех своих поделников. Вот тогда-то и состоялась кадровая перетряска в Приморском крае.

Тогда в СССР судить партийную номенклатуру было не принято, поэтому главного смотрящего отправили послом в Чехословакию. Какой партии принадлежали блюстители закона («стригольников» или «нестяжателей»), сейчас сказать трудно, но, глядя на трагический результат, можно лишь только предполагать — партии нам неизвестной...

Одни хотели косметического ремонта Системы, другие модернизации, а кое-кто — ваучеризации-хапка.

Почему сосед по гостиничному номеру рассказал мне этот детектив? Думаю, вот почему.

Вряд ли для Системы осталось незамеченным моё хулиганское участие в написании объяснительной электриком Степановым: «Отвечая на призыв партии и советского правительства...» в 1954 году. Ведь частенько по 58-й статье проходили пятнадцатилетние школьники-

«террористы»*. А мне было почти 18 лет! И, тем более, всё последующее: отказ подписаться на государственный заём в 1955 на пароходе, письмо Хрущёву в 1957 году, отказ вступить в партию в 1961, моё заявление на местком, что «все коммунисты — воры...», отказ поехать в колхоз в 1970 и автоматическая постанова под гласный надзор. И далее — отказ получить юбилейную ленинскую медаль в 1973 году, исповедь чекисту в 1976: «все воруют и берут взятки... совсем скоро и у нас будут проблемы, как у англичан в Ольстере», в 1979: «умоюсь кровавой юшкой, как умылись американцы во Вьетнаме, а англичане в Афганистане». И мои неоднократно озвученные предсказания: как только выполним «Продовольственную программу», то наступят сплошные капустные дни, а в утешение — один рыбный день в неделю... И, главное, — моё систематическое неучастие в общественной жизни коллектива. Отказ ходить на дружину, ездить в колхоз, ходить на овощебазу, на политзанятия, производственные собрания, митинги, майские и ноябрьские демонстрации, отказ голосовать «за нерушимый блок коммунистов и беспартийных». По всему видно, что и за языковой чёс был я Конторой занесён в чёрные скрижали. Наверное, даже в шпионские.

Вот и подбросили мне служивые *«информацию к размышлению...»*

Понимаю, как сложно было вычислить генерала КГБ Полякова, полковника Пеньковского, майора Гордиевского или старшего лейтенанта Резуна. А тут вот он — *шпиён!* — сам идёт в сети. С такой сомнительной биографией и с таким языком, да столько лет на свободе?! А кому я мог понести эту информацию? Если я всего-навсего рядовой совок. Не дальше пивной. Строптивый, мыслящий, но ря-

* Смотрите, например, книгу Юрия Чиркова «Так это было».

довой совок, мечтающий о свободе слова, свободе вероисповедания, о честных выборах, искренне желающий своей угнетённой и распятой родине добра и процветания, что всю жизнь и доказывал своим бескорыстным и часто бесплатным трудом. Работал лишь за благодарность или похвальную грамоту, получая за свою работу только пайку да бесконечную ломоту в ногах от ежедневного стояния в очередях за единственной, без выбора, бумажно-крахмальной колбасой.

...13 декабря 1981 года. Шевеление тектонических плит. Введение военного положения в Польше. Вся полнота власти в стране переходит к Войцеху Ярузельскому и его генералам. Из шахматного клуба один за другим исчезают штатные топтуны. Косвенным образом выясняется, что они в срочном порядке, один за другим, уезжают в командировку. Только не говорят, куда, но по сумрачным лицам можно догадаться, — в Польшу. На усмирение «Солидарности», поэтому радости на их лицах мало. Польская солидарность — не наш дрессированный, покорный совок.

смерть четырежды героя

Ноябрь 1982 года. О смерти бровеносца узнаю в шахматном клубе. Я участник товарищеского матча сборная Тихоокеанского флота (ТОФ) против сборной города на десяти досках. В тот год на первенстве Владивостокского гарнизона я разделил первое и второе места с чемпионом Приморского края Юрой Максимовым, выполнил норму кандидатского балла. Поэтому играю на четвёртой доске за команду ТОФ. Играем по две партии, регламент укороченный: каждому участнику по одному часу до конца партии. К слову сказать, обе свои партии я выиграл.

К концу встречи в шахматный клуб набивается народ. Странные, озабоченные лица. О чём-то оживлённо разговаривают, много курят, слышны загадочные реплики. Закончив свои партии, включаюсь в разговор. Оказывается, умер Вождь передового человечества, герой анекдотов, четырежды герой Советского Союза и двадцатикратный герой всего социалистического лагеря. Простоватый капитан третьего ранга Овчаренко говорит, что Брежнева (в перепалке) огрел чернильницей член Политбюро Кириленко, тот и очурился. Тут же стоят офицеры рангом повыше, но никто из них не переспрашивает. Новость принимают на веру.

Верю в эту историю и я. И вот почему. Кажется, 14 ноября 1982 года газета «Красное знамя» всего в один абзац, без всякого объяснения сообщает, что Кириленко выведен из состава Политбюро. Спрашивается, с какого такого бодуна эта немилость? Все понимали, что значит приход к власти чистой воды кагэбиста. Пятнадцать лет товарищ по партии шёл своим тернистым путём. И пришёл-таки. Языком блямкать из офицеров никто не стал. Годами пугано-дрессированный, золотопогонный электорат новость проглотил без комментариев, молча.

Перестройка и гласность?

*У неотмытого забора
Всё те же идолы стоят,
Келейной вязки разговоры
Плетут, о деле говорят...*
Неизвестный поэт. 1986

1984–1985 годы. Тринадцать месяцев правления кадрового вертухая (калифа на час) Константина Устиновича Черненко запомнил не каждый. Ровно как и правление Екатерины I, Ивана Антоновича, бироновщину и тому подобные события российской истории.

Зловонный застой перешёл в предгрозовую штиль. Небожители и вся коррумпированная номенклатура повсеместно вела дело к своему обогащению. Львы-тяжеловесы готовились к решающей схватке, политические шакалы ждали своей доли. Наступали остатние времена развитого социализма-коммунизма. Стремительно заканчивалась эра мелких несунув. Приближалась эра большого хапка. В стране не хватало не только закуси, но и крашеного пойла, с чем строитель коммунизма уже был совершенно не согласен. Ветер перемен нагонял высокую волну, грозившую стать ураганным девятым валом. Политические шаманы бились в идеологически бесплодных конвульсиях, но так ничего толком придумать и не могли. Старые грифы устали. Подтвердилась известная формула: *караул устал.*

1986 год. От знакомого подполковника милиции Григория Ивановича К., посодействовавшего моей прописке во Владивостоке, узнаю, что попал под следствие зам.

начальника УВД Приморского края Константин Бабичев, на протяжении многих лет крышевавший «третью смену», полностью состоявшую из братков-спортсменов, будущих крупных властителей жизни девяностых. Но помимо силовиков, покровителей приморских флибустьеров, были покровители и партийные. Кабан и Коваль (в порядке бартера предлагали отдых с девочками) обеспечивали шикарную жизнь первому секретарю Владивостокского горкома КПСС Шарину. И не только одному ему. Даже высокому начальству из Москвы. А когда разорили осиное гнездо, опять же в порядке бартерных зачётов Константин Бабичев отсидел всего год.* И говорят, такой крутняк сидел не на параше.

Самые умные и изворотливые из братков уцелели в опасных и многочисленных разборках, стали зелёными миллионерами и сейчас живут на Филиппинах, в Италии, Майами и Калифорнии. А несколько десятков их сплошной стеной стоят на Морском кладбище на Аллее героев лихих девяностых.

Я ни минуты не верил в благополучный исход «перестройки» или успешный результат реформ. Поэтому-то и написал строки, взятые эпиграфом к этой главе. Вспоминаются слова Алексиса де Токвиля:

Для деспотической системы самый тяжёлый момент наступает, когда она предпринимает попытку реформироваться. Перестают работать старые механизмы — в первую очередь страх.

И всё-таки хотелось верить в лучшее. Охотно берусь за всё, за что можно взяться.

* См. «Организованная преступность Дальнего Востока». Изд. ДВГУ, 2011.

На этот период я — избранный председатель краевой шахматной федерации общества «Зенит». В городском шахматном клубе организовал ремонт электрического освещения, шахматных столов и стульев, технических помещений клуба и провёл первый «коммерческий» чемпионат города по швейцарской системе. Положением предусмотрено три денежных приза. Участвуют мастера, все сильнейшие кандидаты и перворазрядники.

В том же году в краевой газете «Красное знамя» появляется моя первая заметка на шахматную тему. За многолетнее безделье в пух и прах разношу председателя краевой шахматной федерации, называю столицу Дальнего Востока шахматной тундрой. Публикация в краевой газете вскружила голову, вижу в родном ЖКХ махинации с квартирами, начинаю шевелить осиное гнездо в нашем тресте «Судпромстрой». Да что можно сделать в одиночку?!

Вороватые чиновники навалились на меня всей стаей. Стали рвать, долго и больно. А живу-то я в служебной квартире, за которую начальнику конторы так ничего и не дал, вернее, дал, да не всё, что он ожидал. В общественной жизни участия не принимаю, на дружину не хожу, на обязательные для всех политзанятия не хожу. Ущербная личность — удобная мишень. Стая решила отобрать у меня квартиру... Дело закончилось реанимацией и больницы койкой. Выжил чудом. Никого из мздоимцев не посадили.

Боевая ничья далась с трудом. И всё-таки — торговавшие квартирами заместитель управляющего трестом по быту и кадрам, председатель месткома, его зам, профсоюзный инженер-инспектор, начальник ЖКХ, — были уволены. С миром. И тишина. А я, хорошо потрёпанный стаей, — еле выжил. Спасла жена. Чтобы поправить здоровье, с октября пошёл моржевать. В декабре искупался в проруби 23 раза, болезнь стала отступать, а работоспособность улучшилась...

Во Владивостоке стала выходить странная газета «Делин» — деловой информатор. Теперь странность более или менее понятна... Отцы-основатели этой перестроечной газеты: Валентин Кнапп, Юрий Кашук, Юрий Церус, Владимир Фридман, Александр Радужкевич — люди, близкие системе. Тем более странно (с 1991 по 2005 — всего за четырнадцать лет), таким же загадочным образом один за другим ушли в мир иной. Близость к системе слишком дорого обошлась этим правоверным кадрам... Все оптом умерли в возрасте между 50-ю и 60-ю годами. Почему?!

1987 год. В конце сентября во Владивостоке состоялась выездной секретариат Союза писателей России. Заседания проходят в конференц-зале крайкома КПСС. Вход почти свободный. Но у меня есть приглашительный билет, дали его в писательской организации по инициативе ныне покойных Александра Романенко и Юры Кашука. Оба обратили внимание на мои стихи.

Из пяти дней работы секретариата присутствую на четырёх. В президиуме: Юрий Бондарев, Николай Шундик, Александр Проханов, Владимир Бондаренко, Олег Попцов.

Понравилось выступление Олега Попцова, в перерыве спрашиваю: понравились ли ему мои стихи? Он просит подождать, придёт время и моим стихам.

Всего приехало, как говорят, около ста «совластиков», кстати, можно читать и так: советских классиков, а можно — совковых классиков. Кто-то в кулуарах шутит: волчья сотня!

Не выдержав пустопорожних речей, направляю Бондареву записку с просьбой прочесть мои стихи «Дай высказать!» — или пусть прочтёт их кто-нибудь из них. Бондарев эти стихи пускает по кругу, вся чёрная сотня читает. Но прочитать мне эти стихи так и не дали. Однако от секретаря приморской писательской организации Льва

Князева узнают, кто автор, и в перерыве несколько писателей просят экземпляр этих стихов. А там такие строки:

Стоим коленопреклонённые,
Спеша отмыть и лак и грязь,
А сверху идолов краплённых
Очередной тасует князь.

Писателям-конформистам такие стихи в диковинку. Раздал около пяти экземпляров, а запомнился только хабаровчанин Михаил Асламов да, кажется, москвич Александр Бобров, но хорошо помню и ещё другие проворные московские руки.

После этого я стал ходить в «Серую лошадь», там и познакомился с Юрой Кашуком, четырежды не принятым в члены ССП, который вскоре напишет положительную рецензию на мою рукопись «Волчьи гоны».

Я уже знал, что у него одного было столько публикаций в центральных газетах и журналах, сколько не было у всех приморских писателей вместе взятых. Не оттого ли серость мстила ему и ни в какую не желала принимать в Союз писателей?

1988 год. Как холодный душ, апрельское наступление Нины Андреевой. Вся страна притаилась, ждёт, что скажут прорабы перестройки.

Журнал «Дальний Восток» № 7 и № 8 публикует документальный очерк «Оборотни», о работе Хабаровского отдела УГРО, о том, как несколько лет группа офицеров МВД безошибочно вычисляла пассажиров с деньгами, грабила, а потом убивала.

Сентябрь. Прорвался в «Литву литературную» со стихотворением «Яблоня», написанным в 1967 году, в честь 50-летия советской власти. Которое — помните? — попало

в руки замполита колонии 272/16, позже восстановленное по памяти, и которое в 1970 году, в числе прочих бумаг, пришлось повторно порвать. Это стихотворение в 60 строк двадцать один год хранилось в моей дурной голове.

А Польшу терзают забастовки. Польская интеллигенция не стала чистоплюйничать, а пошла на заводы и фабрики, вступила в союз с рабочими. Вожди ПОРП всячески изворачиваются. Рабочие наращивают требования по восстановлению свободных профсоюзов. Медленно, но уверенно завоёвывая всё новые и новые плацдармы, готовя новую эру в истории своей страны и, не побоюсь сказать, в нашей истории. Кто знал, что польская «Солидарность» через десять лет сокрушит и советский «железобетон»?

Ноябрь. Узнаю: скульптор Валерий Ненаживин изваял памятник Осипу Мандельштаму, вношу и я свою лепту. Презентация памятника начинается с чтения моего стихотворения «Памяти Мандельштама».

Местные писатели-заединщики наезжают:

— Ты, русский?

— Русский!

— Так какого чёрта дерёшь горло за еврея?

— Отдаю дань уважения... он единственный, кто выступил в защиту русской деревни и всего российского крестьянства, рассказал о каннибализме, а все русские писатели, за исключением Клюева, оказались конформистами, только славословили Вождя всех племён и народов. Ведь больше нет русской деревни, а это не может не аукнуться.

И далее целый час базарного ора. Никто друг друга не переубедил. Поставленный памятник поэту-страстотерпцу был трижды разрушен вандалами. С тех пор я не захожу в писательскую организацию, стены которой основательно пропитаны некрофилией, юдофобией, ксенофобией и шовинизмом.

По центральному телевидению два экстрасенса-психотехнолога попеременно ведут тотальную обработку совка. Я интуитивно понимаю эту лукавую заботу о народе и ни разу не стал слушать их «терапию». А чуть позже в печать просочились слухи о новых технологиях (высшей стадии гипноза – суггестии), целенаправленной работе Конторы по зомбированию совка, безропотно поменявшего коммунистический курс на криминально-капиталистический.

1989 год. В журнале «Дальний Восток» № 4 опубликовано пять моих стихотворений. Поверив, что перестройка и гласность «всерьёз и надолго», решил восстановить порванные в 1970 году тексты. Поэтому пошёл работать бойлерщиком.

Выписываю пять толстых журналов и столько же газет, запоем читаю «Дети Арбата», «Белые одежды», «Чёрные камни». Читаю и библиотечные журналы.

Работа сутки через трое. А бойлерная находится в тех же домах, где живут наши славные силовики. Ребята-пенсионеры из Конторы, напуганные расправой над Чаушеску, трутся в «дерьмократической» среде, добровольно посещают наши «симпозиумы» в бойлерной, а кое-кто охотно принимает в них участие, под мухой рассказывает о делах давно минувших дней, о писателях в погонах и прочих инженерах человеческих душ, чистых и пушистых альтруистах.

Слушаю с интересом... выясняется, что таких «писателей» больше половины, и многие из них получают пенсию в *Конторе!* А самый *авторитетный* из них, тот, что *один* в 1987 году проехал «три тысячи миль по шести штатам США» (так назвал он свою книгу), даже носит подполковничьи погоны. Он на заре карьеры по заданию Конторы полтора года отсидел на Колыме. После чего этот *отсидент* (!) сделал головокружительную карьеру на радио,

телевидении, несколько лет подряд был членом бюро крайкома КПСС! И последние двадцать лет возглавляет Приморское отделение ССП.

Вот почему так беспощадна Система к собственному народу, такие циничные наши бизнесмены, такие жалкие результаты реформ. Это похлеще известной песенки «Если в кране нет воды...» Одним словом: закон Паркинсона, если судьбу реформ отдать в руки чиновников — результаты будут нулевыми, а кадровая и экономическая катастрофа неизбежна.

С 1988 года введены талоны на продукты и водку, но обеспечены талоны лишь на 70%–80%. Излишки пошли в коммерческую торговлю, а на вырученные деньги чиновная братва вскоре станет оптом по смехотворной цене скупать наши ваучеры.

Неожиданно в городе появляется Томас Норкус, приехал из Литвы. Мы с ним знакомы более десяти лет. Он служил в морской пехоте, хорошо владеет приёмами рукопашного боя, подвижен и коммуникабелен. К тому же, заочно закончил ДВПИ, но весь устремлён работать в Системе. Он из семьи депортированных в 1946 году литовцев, но давным-давно отбросил свои националистические принципы. Не стесняясь, рассказывает о своём сотрудничестве с ОБХСС. Демонстрирует возможность доставать продукты и т.д. и т.п. В 1979 году он уехал жить в Каунас, где сразу же получил квартиру.

Здесь работать инженером на заводе не стал, а стал работать разъездной подсадной уткой. Вскоре получил двухкомнатную квартиру. Почему-то я остаюсь в обойме его приоритетных знакомств. Но, главное, он привёз с десятков свежих номеров газеты «Саюдис».

Спрашиваю:

— Чтоб никто о газетах не знал?

Отвечает:

– Пусть знают!

Когда он успел стать либералом?

Или это игра Конторы, которую Система бездарно проиграла? Однозначного ответа не дашь.

1990 год. Мы люди маленькие, ежедневно хочется есть. Помимо пищи духовной, телу нужен хлеб насущный. Самое простое блюдо – винегрет. Требуется зелёный горошек, в магазинах нет, пошёл на рынок. Вижу, в открытом багажнике чёрной «Волги» горошек. Разогнался, нашёл! Да не тут-то было. Гони четыре рубля и бери. Говорю продавцу:

– Парень, креста на тебе нет. Почему так дорого? В магазине горошек стоит 27 копеек.

А мне в ответ:

– Хотели рынка? Получите!

Присмотрелся к «продавцу», а на нём добротные меховые ботинки, драповое пальто, норковая шапка. Э-э! Понятно, паря, откуда дровишки. Непонятно только, откуда такая беспощадность к собственному народу?

Позднее я пришёл вот к какому выводу: последние три-четыре пятилетки небожители совсем не занимались управлением и строительством государства. Нарацивали военные мускулы и, как дети, на трёх континентах сразу играли в войны и войнушки, в перетасовки и перевороты национальных лидеров. Самые ловкие и дальновидные из наших чиновников уже тогда повсеместно приступили к первоначальному накоплению капитала, сотрудничали с дельцами теневого рынка, работали на свой карман. А спивающийся народ кормили помпезными партийными съездами и обещаниями, крахмальной колбасой, сытными докладами, предстоящими достижениями да похвальными грамотами. Как и прежде, делали вид, что платят

нам за нашу работу, а мы также делали вид, что работаем. Но откуда такая жестокость к собственному народу? Раз не захотели строить плакатно-казарменный коммунизм, получайте средневековый капитализм!

Слушаю профессионального лицедея Горбачёва, решившего подремонтировать/модернизировать Систему. Понимаю всю шаткость его положения, ужасаюсь, что дело идёт к развязке. Выкинут из Кремля, как выкинули Никиту Хрущёва.

Угадал. Бесславно выкинули.

А снулый народ навсегда лишили последних иллюзий.

В журнале «Волга» № 6 опубликовал подборку стихов. «Юность» № 4 публикует моё письмо, в котором рассказываю, как в апреле 1967 года на станции Мальта сгорел вагон с заключёнными. 25 человек сгорели заживо, а четверо умерли в больнице. Подробности узнал от Саши Кузнецова, оставшегося без ушей. Отгорели. Среди погибших оказались каменщик-виртуоз из моей бригады Николай Иванов и мой приятель, художник Ваня Ковалёв, освобождённые из лагеря п/я 272-17 по УДО, ехавшие на стройки народного хозяйства — «на химию».

Разговаривал и с теми, кто вытаскивал из «столыпина» сгоревшие и сварившиеся после пожаротушения трупы. Повторять этот страшный рассказ не стану. Он за гранью...

В течение года две публикации в «Молодом коммунисте», после чего присылают письмо. Сообщают, что по итогам года я стал лауреатом журнала, просьба прислать биографические данные и т.д.

Решаю съездить к сёстрам, а на обратном пути заехать в редакцию, которая публикует таких поэтов как Иван Жданов и Александр Ерёменко.

предощущение

Мы совершенно недооценивали масштаб разрушений — духовных и материальных, — свершившихся у нас. Надо было бы предвидеть, что распад тоталитарного строя неизбежно будет связан с новой катастрофой.

Игорь Шафаревич

Внимательно читаю прессу. Два политика одновременно разыгрывают два разных гамбита. Оба для России проигранных.

Чувствую, приближающуюся катастрофу — распад страны. Помимо стран Балтии, о своей независимости объявила Грузия, а от Грузии — Абхазия и Южная Осетия. А в самой России о независимости объявили Башкирия, Татария, Карелия, Удмуртия, Коми, Ханты-Манси, Якутская АССР, и даже Чукотка отделилась от Магадана, провозгласив себя республикой.

В сентябре газеты наперебой сообщают о движении в сторону столицы больших масс подразделений спецназа ВДВ. По счастью, тёмные покрова пали, в газетах шум. Армейское командование сообщает, что парашютисты идут на уборку картофеля. А на другой день с полдороги, забыв о картошке, вернулись в казармы. Неужели картошку оставили под снег?

В октябре в «Комсомольской правде» тревожная статья Игоря Шафаревича «Можно ли ещё спасти Россию?» А там, в описании абсурдных теорий сепаратизма (но ничего абсурдного я там не вижу!), упомянут и Дальний Восток. Решаю съездить на Украину повидать брата и проститься с сёстрами. В частном порядке отпрашиваюсь у коллег-бойлерщиков с работы. Через Москву и Одессу добираюсь до Котовска.

Родные встречают радушно, приехал брат с женой из города Шостки Сумской области. Среди многочисленных речей слышу, сестра предлагает всей родне сброситься и компенсировать половину моих затрат на дорогу; те было потянулись к своим кошелькам, но... я им объясняю: мне от вас ничего не надо, деньги через год-другой превратятся в мусор. Коммунистический пропагандистский миф о братской дружбе народов Союза канет в бездну, все до единой республики разойдутся по своим «курениям», у каждой республики будут свои вожди-диктаторы, «сомы», «теньга», латы и «зайчики». Сёстры не верят; доказываю, что это трагическая неизбежность. Ленин в 1917 толкнул фишку домино, а мы свидетели финального падения последних фишек нашей государственности. Что партийные царьки спят и видят, как выпрячась из жёсткой партийной сбри. Жена брата – второй секретарь горкома КПСС города Шостки терпеливо слушает, но – диво дивное! – не комментирует.

На обратном пути во Владивосток, в Москве захожу в редакцию «Молодого коммуниста». Там чувствуется какое-то подковёрное движение. Незадолго до ГКЧП произошла некая рокировка, новый заведующий отделом Юрий Никонычев, прочитав мою последнюю подборку стихов, при мне кому-то звонит по телефону и тут же посылает на Комсомольский проспект, 13. Я уже наслышан о резком размежевании в писательской среде, догадываюсь, что там ждёт беседа с заединщиками, в большинстве своём твёрдолобыми сталинистами. Мне это не с руки. Я не сталинист. Вместо Комсомольского проспекта еду в редакцию «Юности», там беседую с Натаном Злотниковым. Он предлагает выписать командировку на мою родину, в село Тимофеевку и Кузьминку. Но я, повязанный обещанием, данным моим коллегам по бойлерной, приехать к назначенному числу, быть может, решающее в моей

жизни предложение не принял. И поехал домой. В бойлерную на вахту. А согласись я на эту командировку, то застал бы в живых тётку Дарью (1912–1997), жену моего дяди Кузьмы, которая много чего могла бы мне порассказать, в том числе и о судьбе моей родной бабушки-полячки.

1991 год. Такое ощущение, что «Великая криминальная революция» свершилась. И проводниками её и адептами были потаённые говоруны Системы – многочисленные лицедеи типа Говорухина.

Рядом с бойлерной, на улице Ленинской, 193 находится клуб «Демократ», он в трёх минутах ходьбы от моей бойлерной, там бывают редкие (полуподпольные!?) газеты. Более чем уверен, что это сети для говорунов, туда не хожу, зато туда ходит мой коллега, композитор Николай Горлач, автор оперы «Олеся». От него узнаю последние «демократические» новости.

По содержанию разговоров понимаю, что туда ходит много работников с военных заводов, и по многим признакам этот клуб – низовой филиал Конторы. Многие из посетителей этого клуба чуть позже станут краевыми депутатами-болтунами демократической закваски, а некоторые из них даже депутатами Госдумы. Иные найдут свою нишу в бизнесе.

Именно главный содержатель этого клуба в «новые времена» и возглавит городскую избирательную комиссию, которая (вперемежку с судами) около двадцати раз (по заказу сильных мира сего) станет снимать Виктора Черепкова с выборов.

Так что воровской вертикали эти патентованные и прикормленные «демократы» пригодятся. И не случайно, а по заслугам подконтрольная Системе пресса этих демократов будет называть «дерьмократами». А чуть позже (при построении пресловутой вертикали) само помещение клуба

сначала станет перевалочным складом, а после — филиалом какой-то коммерческой конторы, в которой будет трудиться ставленник Системы, хитрован завклуб.

В апреле съездил на Сахалин поклониться могиле своих родителей. На кладбище я не нашёл ни могил, ни крестов. Через сорок три года интуитивно, сквозь метровый слой снега, исповедался им о прожитых годах. И мне стало легче.

Много пишу, печатаюсь, иногда до 13 публикаций в год. Одна за другой — в «Сибирской газете», «Дальнем Востоке», «Сибирской книге», «Авроре», «Территории», «Вильнюсе», «Северо-Востоке».

Кстати, вспомнилось: летом 1991 года получаю письмо от редактора «Северо-Востока» из Новосибирска Игоря Юрьевича Аристова. Чувствую в редакторе человека Системы, но бояться уже не боюсь, давно отбоюсь.

Спрашивает:

— Какое вам видится будущее страны?

Ответ давно сидит в моей голове; не задумываюсь, отвечаю:

— Чтобы поправить своё положение, хоть как-то укротить центробежные силы, коммунисты могут пойти на очередное кровопускание. Временно эти меры дадут результаты, поправят положение, но стабильность будет сохраняться всего год-два-три, а дальше наступит неизбежный крах. Системный крах Системы, давно изжившей себя самоё... И второй сценарий: медленное, системное (если хотите — иезуитское) восстановление монархического образа правления. Конечно же, конституционного. Только так и можно сохранить уникальное государственное устройство, и прежде всего — единство славянского мира, залог стабильности всей страны.

И тут же серьёзное огорчение. «Дальиздат», продержав 16 месяцев 250-страничную рукопись «Волчьих гонов», (за

две недели до путча!) возвращает её почтой с унижительной резолюцией. Внутреннюю рецензию-рекомендацию Юрия Кашука на «Волчьи гоны» они, зная о ближайших событиях, проигнорировали. Каким образом? Самым топорным. Послали рукопись на рецензию поэтессе Майе Ганиной. Дрессированной рецензентке не надо было ничего намекать... Она прислала «нужную» рецензию. О крушении своих планов сообщаю редакторам «Сибирской газеты», те мне пишут: «Присылайте рукопись». Посылаю, и тишина. А на самом деле, Господи! Какая там тишина! Гром среди ясного неба: ГКЧП. И вот какие признаки планируемых событий, которым я был свидетелем...

18 августа, воскресенье. Собрался в лес по грибы. На электричке добираюсь до станции Океанская, а дальше до Шаморы на автобусе, но городские автобусы ходят отвратительно. Поэтому много раз меня, бородатого старика, подвозили военные, но 18 августа все военные были какие-то взъерошенные, меня подвозить не стали. Помню, был удивлён: почему-то в воскресный день все, даже старшие офицеры, ехали на службу. Во всяком случае – не на дежурство. Удивлён-то, удивлён, да не спросишь: военную тайну никто не отменял.

На митинг 19 августа против ГКЧП, думая, что заметут, пошёл с авоськой в руках, в ней было сменное бельё. Митинг вёл капитан-инженер первого ранга Виктор Черепков, а ещё в числе митингующих была неожиданная персона – жена позабытого страстотерпца, истинного Героя России Валерия Саблина. Это было её первое и последнее публичное появление. О её трагической судьбе до сих пор никто ничего не знает. Сын её – яркий антипод своего мужественного отца. И во всём его винит. Хотя я и пытался вывести на неё местных журналистов, ни одному из них эта трагическая судьба не была интересной. Живёт она в двух шагах от кинотеатра «Варяг». Совершенно забитой,

испуганной, затурканной. Быть может, даже зомбированной. Я пытался с ней общаться, но дальше «Здравствуйте» — «Здравствуйте!» — разговор так и не стыковался...

Несколько тревожных дней закончились крушением великой страны. Ни вожди-функционеры КПСС, ни верхушка КГБ, ни армия, ни милиция, ни 20 миллионов коммунистов, ни 50 миллионов комсомольцев не вышли на защиту прогнившей Системы. А те денно и нощно рубят-уничтожают документы. Прохожу мимо крайкома, а вокруг, как снег, мелко рубленая бумага, просыпавшаяся из огромных чёрных матрасовок...

Наконец 23 августа во Владивостоке состоялся митинг сторонников Ельцина. В газете «Утро России» выходит моё стихотворение «Победный день», которое я прочту с трибуны на этом митинге.

1992 год. Марк Дейч в июне в «Литературной газете» в статье «Лубянка: всё на продажу» пишет о создании в Приморье (по инициативе крайисполкома ещё в 1988 году!) государственно-кооперативного предприятия «Дальвент», которое было создано под кураторством Третьего главного управления КГБ при непосредственном участии Василия Костюкова, сотрудника Особого отдела КГБ по Тихоокеанскому флоту. «Научным» директором был назначен Александр Исаев, «писатель», «режиссёр», «кинопродюсер», «доктор экономических наук» и т.д. и т.п. На балансе «Дальвента», этого мутного объединения, оказалось 40 рыболовецких судов, приобретённых в кредит. То есть на денежки совка, бесследно исчезнувшие со счетов Сбербанка.*

* Смотрите статью «Тайны Дальвента», владивостскую газету «Новости», 17 сентября 1999 г.

В этом же году в Новосибирске в издательстве «Парнас» наконец-то вышли «Волчьи гоны», вместо 250 всего 102 страницы. Зато 3000 тиражом. Мне даже заплатили гонорар — 4000 рублей! А сам издатель — Евгений Гендельман — в «Книжном обозрении» № 27 назвал меня талантливым поэтом. Ау-у! Спасибо Вам, Евгений Абрамович! Доброго здоровья и долгих лет жизни.

Для того чтобы случайные люди не мешали партийной и хозяйственной номенклатуре скупать ваучеры, одна за другой создаются финансовые пирамиды, с согласия или по инициативе КГБ.

Деньги дешевают на глазах, пускаю в дело свой гонорар. Нет, покупаю не ваучеры, а продукты. Пришлось покупать про запас всё, что попадалось на глаза: электроплитку, сумку, часы, растительное масло и китайские консервы. Консервы оказались несъедобными — выкинул, масло несъедобное — выкинул, часы вскоре разбились. За ненадобностью пришлось кому-то отдать сумку, а чуть позже и плитку. Правда, щедро подал нескольким нищим. Чуть больше пожертвовал церкви. Четыре тысячи иссякли ровно за две недели...

В августе 2002 года я попытался найти Гендельмана в Новосибирске, потратил два дня, к сожалению, безуспешно. Время ли, власти снесли домик, где находилась редакция «Сибирской газеты», приютившая меня неприкаянного. Именно в этой газете состоялись мои первые серьёзные публикации, были даны лестные оценки творчеству.

Октябрь 1993. Расстрел Белого дома. Жаль русских людей. Ничего хорошего от ельцинской команды ждать не приходится. Ещё худшее ожидало Россию с реставрацией совка. С этим убеждением и живу, по сей день.

МИССИОНЕР-МНОГОСТАНОЧНИК

Вульгаризаторы в прошлом не считались с огромными воспитательными возможностями церкви. Теперь церковь считается младшей сестрой партии, ей даны огромные права и возможности.

Владимир Войнович

Вот зациклились все и твердят: «Оборотни в погонах», оборотни те, оборотни эти! И хамелеонами не назовёшь, и к числу порядочных не отнесёшь. Полно этих ребят среди писателей и журналистов, многих из них я знаю поимённо. Да ну?! Поясню.

Как раз с 1986 года повеяло свободой. С тайной надеждой восстановить свои заметки я пошёл работать в бойлерную. Вахта сутки через трое — мечта графомана.

Повидал я немало. Чего стоит моя поездка в сентябре 1957 года от Кольского полуострова до Камчатки, рассказать есть о чём.

Одна беда — мало платят. Сто рублей в месяц — это совковая пайка. Но впереди маячат тиражи книг, известность. И от пуза белого хлеба. А если ещё и удастся поведать о безъязыкой судьбе русского крестьянства, погибших родственниках, то это и есть предел моих мечтаний. Обойдусь и без славы. Мне, непривередливому, хватит и ржаного хлеба.

Для укрепления тела и духа, общей работоспособности пошёл моржевать, в одних трусах бегаю по льду Амурского залива кроссы. Однажды бегал кросс при ветре 26 метров в секунду и температуре минус 26 градусов. Жена аэролог объясняет, что это почти минус 50 градусов... Даже не верится, что я такой волевой...

От нашей бойлерной питались дома силовиков. Среди бойлерщиков были и малопьющие коллеги (им всегда мало), а их помятые жизнью кореша регулярно посещали наши ежедневные «симпозиумы». Участвовал в них и я, грешный.

Наступил 1989 год, затрещала по швам берлинская стена, под шум волны в декабре был бессудно расстрелян румынский диктатор Чаушеску. Этот сигнал работниками нашей Глубокой Конторы был истолкован неоднозначно. Многие из них прямо на глазах становились правоверными «демократами». А кое-кто из этих ребят, говоря языком прозы, наложил в штаны.

Один из них, судя по всему, по наклке Ореста, всё чаще и чаще стал заходить в мою смену. Вот он и порассказал про наших инженеров человеческих душ, на какие-то шиши регулярно зачастивших по заграницам, про мутных «путешественников» по Китаю, Японии, США и Австралии, да ещё по два раза в году. Их путевые очерки свидетельствуют против них, о многолетней принадлежности к Конторе... Сколько-то из них, сердечных, с какого года, и в каких чинах проходят по ведомству Конторы? С чьих рук получают «заслуженную» пенсию.

Но никто ни гу-гу про оборотней в рясах. А ведь есть и такие, их тысячи. Многие так именно и думают, но я лично своего знакомого таким не считаю, в период *разгула демократии* я пивал с ним чай. Иногда, держа запятыю в голове, думалось: это просто ищущая, мятущаяся душа самой светлой и беспорочной пионерской закалки... Каждому подвижнику веры нужна ниша, живая сердечная струна жаждет быть услышанной, каждый винтик вертикального механизма хочет быть востребованным.

Похоже, рвался провести наш ржавый дредноут безопасным фарватером и мой знакомый штурман-миссионер.

Так, ещё на заре перестройки в *городе нашенском* подвизался отставной моряк. Бывший второй штурман наспех был кем-то рукоположен (?) и назван отцом Валерием. Этот подвижник не чурался светской и общественной жизни, общался с активистами-демократами (в быту — дерьмократами), дружил с вчерашними комсоргами, а ныне крепкими бизнесменами. Он регулярно ходил на митинги, даже содействовал краеведу Нелли М. в сносе памятника Ленину в Покровском парке, где в светлые времена построения коммунизма на костях самых уважаемых лиц города атеистами была устроена танцплощадка.

Как складывалась пастырская карьера живчика — мало кому известно. Кто-то говорит: «Очень даже странно...» Я возражаю: по-другому у нас не бывает. Через малое время узнаю, что о. Валерий перешёл в РПЦЗ, даже уехал (с миссионерской миссией?!) на Аляску.

Ещё через какое-то время туман рассеялся, гляжу и не верю своим глазам: о. Валерий вернулся к истокам веры. На всякий случай пить чай я с ним больше не стал... А он, видимо, и не нуждался, оказавшись снова на острие общественной жизни города, через некоторое время подвизался в староверы. Насколько он пришёлся ко двору «семейским» или «веткинским», осколкам некрасовцев или федосеевцев, не знаю. Ну и ладно бы. Страждущая чистой криницы душа, служи Богу, наставляй заблудших овец на путь праведный. Да не тут-то было!

Смотрю как-то по телевизору местную программу, и что же? Отец Валерий, одетый в звериную шкуру (по слухам, волчью, на мой взгляд, — козлиную), выступает адептом праславянской — языческой, «самой верной в подлунном мире» веры. Отрастив до плеч жиденькие волосёнки, сидит, закатив глаза, играет на самодельных гусях и поёт, импровизируя-сочиняя, что-то несусветное про Дажь-Бога, Ярилу, Перуна и Велеса.

Подобострастный ведущий, беря у него интервью, заинтересованно охает, ахает, увлечённо поддакивает, а отец Валерий, войдя в пастырский азарт, знай себе наставляет и окормляет местных аборигенов-телевизионщиков и глупых неофитов.

А глаза такой прозрачной глубины и неподдельной ку-мачовой веры в постсоветский капитализм, такие чистые и непорочные, как у ильф-петровского Альхена или Алёши Карамазова, что мне невольно подумалось: а причём тут козлиная шкура? Могли бы приодеть во что-нибудь получше, например, в новый китайский фуфай. Неужели у режиссёров иссякла фантазия? Даже не верится...

Что каждая короста пристаёт по месту и росту.

безработный

Начав, — как и все! — погонею за успехом, незаметно для себя пришёл к самопожертвованию.

И.И. Тхоржевский

1993 год. Наступил постсоветский эндшпиль. Идёт реорганизация нашего треста. Весь год отработал бесплатно. Начальник нашей конторы Иван Иванович Б. — человечешко со средним образованием и двойной моралью, — моментально проглотив-прикарманив все другие подразделения нашего треста, стал мультимиллионером. Но при этом подчинённых уверяет в своей преданности идеям коммунизма. Мне потребовалась справка о среднемесячной зарплате, хожу в трест каждый день, изрядно ему поднадоел, а когда оба дошли до кондиции, то он, оправдывая своё хамство, как Змей-Горыныч, изрыгая из пасти дерьмо, на весь коридор конторы заорал:

— Ельцин справки выдаёт!

Пришлось заплатить за эту справку семьдесят тысяч рублей! Это сегодня цена этой справки две с половиной булки хлеба. А в тот год на эти деньги можно было купить целый мешок хлеба! Но с диктатом «красного директора» не поспоришь. А ведь я в его конторе отработал четырнадцать лет за сто рублей в месяц.

Состояние безработного — это полное оскотление личности.

Тебя может сделать любая чиновная букашка, а ты, ровным счётом, — ничего. Нет денег даже на хлеб, а ещё нужны деньги на транспорт. Я часто езжу в лес по грибы, если нахожу одну-другую стеклянную бутылку, а то и все четыре, то полностью оправдываю расходы на дорогу.

А тут мне даже не дают справку о среднегодовом заработке. И я не могу оформить себе пенсию. В тринадцать лет пошёл строить коммунизм. Построил... Уже год живу на случайные копеечные заработки. Зато питаюсь воздухом свободы, не ропщу. Из-за большого сердца жена запрещает мне *качать права*, требовать у начальства зарплату. Все наши работники по суду получили свои деньги. Это за девять месяцев подвешенного состояния: не уволен, но и работать нельзя. И всё-таки в суд подавать не стал. А довольствовался тем, что были опубликованы стихи в журналах «Дон» и «Северо-Восток». Регулярно хожу на все «демократические посиделки», где главными поводырями-закопёрщиками и проводниками в совковый капитализм выступают ребята из Конторы. Втягивают и меня в комитет по встрече Александра Солженицына, куда вошёл известный художник, безвестный прозаик, более чем мутный банкир (вчерашний комсорг), такой же мутный учёный и я, грешный. Помногим признакам видно, что все они служат в Конторе. Мне, по-видимому, как городскому сумасшедшему, предлагают подготовиться и выступить с докладом на вольную тему. Я в это время уже вхож в демократические круги, представителями которых являются: профессор ДВГУ, археолог Давид Бродянский и профессор, историк-японист Виталий Совастеев, капитан дальнего плавания Игорь Алексеев и две мутные дамы-журналистки. Называть этих дам «мутными», а не по фамилиям приходится потому, что вчерашние демократки могут запросто пригласить меня в суд. Я бываю у них дома, они не чураются приходить ко мне. Кукловодам Конторы, по-видимому, интересно, что может из себя представлять безвестный бойлерщик. Долго не раздумывая, соглашаюсь. Раз речь идёт о приезде Солженицына, решил свой доклад назвать «Памятник примирения». Доклад, на мой взгляд, получился. Язык складный, по выражению Виктора Петровича Астафьева, разумный. Выступление проходит в малом зале Белого дома.

Аудитория на 100% состоит из стриженных ребят со строевой выправкой. Что за подразделение прислали на это мероприятие, остаётся только догадываться. На мой недомётный вопрос к «банкиру», что это за странные ребята, отвечает: «Афганцы». Свой доклад читаю с укором, выразительно. Те, как черти на сковородке, корчатся, елозят задками и шушукуются, а куда деваться? Но ведь и я, хоть и юридический, да — не дурак. Понимаю: меня используют, так и я, играя в поддавки, буду их пользоваться... Спектакль сочинён в их ведомстве, в зал их привели скопом, сиди, служивый, и слушай! Так и оказалось: вся артель, все до одного (художник, прозаик, «банкир»-комсомолец и сомнительный учёный) оказались ряжеными. Как, думаю, и главный «редактор» газеты «Дальневосточная республика», визитную карточку которого я бережно храню. Газета — гроссмейстерский ход, козырная карта и, судя по всему, детище самого аристократичного губернатора России, кавалера многих орденов, четырёхжды почётного доктора наук и т.д. и т.п. Таким образом Контора, пользуясь кадровым резервом подобных политических скоморохов, заранее готовила почву для реванша. Сепаратистскими статьями в этой газете, по наущению кукловодов, наш губернатор-аристократ, ведя подковёрную борьбу, но числясь в ельцинской команде, за спиной шефа поддёргивал и подавлял «ельцинистов». Ему активно содействовали ставленники Конторы, депутаты Краевого Совета Гринченко и Заболотников.* Так вот, этих ребят не было ни в аэропорту при встрече Солженицына, ни на его пресс-конференции в администрации края. Да и на общественных подмостках я их нигде и никогда больше не видел. А свой доклад мне через полгода всё-таки удастся опубликовать в «Арсеньевских вестях».

* См. «Как разгоняли Советы», газета «Новости» от 11 февраля 1994 г. и газета «Утро России» от 5 октября 2013 г.

возвращение изгнанника

Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором — таков непрекращаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий.

Пётр Струве
«Исторический смысл
русской Революции
и национальные задачи»

1994 год. В городе нашенском нарастают слухи: «Едет!» Пароходом? Самолётом? Ясно одно — хоть и через столицу Колымского края, но не на оленьей упряжке.

В писательской организации пытаюсь выяснить, что и как. Кто из писателей делегирован на встречу? Оказывается — никто! Выражаю своё удивление секретарю Приморского отделения СП России, говорю:

— Неужели, Владимир Михайлович, вам не стыдно за своё «фи» в адрес лауреата Нобелевской премии? И не стыдно ли будет всей Приморской писательской организации?

Бывший замполит подводной лодки отвечает уклончиво, но даёт понять, что он единолично ничего не решает. Оно спущено извне.

Но что за директива? И сверху ли, из какой ещё неведомой преисподней — не поясняет. Да и что можно было ожидать от члена ССП (Союза сталинских писателей), железобетонных заединщиков?

За день до приезда Александра Исаевича для координации встречи во Владивосток через Сеул прилетел его сын Ермолай, а ещё на день раньше — Борис Можаяев.

В среду шёл дождь, в четверг — морось. Зато в пятницу с раннего утра тепло и сухо. Еду в аэропорт.

Пытаюсь найти попутчика, но знакомый приморский классик (по совместительству – смотрящий Системы по СРП) ехать на встречу не хочет. Приглашён, дескать, в филармонию на презентацию оперы «Олеся» местного «музыкального классика». В недавнем прошлом ещё и активиста-перестройщика, кочевавшего, в числе подобных себе, в наспех сколоченных кем-то бригадах с одного митинга на другой, – Николая Горлача. Один из немногих харбинских репатриантов, не попавших в лагерь. Более того, сделавшего карьеру. В отличие от многих, минуя лагерь, он надел погоны и долгие годы был дирижёром оркестра Тихоокеанского флота. Совпадение, однако, заметил бы по этому поводу чукча.

Тщётно пытаюсь объяснить неравнозначность событий. Когда-нибудь будет о чём рассказать детям и внукам о встрече с человеком-легендой. Куда там! Приморский классик (или гад писучий?) не слышит!

Тогда я был удивлён странным равнодушием этого вездесущего писателя-живчика. По слухам, именно он сегодня пишет «мемуар» о своей встрече с Солженицыным!? Этот ловкач попал в постановочный гэбнёй фотокадр, который вошёл в книгу Солженицына «В день по минуте», поэтому и пишет... Решаю ехать и своими глазами посмотреть приезд великого изгнанника, а через денёк-другой прочесть рецензию на, мать вашу, оперу. Не знаю, была ли презентация (да и сама постановка) оперы? Но рецензий в местных газетах не было.

Пятница, 27 мая 1994 года. Девять утра, аэропорт.

Прошло ровно десять лет от провиденциально предсказанного Андреем Амальриком срока: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» – книги, стоившей автору жизни и все эти годы тайно гулявшей по девственным просторам российской словесности.

Но до Амальрика, чем кончится для тысячелетней России захват власти большевиками, предсказал в 1920 году Питирим Сорокин в книге «Современное состояние России». Иван Ильин в 1947, а Георгий Федотов в 1949 году пришли к тому же выводу: крушение богоборческой власти неминуемо.

Подумать только, какие провидцы-титаны! Один предсказал сроки, а другой предупредил Вождей об их грядущем бесславном конце. Но главное – удивительным образом! – уверовал в своё возвращение на родину. И приехал не на отпевание, а – дай-то Бог! – на крещение новорождённой (как мы все ошиблись!), неноменклатурной России.

Но, к сожалению, многократно умытая кровью Россия оказалась в руках не менее циничных, чем большевики, криминальных поводырей, партии, продолжающей высасывать соки из корневой системы нашей Родины. Ещё пару «галерных» сроков, и прости, прощай, Россия... навсегда. Ведь наши поводыри давно уже одной ногой живут за границей. Здесь лишь пилят бабло да сплавляют его за кордон. Вот почему они так упорно не принимают Декларацию ООН «О противодействии коррупции и незаконному отмыванию денег».

Вся прилегающая территория забита легковыми машинами. Но, что характерно, полно странных фигур в обвисших костюмах с цветами. Полно иностранных корреспондентов, московских и региональных. Но нет ни одного местного инженера человеческих душ. Ни один из борзописцев не посмел послушаться коллективного (или спущенного сверху?) «фи», зато на каждом шагу – матёрые отставные ребята в сером. Расположились профессионально, минимум по два сектора обзора у каждого. Стоят привычно. Монолитными глыбами. Не сдвинешь. Поэтому легко узнаваемы. У них обзор, а нашему брату лишь остаётся между их могучими торсами искать щели.

Через подобные щели четверть века назад просачивался и он, когда ускользал от всевидящего ока в своё «укрывище», писать-ковать взрывоопасные для системы снаряды: «В круге первом», «Раковый корпус» и сокрушительный «Архипелаг...»

Общаться-толкаться на одном пяточке с матёрыми ребятами быстро надоедает. Нахожу другое занятие. Знакомлюсь с иностранными журналистами: Борисом Башорзом из агентства «Франс-пресс», итальянским тележурналистом Марком Инноро. Оба с новомодными портативными круглыми телеантеннами. Настраивают оборудование. Ведь они, по терминологии В. Пикуля «На задворках великой империи», на краю света, с пяточка которого, по словам пресс-секретаря епископа Камчатского и Приморского Андрея Хвалина, вот-вот начнётся возрождение великой России. Наивный народ надеется, что процветающей России. А они, — потаённо думая о своей России, — номенклатурной. Если бы! Случилось много хуже — вертикально-криминальной.

Перемещаясь по территории, знакомлюсь ещё с одним итальянским корреспондентом левой ориентации Джульеттой Къеза, потом с Максом Ткаченко из CNN, Шервудом Демицем из «Голоса Америки». Все они дружно спрашивают об одном и том: о недавних событиях в «городе нашском», о вероломном изгнании с поста мэра Виктора Черепкова. Во сколько обошлась номенклатурному вору эта чудовищная вивисекция, кому она на руку, кто главный кукловод? Кто крышует? В меру своей информированности объясняю необъяснимое. Что заказчик — «новый русский», на сегодняшний день самый куртуазный губернатор России, в качестве троянского коня вошедшей в кадровый резерв Президента-рукосуя, стартовавший на деньги КПСС, доктор наук, кавалер ордена Андрея Первозванного и «записной аристократ новой волны».

Что встречает изгнанника непосредственный исполнитель переворота – вице-губернатор Александр Лебединец. Даю интервью местной журналистке Ольге Журман, а следом ещё и журналисту из «Би-Би-Си» Кевину Бишопу. Поочерёдно беседую с Резником из «Известий», корреспондентом «Недели» Юрием Балакиревым и Валерием Чернолуцким из «Комсомольской правды». И всё, не прячась от монолитных ребят, а у тех от бессилия на скулах немеют желваки. Слышен тихий зубовой скрежет укрощённого на время Дракона. Такие времена...

Почти через каждый час до наших ушей доносятся различные слухи: «Приземлился в Магадане...» – «Туман...» – «Вылетел!..» – «Не вылетел...» – «Из-за плохой погоды самолёт приземлился в Хабаровске...» – «Переносится на завтра...» – «Прилетит в 12... 14... 16... часов». Вся эта дезинформация умышленно доводится до любопытных ушей совка. А раз неподвижные монолиты остаются на местах, значит, стоим и мы. Кто такие? Да редкие чудаки, находящиеся в аэропорту по собственной инициативе, любопытству ли или сопричастности историческому моменту. Вижу, крутятся с букетами цветов шпанистого кроя бизнесмены.

День солнечный. Радостный. Незабываемый! Как-никак прибывает Давид XX века, повергший в прах страшного Голиафа! И до сих пор, низвергающий с постаментов, побивающий не камнем и не ослиной челюстью, а словом правды уцелевших гранитных, бронзовых и железобетонных истуканов Системы, сидящих в тех же кабинетах, а точнее, как паразиты – на теле народа.

Во второй половине дня всё чаще мелькают знакомые лица журналистов: Ольги Журман, Андрея Островского, Лады Глыбиной, Валерия Королюка.

Значит, значит, стоим! Наши трудности – ничтожная часть его многолетней подвижнической страды, римского

стоицизма. Стоим без воды, без еды. Силы на исходе, но стоим! Почему без воды-еды? Уже полгода я безработный, платная вода в моём бюджете не предусмотрена.

Наконец толпа колыхнулась ко всем мыслимым обзорным точкам. Монолиты — ни с места! Значит, есть ещё какая-то дисциплина. Причастные к событиям легко проникают на лётное поле. Постсоветский народ, оставляя насиженные места, устремляется к окнам и решёткам ограждения лётного поля. Это 20 часов по местному времени.

Первым самолёт покидает прилетевший с ним одним рейсом «красненький», пошатывающийся вице-губернатор Фёдор Новиков. И... наступает длительная пауза. Никто больше из самолёта не выходит. Понятно.

Усталость одолевает и нас, а великий гражданин России старше любого из нас, в среднем — на 20–30–40 лет. Мы терпеливо ждём.

И вот, шурша кокошниками, на лётное поле прошелестели тронутые молью, изрядно потёртые краснодевицы (кто-то подметил — голожопицы) с хлебом-солью.

Следом за ними с телеаппаратурой в одной руке и с алюминиевой лестницей под мышкой, — подобно ледоколу в человеческой шуге (приговаривая: «Пустьтэ!»), — пробивает себе дорогу девятипудовая фигура сербского журналиста. Духовенство и вице-губернатор у трапа.

Выходит Александр Исаевич Солженицын. К сожалению, с моей точки обзор ограничен. Почти ничего не вижу. Моей добровольной вахте на ногах уже ровно десять часов, отламывается шея, не держат ноги. И вдруг разносится: «Идут!»

Профессионалы-добромолодцы плотно охраняют, проводят в депутатский зал. В голову приходит аналогия с приездом в 1928 году из Италии Максима Горького. Тогда и сегодня встречающий народ остаётся статистом, так, видимо, прописан сценарий.

Вскоре узнаю, что ожидается митинг на центральной городской площади. Тут же бросаюсь на поиск попутной машины. Оказывается, сегодня день единения безработного и чиновника. Какой-то чиновник из мэрии с лёгкостью соглашается подвезти к площади. Только успели сесть в машину, вихрем-смерчем понеслись по своим автофургонам и журналисты. Клубком из депутатского бокса выкатываются вип-персоны, садятся в вип-машины.

Для одних – обеспеченное милицейскими мигалками, для других – сродни случайному выживанию – невообразимое ралли. У многих машин скорость за сотню километров (и это на наших-то дорогах!), под восторженный, даже карнавальнй рёв клаксонов, не уступая ни пяди дороги, мало соблюдая правила движения, обгоняя и подрезая, из аэропорта во Владивосток хлынула моторизованная, бесогонистая авто-лавина. Чудом доехали.

Центральная площадь. Не отвлекаясь на поиск стоянки, бросаем авто. Разве это не исторический факт? Милиция не обращает внимания на брошенные где попало машины, а чистодель-угонщики соответственно моменту великодушно бездействуют, не угоняют.

Успеваю пробиться в первые ряды. Но... почти темно. Включают предупредительно заготовленные софиты. Раздаётся тысячеустое многоголосие восторженной толпы, а рядом невнятное тьяканье какого-то неуправляемого отставного вертухая...

На импровизированной, из плохо обструганных досок, невысокой, наподобие скворечника, тесной (полтора метра на полтора), наживульку сколоченной трибуне – вице-губернатор Игорь Лебединец. И энергичный, как я себе и представлял, почти библейского облика, – Александр Исаевич Солженицын... Фразы рубленые. Говорит кратко, темпераментно, но что сказал, признаюсь, не помню. А 28 мая – день его отдыха и знакомства с городом...

И лишь 29 мая в актовом зале Белого дома состоялась полноформатная его встреча с журналистами. Доступ по заранее согласованным и (кем-то?) утверждённым спискам. Пресс-конференцию ведёт исполнительный продюсер Юрий Михайлович Прокофьев, с которым я успел поцапаться в аэропорту, упрекнув его в плохо замаскированном, но — неискоренимом гэбизме.*

И всё это в присутствии многих региональных и столичных журналистов. Из-за чего схватились? Несмотря на наличие у меня двух корреспондентских удостоверений, он так и не позволил задать ему ни одного вопроса. Одну из этих газет Александрович Исаевич посетит по дороге. Полагаю, услышь он название газеты**, то ответил бы на мои вопросы.

Поднимаю руку, но тот самый вопрос, что влетел в мою голову ещё в аэропорту (об аналогии с возвращением

* Даже такой опытный з/к как Александр Исаевич Солженицын, Вермонтский затворник прокололся. Многие годы он никого из Совдепии к себе не пускал. А поводьям новой России из первых уст очень хотелось знать о планах и настроении изгнанника. Да и повод тому давала книга Владимира Войновича «Москва 2042». Ну, как он действительно «поведётся» на гэбистские пряники?! И тогда кукловоды придумали гроссмейстерский ход. Создали пару заказных фильмов: «Россия, какую мы потеряли» и «Так жить нельзя». Задумка сработала. Именно этим реалистичным фильмом расположил к себе бесогонистого режиссёра. Ему было разрешено взять телеинтервью. И этот же самый оператор потом снимал фильм о возвращении изгнанника. А сам режиссёр не постеснялся, в числе палачей и погубителей России коммунистов, занять депутатское кресло в Госдуме! А в новые времена (в качестве синекеры?) ещё и возглавить избирательный штаб ВВП.

** Ярославской литературной газеты «Очарованный странник», куда Солженицын заедет чуть позже.

Горького в Россию) задаёт корреспондент «Итар-ТАСС» Владимир Коноплицкий. Тогда лихорадочно формулирую следующий и получаю наконец право на свой вопрос:

— Уважаемый Александр Исаевич, выскажите, пожалуйста, ваше отношение к идее установления «Памятника примирения» белым и красным во Владивостоке? Как известно, отсюда уходил последний рабочий полк ижевских рабочих, все годы Гражданской войны воевавший под красными знамёнами бок о бок с Белой гвардией, это был один из самых умелых и стойких полков.

Ответил он в том же ключе, в каком писал и я ещё в марте того года в статье «Памятник примирения» в газете «Арсеньевские вести» № 16, 1994.* Как давно надоевшему оппоненту, Александр Исаевич отвечает в резком тоне:

— Для начала — властям надо осознать свои преступления, затем — покаяться и лишь потом — мириться!

Какой точный, математически выверенный ответ. Что ж, лучше не скажешь.

Мысленно благодарю Создателя. Наконец я имею объёмное представление об авторе «Одного дня Ивана Денисовича», о нашем великом современнике, призвавшем жить «не по лжи». Видел и слышал не велеречиво-кухонного,

* Когда только что начали поговаривать о возвращении А.И. Солженицына в Россию, уже тогда, местные шустряки, ребята системной выучки, стали зондировать почву под создание памятника, а на самом деле, — (по выражению Александра Исаевича) раскидывать чернуху, не думая и пальцем пошевелить для установления памятника. Был создан фантомный комитет. В него вошёл мутный банкир-гэбист, местный, модный на тот момент, художник, безвестный маринист-прозаик, мутный «учёный», а в качестве городского сумасшедшего был приглашён автор этих заметок.

а неутомимого и громогласного Пророка, уличающего фарисеев, многолетних насельников нового синедриона. Пожалел о мизерном количестве подобных людей в Отечестве, лишний раз убедился в том, насколько губительно беспощадными и частыми были Системные грабли, вычесавшие всю талантливую российскую поросль государственно мыслящих людей. Что может сделать в одиночку этот «телёнок»? Дуб-то он сокрушил, но этот дуб-исполин изначально был с червоточинкой, кровососущий, обескровивший великую нацию, вытянувший из неё на эфемерную мировую революцию все производительные силы, навсегда иссушивший животворные корни крестьянской Атлантиды.

А без возрождения кровеносной системы не может быть и никакого возрождения страны. Деревня — это основная скрепа любой государственной системы, её фундамент, а крестьянин — неутомимый кормилец, самый стойкий и верный, многовековой защитник праотеческих святынь и корней.

В дальнейшем, до конца года, я следил за всеми его поездками по стране, радовался каждой встрече с населением, особенно встречаю в глубинке, но всё больше и чаще стали появляться в печати ёрнические заметки, всё разнузданнее вели себя ангажированные (и понятно кем) журналисты.

А после его выступления в Госдуме стало ясно: вопреки всяческим басням, ангажировать Конторе его не удалось, и говорит Пророк в звенящую пустоту. Зал не слышит и не хочет слушать. Сидели «слуги народа» и вальяжно беседовали между собой (о футболе, любовницах, погоде, охоте?). Лицедействующие ничтожества, слуги самых тёмных, разнузданных сил не способны понять, что в который раз Отечество в опасности, что Солженицын призывает их к коллективному инстинкту самосохранения, что никакой таджикский контрактник не станет защищать их

дворцы и коттеджи. Надо немедленно браться за возрождение вольного хлебопашества, за возрождение хуторского землепользования, чтобы вдохнуть волю и жизнь в извечного поильца, кормильца и защитника Отечества, платить ему зарплату, всерьёз обустривать всю Россию, а не только Садовое кольцо и кровососущую Рублёвку. Надо призвать человека к взаимовыгодному труду, производительному, коллективному строительству будущего фундамента для наших детей и внуков.

Смею думать, что этот телёнок-воитель с надеждой найти крестьянского печальника и продолжателя своего дела намеренно ездил по стране, искал равновеликих единомышленников, равных по масштабу Козьме Минину и Петру Столыпину, да так, к сожалению, и не нашёл. И есть ли они сейчас, в каких захолустьях, градах и весях, и найдутся ли в будущем? Вопрос вопросов. Вопрос, от которого зависит будущее страны.

Никакой тандем, Тяни-Толкай не вытянут из трясины Россию. Как бы ни пыжились, слишком мелки и ничтожны слепые поводыри, а главное — сребролюбивы.

Не смешно ли, дети и внуки Шариковых примеряют на себя мундир Столыпина?

Стоит почитать речи Столыпина, написанные им собственноручно, и сравнить с невразумительно бубнящими по заготовленной референтом бумажке все их беспомощные и жалкие указания, поразительно похожие на ценные указания и лозунги партийно-хозяйственного актива былых времён.

И в этом наша трагедия. Трагедия снулого народа и российской государственности в целом.

О ДОМЕ ПЛАЧА*

*Сердце мудрых — в доме плача,
а сердце глупых — в доме веселья.*

Экклезиаст 7:4

В «Евангелии от Фомы» Иисус Христос говорит:
«Если плоть произошла ради духа, это — чудо. Если же дух ради тела, это — чудо из чудес».

Три четверти века творение Всевышнего — тело России — пребывает на дыбе, дух её истомлён, совесть оскотлена, а тело ослаблено. Сразу же после 1917 года произошло разделение народа на две категории — чёрную и красную, — во всём извечно правую, ставшую над законом и потому неподсудную. Ещё с первых слов нам вдалбливались имена разрушителей святоотеческих святынь и традиций: Ленина и Сталина, Дзержинского и Урицкого, Вышинского и Калинина, Ярославского и Жданова, легко затмивших своими кровавыми делами деяния самых кровавых тиранов древности: Тита и Нерона, Цинь Шихуанди и Аттилы, Батгья и Тамерлана.

Ужас древней тирании был слишком далёким, а потому — почти абстрактным. Зло реальное, впитанное с молоком матери, ежедневно прививалось нам как осознанная и неизбежная данность. Поэтому мы совершенно не ощущали всего трагизма положения. Не ощущали своей покорной сопричастности к преступлениям вождей и их сатрапов. И не только не стыдились всего этого, а даже гордились. Или, по раз и навсегда усвоенным нами законам inferнальности, точно подмеченными Джорджем Оруэллом: «Мир — это война» и «Правда — это ложь», напроочь

* Предисловие к моей книге «Под сводом несвободы». Хабаровск, 1995.

перечеркнув все христианские ценности и заповеди, возведя низкопоклонство и доносительство (даже на родителей!), холуйство и предательство, клевету и террор в разряд незаменимых гражданских добродетелей, — принимали за постулаты. Бесовское действо по искоренению совести и духовности, уничтожение собственного народа было возведено в ранг государственной политики.

Из-за коммуно-феодалных отношений на селе гигантская страна с её необъятными географическими просторами не может прокормить сама себя. Уже полвека из-за рубежа ввозятся многие продовольственные товары, а в уплату вывозятся последние сырьевые запасы, достояние наших детей и внуков. И сделали мы всё это собственными руками, посадив себе на шею несметную и прожорливую саранчу — коммунистов, а они, переписав историю в угоду кровавым тиранам, постарались сделать из нас «иванов», не помнящих родства. В силу этих причин уже свыше 90 лет — начиная с революции 1905 года — идёт тотальное, садомазохистское самоистребление русского народа.

Гениальный социолог и политолог Пителир Сорокин оказался прав: семидесятилетний системный отстрел всего лучшего подорвал генофонд нации. Все последние десятилетия только мизерная часть призывников годна к строевой службе в армии. С одной стороны красная челядь цепляется за ноги реформаторов, с другой стороны — больно ничтожны и мелкокалиберны эти самые горе-реформаторы. В трудное для страны время у нас шаром покати — не найти самостоятельной политической фигуры. Нет такой фигуры и не предвидится. Таков результат почти векового террора. На второй коммуно-нацистский эксперимент у обескровленной и расхристанной до пупа России не хватит ни материальных, ни человеческих ресурсов. Далее — бездна...

О вере в предсказания

И в месяце октябре произойдёт так, что случится новое великое перемещение, такое, что, махина подумает было, что Земля потеряла своё природное направление и погрузилась в вечные потёмки. До этого в весеннее время и после этого будут исключительные перемены и смены власти, великие землетрясения, с разрастанием новой Вавилонии, презренной дщери, приращённой мерзостью первого холокоста, и продержится она лишь 73 года и 7 месяцев.

Из письма Нострадамуса Генриху. 1555 г.

У каждого свои приметы и своя вера. Например:

Солнце красно к вечеру —
моряку бояться нечего.
Небо красно поутру —
моряку не по нутру.

Вера в чёрного кота на дороге, тяжёлый понедельник, тринадцатое число и ещё более страшное — тринадцатое число в пятницу (в понедельник) и многое другое.

Например, предсказание Фёдора Достоевского о неизбежном приходе власти «Бесов» или «Откровение Иоанна Богослова», предсказание Владимира Войновича, что почти вся гэбня показушно придёт в Храмы и будет там не креститься, а звездиться.

Всё это сбылось и регулярно происходит на наших глазах. Мы союзники–соучастники–подельники.

Сбылись предвидения крушения коммунистической системы Питиримом Сорокиным, Иваном Ильиным, Георгием Федотовым, почти точное по срокам крушение

Системы предсказал Андрей Амальрик: «Просуществует ли СССР до 1984 года?». Просуществовал!

Все эти предсказания проистекали из общих метафизических и гуманистических соображений, из веры в конечную победу добра над злом.

Как, собственно, и жертвенное служение иерархов катакомбной церкви, других христианских подвижников и страстотерпцев, предсказания гадалок, калик переходящих, в том числе, Иоанна Кронштадтского.

Наконец бредовые заклинания-предсказания коммунизма агитпропом и почти этого же ряда кликушество бабы Ванги о грядущих наших успехах (коррупционной вертикали?), всё это до сих пор использует Система.

Но в особом ряду стоят знаменитые «Центурии» Мишеля Нострадамуса о конце власти богоборческой идеологии, претендовавшей на всеокрушающую, вечную и незыблемую истину.

А венцом всему является Вавилонская башня, украшенная совковыми скрижалями. По этому поводу много чего высказано (даже в XX веке американцем Эдгаром Кэйси), но более того — придумано.

Много раз я прокручивал в голове одну и ту же мысль: «Отчего так точно предсказан Нострадамусом срок крушения коммунистического Вавилона — семьдесят три года и семь месяцев?»

И это правда — свершилось.

Но, проверяя и перепроверя свершившийся факт, мысленно стал придирается к дате. Почему это случилось 19 августа? И действительно, почему именно этот день? Если вести отсчёт от 24 или от 25 октября — то получится лишних два месяца.

Считаю так, этак, вроде бы получается, да не совсем. Хотя и результат почти точный...

И вдруг осеняет!

Хорошо известно, 5 января 1918 года большевики разогнали Учредительное собрание, 6 января вероломно расстреляли демонстрацию рабочих Петрограда, выступивших в защиту конституционного порядка.

Весь цивилизованный мир только ахнул, а 19 января Патриарх Тихон проклял большевиков-коммунистов.*

Но ведь декретом большевиков с 1 января 1918 года было отменено старое (царское) летоисчисление.

Так с какого числа вести отсчёт?

Ответ: а хоть с какого! Если считать с 6 января (по старому стилю), и условно оставить этот стиль до конца XX века, тогда сойдётся и счёт.

Но (внимание!), 19 января – день выступления Патриарха Тихона, а 19 августа – день явления народу ГКЧП.

Это 100% попадание великого Нострадамуса. То есть сбывается предсказание по старому и новому стилю. Проверьте, люди добрые, этот подсчёт...

* Не потому ли у зюгановцев ничего в партстроительстве не получается? Мне кажется, откажись они от наследия сталинизма, начни коммунисты строить партийные ряды на основе социал-демократии, то воровской режим не устоял бы. Никакие Фронты бы их не спасли. Всею причина – генетический сталинизм...

ваучеризация

Искусно и ловко тешить надеждами народ, вести людей от одной надежды к другой есть одно из лучших противоядий против недовольства.

Джонатан Свифт

1994 год. Электрификация, коллективизация, экаизация, кукурузоизация и химизация* давно позади. На повестке дня — ваучеризация, криминализация и дебилизация всей страны. Слышу, что многие давно получили свои ваучеры. Пошёл и я получать свой фантик. Жуликоватый клерк ищет мою фамилию, листает амбарную книгу, в которой на нескольких страницах по несколько раз мелькнули знакомые фамилии. Я опешил, но вида не подал, сказал, что случайно взял паспорт жены, а не свой, подождите, сейчас схожу за своим. А сам, не теряя времени, пошёл на местное телевидение к журналистке Валентине Вороновой, которая в то время косила под демократку. Так, мол, и так: много лишних фамилий, значит, тираж ваучеров превышен, а вовсе не по числу граждан страны, кроме того, я видел в газете странные объявления: «Доставляем самолётами ваучеры в неограниченном количестве!».

Журналистка не верит. Сажу в её кабинете и, горячась, уговариваю не упустить случай, зафиксировать исторический факт новой панамы: выпуск многомиллионным тиражом лишних ваучеров. Это позволило

* В 1964 г. Вышло Постановление ЦК КПСС о повсеместной химизации сельского хозяйства и в связи с этим направлением на стройки народного хозяйства заключённых, твёрдо вставших на путь исправления.

«реформаторам»-чистоделам почти до предела снизить номинальную стоимость ваучеров, доведя стоимость этих фантиков до смешного номинала — ящик водки. А сам, едва-едва понимая эту панаму, всё же не отступаю. Созваниваюсь со старейшим журналистом-фельетонщиком Валерием Куцым. Кратко объясняю дело и прошу прийти к Вороновой на телевидение. Та сдаётся, берёт оператора, осветителя, наконец, бросив все дела, подошёл и журналист Куцый. Бригадой в пять человек отправляемся во Дворец имени Ленина. Всё подтвердилось. Этот сюжет был показан по местному каналу.

Признаюсь, от телевидения ждал другого результата. Номенклатура всё вперёд просчитала. Уставший от «реформ» народ разбудить трудно. Видимо, Чумак с Кашпировским хорошо поработали над сознанием совка. Снудый народ молчалив и безволен. Над всей страной из края в край стоит гробовая тишина. Как в танке: вместо триплекса — пустая бутылка из-под водки, люк гвоздями забит, снаряд в казёнке, а дуло узлом завязано.

1995 год. В семье трагедия. Среди бела дня убивают мужа нашей дочери, незадачливого бизнесмена, захотевшего выйти из мутной игры. Его задушат в собственной машине, увезут за город и закопают, а найдут труп через семь месяцев. Она останется с тринадцатилетней дочерью и с 90 рублями в кошельке. Следствие было проведено формально: в качестве свидетелей не были допрошены не только мы с женой, но даже родители нашего зятя! Судья не дал слова родной матери убитого! Мы знаем, кто заказчик, но правила в «правовом» государстве таковы, что и намекнуть следователю нельзя, через день-другой пришьют. После чего, обеспечивая себе неприкосновенность, заказчик убийства два срока подряд избирался депутатом краевого Законодательного собрания Приморского края, с умным видом, тупо изображая

государственного мужа. Ему так понравится игра в политику, что он вскоре возглавит избирательный штаб одного из претендентов на губернаторское кресло. А ещё через год следователи из другого региона случайно нашли убийц, но они не выдали заказчика! По-видимому, имя заказчика смертельно опасно и для самих убийц... Моя жена и дочь трясутся от страха, боятся, чтобы я по своей запальчивости, где-нибудь не сказав, кто сидит в Законодательном собрании Приморского края. А между тем зять с заказчиком и вместе с семьями ездили по грибы, в дом отдыха, дети их регулярно общались, даже снимались в рекламе, и т.д. и т.п. Когда я во время поездки по грибы познакомился с его начальником, после нескольких минут общения мне стала ясна его бандитская сущность. По возвращении из поездки сразу же сказал своей супруге, что добром для нашего зятя дело не кончится. Так и случилось. После пропажи зятя друг-приятель ни разу не навестил семью. Более того, многомиллионные долги своей конторы списал на нашего зятя. Вместе с зятем исчезли четыре его ружья и вездеход/ландкрузер. Хозяина гаража, где впоследствии нашли машину, не вызвали в суд даже в качестве свидетеля. В приватном разговоре следователь ещё и намекнул: дескать, нам известно, где дорогое ружьё зятя. Но этот человек для нас (то есть – для следствия?!) недосягаемый. Дескать, слишком влиятельный в городе человек. Таково постсоветское правосудие!

В местной печати объявлен литературный конкурс «Восток–Запад» – совместное детище Александра Глезера, культуртрегера, галериста и редактора журнала «Стрелец» и приморского гэбиста-«галериста» Александра Городнего, в недавнем прошлом судового замполита, а затем и замполита ГПТУ-40. Что могло их объединять, на какой почве сошлись эти люди, можно только догадываться. В жюри конкурса: Глезер, Нарбикова, Кублановский, Юрьенен,

Аннинский. Мной на конкурс представлена книга, вышедшая в 1992 году в Новосибирском издательстве «Парнас», «Волчьи гоны». Наконец объявлены лауреаты. Проза — Александр Самойленко, поэзия — Александр Егоров. Но чувствую кидалово, на мероприятие награждения не зовут. Узнал об этом из заметки журналиста Александра Карташова, пошёл явочным порядком.

Случилось это в ноябре 1995 года в фойе краевой администрации в присутствии губернатора «аристократа», самого Александра Глезера, Валерии Нарбиковой и Юрия Кублановского, названы победители, которым должны были вручить премии 300 и 200 долларов соответственно. Подходит Юрий Кублановский, знакомимся, спрашивает: получил ли я свои доллары? Отвечаю: «Нет».

Юрий Михайлович подсказывает Глезеру отдать деньги, тот, в свою очередь, подзывает бывшего судебного замполита, а нынче мутного «галериста», и говорит ему:

— Александр, вот этому человеку отдашь 200 баксов!

— Обязательно!

— Хорошо?

— Хорошо, отдам, — отвечает искусствовед в штатском Городний.

Оказалось, что ничего хорошего. С замполита взятки гладки, поскольку он зять ответственного секретаря Приморской писательской организации СПР, который — по совместительству! — подполковник КГБ, который в конце сороковых отсидел (по заданию?) на Колыме полтора года. Так вот, я несколько раз приходил я к мутному «галеристу», но он только и кормил «завтраками», назначал новую дату, потом избегал, срывал встречу.

Через год-другой, устав ходить за призом, я смирился с этим шулерским итогом. Прошло 17 лет, узнаю, что Городний в интернете поносит меня. Выученик Системы по-другому поступить и не мог.

Получи я эти деньги, то издал бы ещё одну антисистемную книгу. Две, следовавшие за «Волчьими гонами» книжки назывались «Мы» и «Под сводом несвободы», изданные в Хабаровске на мои копеечные средства. Партайгеноссе кинули всю страну. Почему бы не кинуть поэта, да ещё такого ершистого правдоруба?

Кстати, уместно будет привести ещё один пример кидалова – создание Приморского продовольственного благотворительного фонда – ППБФ. В таком же в карнавальном стиле прошёл в этот год суд над КПСС, которую совковое правосудие признало общественной организацией! Поэтому-то и ни по одному пункту неподсудной. По приказу этой «общественной организации» подавили восстание и провели децимацию* Кронштадского гарнизона, истребили восставших тамбовских крестьян, расстреливали заложников и травили газами спасающихся в лесах. Более того, объявили сию «партию» спасительницей страны. Следовательно, мы сами виновны в истреблении армии, интеллигенции, науки, финансовой системы, свободной торговли, разграблении и уничтожении храмов, ремёсел, кооперативного движения, свободного хлебороба и сельского хозяйства в целом, в варварском опустошении деревни, тотальном повреждении нравов и человеческих душ. Победили немцев они, коммунисты, прорвались в космос они, а все преступления против страны и народа сделал безмозглый и ленивый Ванька Ветров, который по заданию вашингтонского обкома сам на себя стучал, сажал, пытал и расстреливал.

Ни КПСС, ни КГБ ни в чём априори не повинны!

Таков вердикт постсоветского правосудия...

* Децимация – расстрел каждого десятого солдата из строя, в чём-либо провинившегося подразделения.

ППБФ

*Эпохи смутной приближенье
Была весёлая пора —
Стоял Октябрь у двора!*

Вот и наши номенклатурные чистоделы, никого и ничего не боясь, по примеру незабвенного Мавроди объявили о создании Приморского продовольственного благотворительного фонда — ППБФ.

Не захотел от новомодной панамы отставать и мэром города Артёма Александр Терентьев, он также создал подобный «фонд». И в два захода побрил-постриг не только овец, но даже и черепах; приблизительно на такую же сумму, что и наш аристократ-губернатор.

По несколько раз на дню местное телевидение для приморских Буратино повело энергичную рекламную кампанию. Сам «аристократ» и его жена изо дня в день дуют в уши старикам:

— Несите, ваши денежки, а мы будем вас подкармливать лапшой.

Накормили досыта.

Хотел было отнести свои копейки и я. Но, услышав, что губернатор-аристократ агитирует за эту афёру, смекнул: обдурят, кинут, разведут. Так и случилось, кинули. Общим счётом на 4 миллиарда деревянных.

Во главе «дела» был поставлен доверенный человек вчерашнего артельщика, а на тот момент губернатора-митрофанушки и, более чем понятно, Конторы — некто Чернозатонский.

Чуть позже его было привлекут к суду, но стеснительная Фемида не усмотрит в его действиях криминальных признаков. В покаянном экстазе прямо на суде он объявит, что пойдёт по стране покаянным крестным ходом,

чтобы все видели, как он сильно переживает за всех кинутых им совков.

Четыре миллиарда денег канули в чёрный омут. Никому не вернули ни рубля, доказывая, что денежки ушли на благотворительные обеды бомжам и пакеты с просроченными макаронами для пенсионеров.

Спектакль покаяния — слишком долгое и утомительное дело. Прошёл этот фармазон всего 20–30 километров да и сиганул в кусты, только его и видели.

А уже в Эпоху Диктатуры Закона (путинское время) этот кадровый фармазон успешно подвизался на православной ниве, а ныне даже — диво дивное! — монархической.

Лишь бы всё время быть на виду, не стесняясь, встречался с членами дома Романовых. Правда, в каком качестве он там подвизался, — никто не знает. Лишь можно догадываться о его кукловодах по его специфическим ассистентам... добрым молодцам, всюду его сопровождающим...

выборы президента

Шулеры и политики люди, вроде бы, разные, но действуют всегда одинаково: принципиально беспринципно.

Наблюдение

1996 год. Ельцина выбирать не хочется, но больше и некого. У нас выбор небольшой: циничный «сын юриста», проверенный думский клоун и кандидат с мордой тюремного наблюдателя, а другой — с мордой начальника тюрьмы. *Хрен редьки не толще.*

Выбор делаю в пользу алкаша-рукосуя. На первом этаже Белого дома штаб в его поддержку. В первый же день приглашают дежурить. Только и остаётся сказать: «О времена! О нравы!». Прямо с дежурства в бойлерной — иду на другое дежурство. И нас, таких дурачков, по стране, думаю, — тысячи. Стол, стул, телефон.

В столе оказались списки активистов Приморского избирательного штаба, в числе прочих нахожу местного секретаря писательской организации СПР (Союз писателей России), рядом, видимо, тезисы его статьи.

Уверенный, красивый почерк. Толковый текст профессионала (бывшего замполита-подводника, позднее военного журналиста), похоже, тезисы для выступления по радио. Для меня всё яснее ясного — это патентованный хамелеон-многостаночник! На людях он — ярый антиельцинист, клеймит приватизацию, гайдаризацию, возвращение в страну Солженицына, а втихушку — служит сытым мира сего, кормится с господского стола. Как, впрочем, и его друг-приятель по комсомольским тусовкам и съездам, а на тот момент — заведующий краевым отделом культуры Хрипченко.

Бог свидетель, не я его заложил. Видно, окольными путями до писателей-сталинистов дошли слухи о двойной службе-дружбе друзей-хамелеонов.

Осенью следующего года состоялся бунт на писательском корабле. Семнадцатью шарами (100%) из семнадцати членов СПР забаллотировали его секретарство.

Да и чукча, однако, оказался совестливым: сам, в числе других, проголосовал против себя. Сначала он оставался в гордом одиночестве, позже, сколотив антилапузинскую коалицию, создаст свою независимую «патриотическую» бригаду писателей, а на самом деле — два сапога, и оба на левую ногу.

Он до сих пор остаётся на плаву. Более того, стал издавать литературный журнал. Безвестный поэт этому событию посвятил такие строки:

Они уже в пути! Пошли по наши души:
Мазурики, шуты, секретари-кликуши,
Вахтёры всех мастей, писатели лихие,
Для вас весь белый свет — крошечная стихия...

Эти хамелеоны и оказались победителями номенклатурной революции, а президентские выборы только символически закрепили результат гэбистского переворота 1991 года...

1997 год. Приватизация в Приморье идёт рекордными темпами, намного опережая другие регионы страны, прибрано к рукам 93% государственного имущества.

У кормушки расставлены «профессионалы», мимо рта (считай — кармана) ложку не пронесут.

Наконец-то в Полиграфкомбинате тиражом в 1000 экземпляров выходит книга моих избранных стихов «Волчьи

гоны».* На презентации присутствует мэр Владивостока Виктор Черепков, профинансировавший издание. В зале библиотеки имени А. Фадеева нет ни одного свободного места, стоят в проходах и в коридоре.

В числе моих друзей профессор Виталий Совастеев, профессор Давид Бродянский, профессор Виктор Заводинский.

Позже об этой книге появятся рецензии в газете «Приморье», «Далёкой окраине» и в столичном «Книжном обозрении», местные доброты уговорят меня послать книгу на соискание Пушкинской премии. Но книга абсолютно антисистемная, в ней много провидческих текстов о неизбежном приходе Второго Зверя. Я, признаюсь, послал, но сильно переоценил время.

Уже в нулевые за эту книгу местная (заботливо возвращённая и натасканная гэбнёй) литературная шпана назовёт меня фашистом, а графоманы подхватят и охотно растиражируют эту новость.

Первовестником же этой новости была одна околотературная дама, о которой я ещё, даст Бог, постараюсь рассказать. Она уже в наше время (вскоре после заграничной командировки, как и Анна Чапман) из рук Системы получила редакторскую синекуру.

Но, собственно, за что я обозван фашистом? Ведь у меня ни в одном из текстов нет не единого слова, не единой строки юдофобского, шовинистического или ксенофобского содержания. Лишь бескомпромиссное обличение врагов народа — коммунистов в том, что распатронили нашу Родину, перебили, расстреляли и уморили голодом свыше 110 миллионов лучших людей; навсегда истребили

* Первый вариант «Волчьих гонов», 102 страницы, вышел в Новосибирске, а при втором издании книги было 232 страницы.

трудовое крестьянство и свободного хлебороба, сформировали генетическую породу несунув и неискоренимых злодырей.

И, что самое страшное, — выбили из народа мозги и память.

И тут я обращаюсь к себе: мечтатель, разве могла такая книга быть отмечена постсоветской литературной критикой, многолетними системными адвокатами Второго Звезды?

Успокойся, правдоискатель, не могла!

Силы зла снова скоординировались, ведут системное наступление на последние островки свободы.

о профессионалах *

Признаюсь, голосовал за Ельцина. Трижды (в печати) упомянув о его «заслугах» перед отечеством, помня его циничное заявление: «А куда они денутся?!», всё-таки вынужден был голосовать за «профессионалов». Так с некоторых пор коммунисты стали называть самих себя. Это вовсе не кличка, а пароль. Воровской!

На дворе 1997 год, время итогов. Мечта Ленина – о создании партии профессиональных революционеров – реализована на 200%. Первые 100% были задействованы до 1991 года, вторая сотня поставгустовская.

Как не вспомнить ленинское: «Мы пойдём другим путём!» И пошли. Его духовные и идейные наследники, отбросив человеческий стыд, обгоняя один другого, бросились к госкормушке. Эти «профессионалы» (они сами, их дети и внуки, многочисленная челядь, дальние и ближние родственники, циничные адвокаты и потомственные вертухаи) и есть тот новый класс – «новые русские».

Менее ловкие, отставшие на этой короткой дистанции, – две советские пятилетки 1990–2000 гг., – периода неслыханного обогащения, получили меньше и сейчас, пристегнув к себе маргиналов, наезжают на них – делитесь!

Именно «профессионалы», угробив российскую государственность, изобрели республики, удельные княжества и ханства, вотчины.

Потеряв в 1917 году Финляндию и Польшу, сегодня теряем в двадцать раз больше, закладывая очередной национальный фугас под русскую государственность. Уничтожив вековые традиции, религию, мораль, интеллигенцию, основу основ – историю, – породили новых русских.

* Предисловие к книге «Мы». Хабаровск, 1997 год.

По-воровски, настраивая совка, дескать, это Он (новый русский, следовательно, демократ) обворовал тебя, обчистил до нитки, развёл на ваучер, лишил лекарств и гробовых. А циничная братия — представители второй древнейшей профессии — охотно подхватили и угодливо-подобострастно обслуживают этот термин.

Но давайте вспомним, в чьих руках в те годы были ключи от оптовых баз и складов со стратегическими запасами, банковских сейфов? Могла ли распределительная система, которую, кстати сказать, создал ещё Ленин, обделить сама себя? Нет, не могла. Отсюда и результаты. Ни в одной стране мира, ни на одном отрезке времени, да ещё в такие сроки, — никогда не было столь сказочного обогащения одной группы за счёт другой, появления стольких миллионеров/миллиардеров (разумеется, в зелёном эквиваленте!). Номенклатурная олигархия стала олигархией финансовой.

Тут я должен высказать парадоксальное суждение — нет худа без добра. Бешеный бык коммунизма сперва был пойман на золотой крючок-наживку, а затем и окольцован... С золотым кольцом в ноздре (безразмерные поместья, экзотические дворцы, многочисленные банковские счета, силовой произвол и вседозволенность) он России не столь страшен.

Но кто этот ловец, так ловко усмиривший грозного и разъярённого Минотавра?

Это два великих гражданина России (а может быть, даже азартных игрока) — Горбачёв и Ельцин, которым со временем, как легендарным Козьме Минину и Дмитрию Пожарскому, благодарная номенклатура обязана будет на Красной площади поставить бронзовый памятник.

Если... если наша многострадальное отечество минует чаша *национал-большевизма*. То есть, если на просторах отчизны заблудится Второй Зверь, приход которого,

к сожалению, предсказан в «Откровении Иоанна Богослова».

Профессионалы-прихватизаторы, до нитки обобрав коммуны, перебившие потомственную интеллигенцию, не стесняются позировать в православных соборах, мечетях, синагогах, толпами вступать в клубы миллионов «Ротари-клуб», носить георгиевские кресты и ленты, получать (всё-таки, наверное, покупать!) ордена Андрея Первозванного, дворянские регалии и даже графские и княжеские титулы.

Недалёк день, когда можно будет на очередной презентации услышать примерно следующее: кавалер ордена Андрея Первозванного, почётный обладатель золотого оружия, четырежды доктор наук, князь Приморский — граф Ноздрёв!..

Всё это было в порядке вещей в тридцатые годы в тоталитарной Италии и Германии во времена дуче и фюрера, когда партайгеноссе были владельцами банков, концернов, заводов, пароходов.

Проскочим ли мы надвигающейся апокалиптической капкан?

Если проскочим, — тогда и поставит просвещённое потомство тот памятник...

Интернационализм разрушил Россию.

Что сделает с ней национал-большевизм с атомной дубиной в руках — страшно подумать.

А пока шулый народ остаётся безучастным свидетелем того, как политическая шпана насилует страну, вероятность прихода второго библейского Зверя — очевидна.

декабрь 1998 года

*Революции замышляют утописты,
осуществляют фанатики, выгоды из-
влекают негодяи.*

Максима времён Великой
французской революции

П еренасыщенный событиями год. Летом на Морском кладбище состоялось перезахоронение сына председателя Временного Приамурского правительства Меркулова, а осенью открытие долгожданного памятника Осипу Мандельштаму с участием столичных мэтров Александра Ткаченко, Андрея Битова и писателя из Благовещенска Бориса Черныха.

Приход к власти в стране премьера в комсомольских штанишках, громогласный (хотя давно ожидаемый) дефолт, следом идёт матёрый премьер-гэбист, а вскоре ещё более ловкий разводящий — надежда и главная опора олигархата, сокрушитель гражданских свобод. А в декабре главное событие года: грянул циничный переворот во Владивостоке.

Номенклатурный испуг, вызванный расстрелом четы Чаушеску, прошёл. Силы зла повсеместно приступили к консолидации. Именно тогда в кремлёвских коридорах власти нашли себе высоких покровителей и наши владивостокские пацаны. Уточним — правильные пацаны. Найдётся ли летописец этих драматических событий? В силу возраста такая работа мне не по плечу. Я уже не слишком работоспособный человек. Но мне удалось внести малую толику, написать стихи на смерть Булата Окуджавы, Галины Старовойтовой, Александра Пукало, опрометчиво заявившего в газете: «Я буду жить в правовом государстве!», Сергея Юшенкова, Юрия Щекочихина; на переворот во

Владивостоке и приход к управлению городом криминальной команды, о своей поездке по делам мэра Виктора Черепкова в Москву, посещении в Госдуме «несгибаемой» и непотопляемой мужеподобной комсомолки, депутата Светланы Орловой, побывать в приёмной Президента, расположенной на Старой площади, в бывших кабинетах ЦК.

Оболганный, оклеветанный, законно избранный мэр Владивостока был вероломно отстранён от работы, и никто из слуг народа, ни один из государственных чиновников не стал на защиту конституционного строя, никто из общественных деятелей не откликнулся на эти циничные события в нашей Ойкумене. Остаётся слабое утешение, что грядет тоталитаризм с человеческим лицом. То есть тотальных политических процессов больше не будет, а всех несогласных с режимом в подворотнях будут исправлять и учить битами.* Кто-то даже уцелеет.

Как уезжал в Москву — отдельная история. Выезд из города по прямой дороге был невозможен. Все пути контролировались заговорщиками. И все машины городской администрации были арестованы номенклатурной братвой.

Документы, что были подготовлены для Москвы, мне были привезены ещё с вечера. На другой день, чтобы добраться до аэропорта, пришлось нанимать частника, делать двойной крюк, подъезжать к аэропорту со стороны города Артёма. Я всё-таки с двумя «чемоданами компромата» на братков сумел сесть в самолёт и благополучно улететь. Прямо в аэропорту Шереметьево багаж отдал встречающим, они же и довели до центра. Остановился я в гостинице «Москва», в самом дальнем, продуваемом

* Как, например, проучили фашисты-путиноиды журналистов Кашина и Бекетова.

всеми ветрами углу десятого этажа, где когда-то собиралась межрегиональная депутатская группа времён последнего созыва Верховного Совета СССР. Похоже, о моём приезде сытые мира сего знали.

Через пять минут (в 22:30) в номер стремительно входит человек в стальной тройке. И прямо с порога:

– Рассказывайте, что произошло во Владивостоке?

После четырех часов беседы слышу его резюме:

– Понятно. Во всём виноват сам Черепков!

На мой недоумённый вопрос он резко, но поучительно ответил:

– Надо жить самому и давать жить другим.

Успеваю спросить:

– А что такое – жить самому и давать жить другим?

Следует обескураживающий ответ:

– Как, например, Юрий Михайлович Лужков...

То есть – самому создавать воровские схемы: пилить, откатывать, заносить. Или встраиваться в кем-то созданные схемы, гнать маржу в офшоры, жить и процветать. И, конечно же, – делиться.

Это главная заповедь чиновников современной России, которая скоро будет прописана в Конституции. Ведь статья о взятках почти дословно говорит об этом. Чтобы взятка была рентабельной – надо окружить себя верными холоуями, делиться с силовиками, прокурорами и судьями, брать много и часто. И тогда российская Фемида будет к вам благосклонна.

Надо ли перечислять погибших лучших сынов и дочерей России? Вот несколько из них: журналист Дмитрий Холодов, депутат Галина Старовойтова, журналистка Лариса Юдина, депутат Сергей Юшенков, журналист и депутат Юрий Щекочихин, журналистка Анна Политковская; а по какому разряду отнести смерть химкинского журналиста Михаила Бекетова?

Ещё до моего отъезда было понятно, что без тепла, воды и света мэрия долго продержаться не сможет. Уже в Москве узнаю, что доблестная милиция штурмом взяла мэрию, вышвырнув оттуда забаррикадировавшихся столами и стульями старух, главную силу опального и патологически честного мэра, и оттого — изначально! — обречённого на поражение. И всего за год сделавшего для города столько, сколько не сделали все его предшественники, вместе взятые, за предыдущие тридцать лет. Это мосты, развязки, резиновые железнодорожные переезды, новые подземные переходы и виадуки, финансовая помощь бюджетникам, нищим пенсионерам и многое-многое другое.

Сделано ровно за год! И всё это при циничном саботаже чиновников-засланцев и тотальном сопротивлении и вредительстве краевой администрации, возглавляемой губернатором-«аристократом», а на самом деле — сребролюбивым, циничным и дремучим Митрофанушкой, которому этот переворот, по словам мэра, обошёлся в 4 миллиона долларов. Благо не из своего кармана.

Чуть позже это приобрело системный характер, стало обыденной повседневностью. Центральная власть сама охотно выстроила систему отката, распила, заноса, санкционировав создание при каждом губернаторе «внебюджетных фондов». Попробуй, пойдя их, проверь, — куда уходят эти суммы/взносы! В чьих карманах они оседают?!

И попробуй только честный бизнесмен послушаться и не занести в этот милый фонд, запрашиваемую с него сумму!

Захват власти криминалитетом во Владивостоке — мелкомасштабные, еле видимые события?

Согласен.

Но в них не меньше драматизма, чем в околосмоленских... И во всей стране, которая вскоре станет одной сплошной Кущёвкой.

Ч + ЧЧЧ = Чужак

*Я думал, что будут о нас писать,
Кантаты, плакаты, тома;
Что шапки будут в воздух бросать
И улицы сойдут с ума.*

*Когда мы вернёмся в город — мы,
Сломавшие цепи зимы и сумы,
Что выстояли среди тьмы.
Но город другое думал про нас.*

Варлам Шаламов

«**Н**о город другое думал...» Не только начальственно-паханский город думал плохо про честного человека, а самые что ни на есть рядовые его жители, в основном, чего таить греха, — советская интеллигенция. К сожалению, так называемая, а другой интеллигенции нет. Была, да всю её давно методично истребили. И всё же, хоть изредка, но появляются честные люди. А это один из основных признаков интеллигентности. Честный человек в наши дни — явление штучное. А тучное стадо у властной кормушки — это, в лучшем случае, советская интеллигенция, что вовсе не одно и то же.

Три «ч» — самое точное определение бывшего мэра Владивостока Виктора Черепкова — честный чудаковеловек. Следовательно, чужак. Патологически честный человек в России всегда выглядит чудаком и чужаком. Особенно если он ещё и настаивает на том, чтобы все сотрудники мэрии были столь же кристально честными: не брали взяток, работали по шестнадцать часов в сутки и, желательно, без выходных.

Представьте себе, всех шестнадцать кандидатов-соискателей кресла мэра после своей победы Черепков назначил своими замами и начальниками различных

отделов, тем самым ввёл в мэрию не одного троянского коня, а целый табун.

Признаюсь, я много раз встречался с ним в различных ситуациях. Опущу незначительные, отмечу самые интересные. Был с ним на митинге 19 августа 1991 года, когда он клеймил ГКЧП. На этом же митинге была жена Валерия Саблина, страсготерпца, истинного Героя России, отважившегося повторить подвиг лейтенанта Петра Шмидта, посмеявшегося вызвать на смертельный поединок всесильного, самопроизводящегося, многоголового дракона – КПСС–КГБ.

Если не считать победного митинга 23 августа 1991 года, то я до марта 1994 года больше публично нигде не выступал. Этот митинг был посвящён противостоянию известному делу «Вирус», по сценарию которого мэр Владивостока Черепков был обвинён в получении взятки. Сумма её была смехотворной – миллион двести тысяч деревянных рублей, которые были подсунуты ему провокатором в карман шубы. Грубо говоря, тот миллион двести, это сегодняшние 1200 рублей. Постовому полицейскому, бывает, дают больше. Тогда местная милиция, получив заказ от самого аристократичного губернатора России, действовала топорно. Подобное дело в наши дни непременно закончилось бы посадкой. В те «демократические» годы Черепкову удалось доказать свою невиновность, а также невиновность своего сына, отсидевшего свыше двух лет по другому состряпанному делу.

Когда дело развалится, то, за ретиво/бездарное выполнение заказа, будут уволены начальник УВД по Приморскому краю бесхребетный полковник Ипатов и главный технолог и беспредельщик генерал Бондаренко, ныне ставший «писателем», автором криминальных романов и соучредителем «Дальиздата». Сам пишу, сам себя издаю – ССИ.

Тогда, в холодную мартовскую непогоду, меня на митинговую трибуну занесло вовсе не тщеславие и не языковой зуд, а вопиющая несправедливость. В тот день (по заказанному сценарию) плохо ходили трамваи, и к началу митинга я опоздал. Пробираясь к трибуне, в задних рядах толпы я увидел циничную сценку: безвестный фотограф стремительно подошёл к маленькому и сопливому человечку, вручил ему большой цветной портрет Черепкова, отскочил от него на два-три шага и молниеносно сделал с десяток снимков. Число внушительных фотоаппаратов на груди говорило о его профессиональной принадлежности к СМИ, а по его ловкости можно было догадаться, что эта постановочная фотосессия завтра попадёт на страницы беспринципных газет. Главным образом — жёлтых.

Долго не раздумывая, я спонтанно схватил фотографа за рукав, выкрикивая:

— Вот провокатор! — И потянул к трибуне.

Однако молниеносно подбежавшие к нам коллеги из проназдратенковской газеты «Владивосток» отбили его из моих цепких рук. Пришлось подняться на трибуну. Обратился к ведущему митинг профессору Давиду Бродянскому с предложением выступить по теме. Благодаря моему выступлению хорошо подготовленный сценарий был сорван. А что это был сценарий, то в этом сомнения нет. Этому карикатурному «кадру» было приблизительно 50 лет и ростом 148 сантиметров. А репортаж с места события мог быть озаглавлен примерно так: «Вот каков истинный электорат мэра Виктора Черепкова».

Что я знаю про Черепкова из чужих уст.

Родился в апреле 1942 года в рязанской глубинке. Сборщики налога привязали его беременную мать, после чего выгребли из подполья всю картошку. Таким было появление на свет народного заступника. Он окончил вечернюю школу, работал на строительстве Братской ГЭС. Во

время службы на флоте прошёл обучение в школе подплава, а вскоре получил лейтенантские погоны. Не имея высшего образования, был допущен к преподавательской работе, а после за два года закончил вуз. И всё это ещё во время срочной службы.

Я несколько раз был у него в кабинете и дома. Это не было исключительной привилегией. Дома у него побывали десятки и десятки рядовых граждан Владивостока. На глазах горожан буквально из ничего были построены десятки различных переходов и железнодорожных переездов, были сооружены два моста-развязки, улучшены бытовые и финансовые условия граждан малоимущих категорий: библиотекарей, работников культуры и дошкольных учреждений, введен бесплатный проезд в городском транспорте и многое другое.

Что слышал из его уст.

Научные работы его были таковы, что дважды его секретную лабораторию посещал президент Академии наук СССР Александров. Как патологически честный человек, в период *наздратенковского* правления Приморским краем Черепков был подвергнут хорошо спланированной клеветнической кампании: обвинялся в гей/голубизне, в общении с космосом (неприменно под столом!) и взыточничестве. Будь он действительно таковым, но не вмешивался бы в воровские дела «аристократа» Наздрата, то, наверное, мог бы оставаться на своём посту до сих пор. Люди с загребущими руками — главный оплот нынешней властной вертикали. Деточкины в российской политике неуместны. Окажись случайно в России честный Президент-бессребренник, тогда прокуроры должны были бы пойти по миру, жить в своих двушках и трёшках. Это же, согласитесь, ни в какие ворота!..

Откуда взялся губернатор-аристократ? Бывший участковый механик, мелкий несун, был пойман и судим за

кражу 150 килограммов краски. Об этом в 1998 г. писала газета «Далёкая окраина», дав перепечатку из районной газеты за 1980 год. Сходя с политической арены, рассовывающая яйца по тысячам и тысячам корзин, КПСС на севере Приморского края в Кавалеровском районе создала горнорудную артель «Восток». При этом, скорее всего умышленно, использовала систему двойников. Точно с таким же названием в Красноармейском районе Приморского края в посёлке Восток, под руководством талантливого хозяйственника Ивана Степановича Шепеты, успешно функционировала горнорудная компания по добыче вольфрама. Он и в новых условиях сумел сохранить для своих работников все социальные гарантии, детсады и ясли, спорткомплекс и свою хоккейную команду, базу отдыха, свой комплекс ЖКХ, отпуска по беременности, премиальные (20000 рублей) по рождению ребёнка и многие другие виды социальной защиты и стимуляции хорошей работы. Все сто процентов акций принадлежат работникам компании.

На фоне успеха этой компании «Восток» прикормленный московский тележурналист Тихомиров сделал несколько репортажей об успехах наздратенковской артели. Местная партноменклатура совместно с братвой поучаствовала в раскрутке Наздрата. В его избирательной кампании участвовала и братва знаменитой «третьей смены», в частности, – Сергей Клигер.

«Аристократ» был успешно избран в Госдуму, замечен Ельциным и вскоре назначен губернатором края. Занимая кресло депутата, а затем и губернатора, по закону он должен был ликвидировать свой бизнес. Он и ликвидировал. Вскоре от родных берегов, якобы увозя горнорудную технику, к берегам Чили ушло зафрахтованное судно. Оно уходило с большим перегрузом, и по оценке специалистов вес техники не мог так сильно просадить ватерлинию

10-тысячетонного судна. По слухам, в трюмах было несколько десятков тонн обогащённой серебряной руды в окатышах. Об этом писал журналист Михаил Вознесенский.

О том, что Наздрат был ставленником очень влиятельных сил, говорят многие факты. Например, в бытность губернатором, он бросил вызов и добился смещения генерала ФСБ Виктора Кондратова, представителя Президента по Приморскому краю Валерия Бутова, одного за другим трёх председателей краевого законодательного собрания: Григоровича, Лебединца, Ведерникова. Дважды устранял Черепкова (в 1994 и 1998 гг.) Того же Черепкова свыше двадцати раз снимал с выборов различного уровня. За время его правления был убит вице-губернатор Чичельницкий (куратор по топливу), бизнесмен Александр Пукало, у которого были приличные куски бизнеса, которые попали в загребущие руки детей «аристократа», очень похожих на братков...

Во время губернаторских выборов 1999 года взорвана машина управляющего Приморским морским пароходством Александра Кириличева и сожжён его деревообрабатывающий цех стоимостью в миллион долларов, взорван адвокат, готовивший контракт (1998 г.) на строительство моста через бухту Золотой Рог. Похищены и переданы сыну Наздрата Андрею шесть новейших супертраулеров испанской постройки, которые заказывал и полностью оплатил ещё СССР. Так что заместитель Черепкова Копылов, бывший первый секретарь Первомайского райкома КПСС, сменивший Черепкова, был рядовым засланцем и очень ловким демагогом, присвоившим 118 муниципальных объектов по цене 1 доллар 90 центов за квадратный метр! А дальше по второму кругу пошла циничная «прихватизация» всего и вся, для своих.

эра диктатуры закона

«Газпром» — достояние России.
Телевизионный слоган

А Россия — достояние братков! Я говорю о политических братках, генетических наследниках Сталина, Красина, Вышинского и Менжинского, Камо, Фрунзе и Котовского, Ягоды, Ежова, Берии.

Разве можно отличить патологических братков от чиновных? Нет. Ничем. Возьмите хотя бы приморских братков: губернатора-аристократа, взятого в Москву на укрепление кремлёвского аппарата — Наздрата, пересевшего потом в его кресло Серёгу Шепелявого, мэров — Винни-Пуха и Гнома?!

Или кущёвского Цапка, с его чиновными и силовиками-покровителями. Если они не родные братья, то — генетические, циничные братаны, плоть от плоти Системы, окончательно покорившей и закабалившей Россию.

Сразу после объявления нового тысячелетия (на целый год раньше — с 1 января 2000 года) на всех трамвайных путях *нашенского города* повесили банеры с простеньким текстом: «Нам здесь жить!»

Кто сочинил этот слоган — неизвестно, а вот с благоговения кого город расцвечен весёленькими, жизнеутверждающими банерами — более чем понятно...

Под стук колёс расхристанного трамвая размышляю:

«Какому дьяволу в угоду изменили наш календарь? На целый год раньше объявили новое столетие и тысячелетие!.. Как это возможно? Неужели никто не понимает абсурда? Были времена, когда, не стесняясь, переписывали историю, а сейчас с лёгкостью назначают новую эру! Неужели это обещанный Иоанном Богословом приход Второго Зверя?»

Чуть позже оборзевшие холуи, угождая Смотрящему, вывешат новый банер:

«Приморье – не поле Пуликовское!»*

Вдруг из уст сторбленного старика слышу здравую реплику:

– Им жить, а нам здесь выть.

И ведь не поспоришь, всё так и есть.

Все дела наши: базар, почта, магазин – входят в круг определённых понятий. Как, собственно, и то, что все мы живём по понятиям. Вернее, жили, а с недавних пор комсомольская перхоть в стране оживилась. Все твёрдо знают: понятия отменяются, в стране грядет Диктатура Закона. И не просто какая-то там законность, а самая настоящая Эра Диктатуры Закона.

Да такая во всех нас поселилась уверенность, как будто, Сам объявил по ящику, а вовсе не сорока на хвосте принесла веру в эту эру. Что разграбление страны будет прекращено, отменяют офшоры, крупному чиновному вору дадут по лапам, а мелюзга, не имея высокой крыши, присмирееет, нам вернут наши сбережения, пенсионный стаж и пенсии.

А если, рискуя, и станут воровать, пилить-кроить и отжимать, то с опаской да оглядкой на Диктатуру, которую всё чаще и чаще стали именовать вертикалью, которая за последние полвека проржавела и стала сильно пробуксовывать.

То есть Диктатуру вовсе не отменяли, и даже вроде бы есть какая-никакая Эра. Только почему-то не говорят про закон, а если и говорят, то разговоры всё больше похожи на дымовую завесу.

* Генерал-лейтенант К.Б. Пуликовский – полномочный представитель Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе с мая 2000 года по ноябрь 2005 года.

Или даже амбре. Абсолютно все в теме: от чиновника 14 класса и до самых высоких кремлёвских сфер, церковных иерархов, стажёров-журналистов и матёрых акул пера, до многозвёздных оборотней в погонах.

Именно для этого и создана дымовая завеса воровской коррупционной Системы – Общероссийский народный фронт, а чуть позже и Антимайдан, странное детище властной вертикали. Не воруй братва, не опустошай Фонд национального благосостояния, не шарь по бюджетным закромам, то и не нужен был бы никакой подковёрный фронт. Да прими, господа-коммунисты, в полном объёме Декларацию ООН о противодействии коррупции и отмыванию незаконных доходов, не воровали бы пацаны, то никакой майдан нам не был бы страшен!

Хотя всем известно: вера – дело наживное. Правда, иногда (уже в который раз на нашей памяти!) переходящая в сокрушительное обвальное банкротство, и если бы только одних идей, всего того, что ещё хоть как-то сдерживает центробежные силы, однако скоро эти иллюзии испарятся.

И не у меня одного. У многих.

Оглавление

О себе	4
Смерть Сталина	6
Пращурь	15
Жизнь наша	28
Война	38
Иов-потюремщик	54
Власовцы	71
Японцы	73
На Родину	74
На Сахалин	77
Ученье	80
Солнце в мешке	83
Шлея под хвост?!	89
1955 год. Пароход «Ильмень»	92
Армия. 1955–1957	96
Рыбак. 1957–1959	101
Сто первый	104
Через полвека	120
Дурак-рационализатор	128
Трагедия	132
Отсидент	148

«Радость»	152
Поднадзорный	158
Голодная степь	164
Решение	173
Сквозь калейдоскоп	175
Лопух	182
1979 год	189
Ночной разговор	193
Смерть четырежды героя	202
Перестройка и гласность	203
Предощущение	213
Миссионер-многостаночник	220
Безработный	224
Возвращение изгнанника	227
О доме плача	238
О вере в предсказания	240
Ваучеризация	243
ППБФ	248
Выборы Президента	250
О профессионалах	254
Декабрь 1998 года	257
Ч + ЧЧЧ = Чужак	261
Эра диктатуры закона	267

УДК 882-92
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Е30

Александр Егоров
Противостояние. –
М.: Волшебный фонарь, 2015. 272 с.

Редактор В.П. Ерохин
Дизайнер Р.Б. Гершзон

ISBN 978-5-903505-25-8

ISBN 9785903505258

9 785903 505258 >

© А.А. Егоров, текст, 2015
© «Волшебный фонарь», макет, 2015

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Формат 60x84/16
Объём 17 п.л.